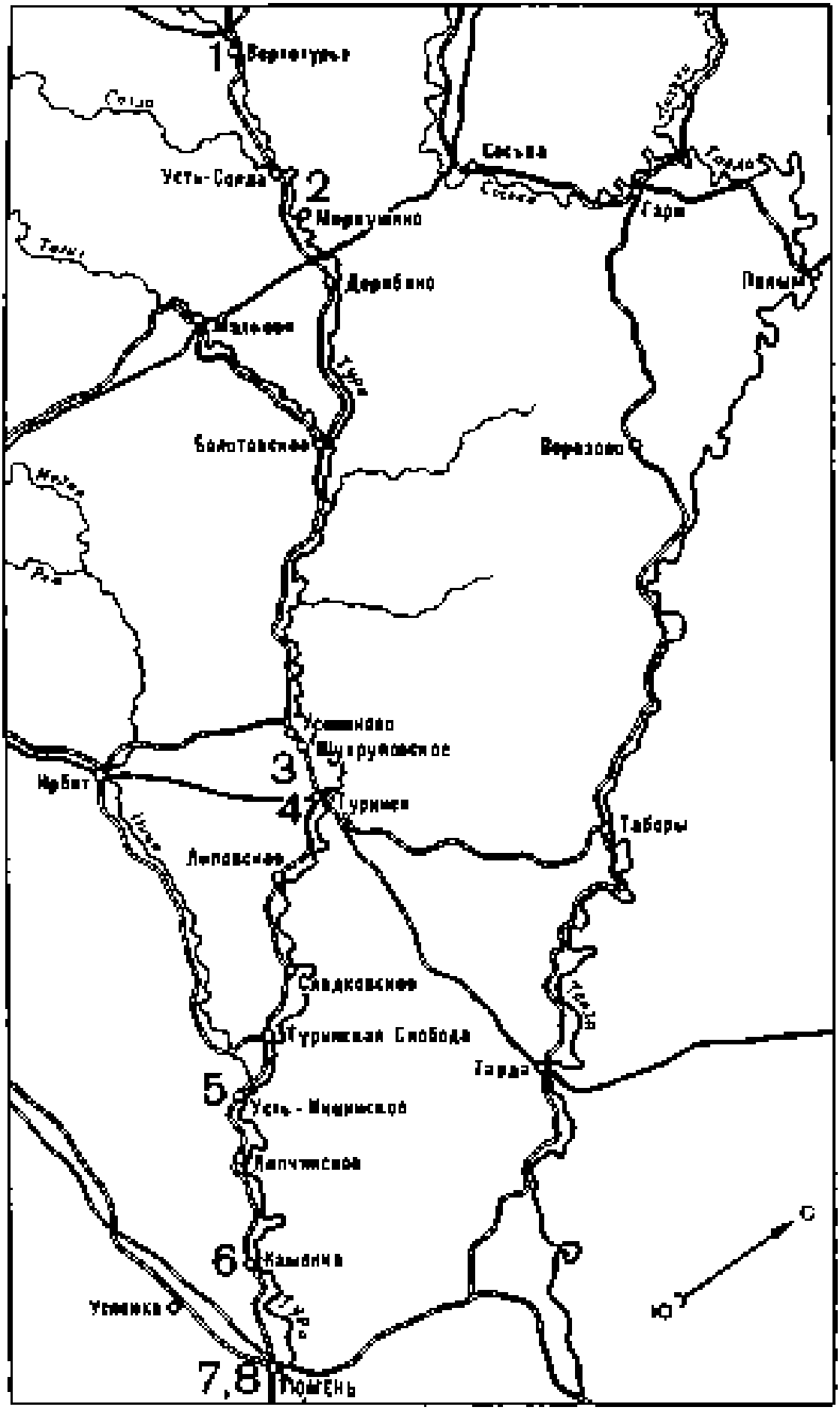
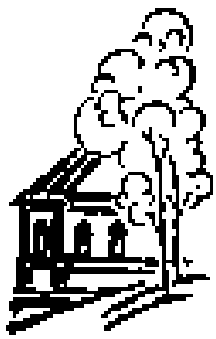
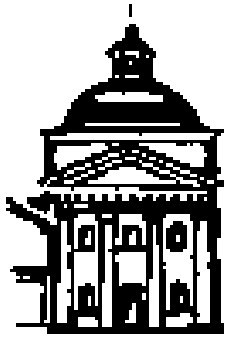
# ВОРОТА В СИБИРЬ

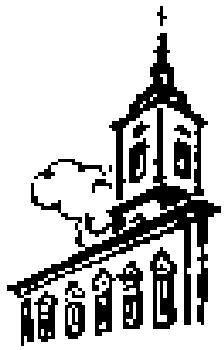

1
Вагай
Сосьва
Усть-Сосьва
2
Мариинино
Сосьва
Тавда
Ишим
Дербенино
Ишим
Байтовченко
Варазово
Ирбит
Усть-Ницинское
3
4
Туринск
Табары
Липовское
Свидковское
Туринская Слобода
Тавда
5
Усть - Ницинское
Ланчинское
6
Камышев
Тура
Успенка
7,8
Тюмень
С
Ю

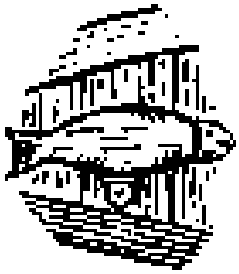


1. Верхотурье.
Троицкий собор. 1704
2. Меркушино
Церковно-парковый
ансамбль.
Начало XIX в.

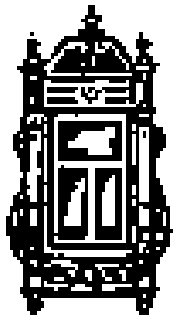


3. Шухрул.
Церковь. Начало XIX в.
4. Туринск.
«Дом Чиркова».
1884—1896





5. Усть-Ница.
Фрагмент ворот
жилого дома
6. Каменка.
Покровская церковь.
1825



7. Тюмень.
Наличник окна жилого
дома.
XIX в.
8. Тюмень.
Дымник

# ВОРОТА В СИБИРЬ

С. П. ЗАВАРИХИН

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1981

ББК 85.113(2)1
3-13

3 $\frac{90101\text{-}176}{025(01)\text{-}91}$ 202-81 4901000000

Издательство «Искусство», 1981 г.

## СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О СИБИРИ — 7

1. МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ — 14
Верхотурье. Как строился город (15). Город сверху: колокольня Троицкого собора (20), Николаевский монастырь (22), верхотурский кремль (23), панорама города (23). Город с земли: Успенская церковь (26), Крестовоздвиженский собор (27), «Дом для приема знатных гостей» (31), Троицкий собор (32), заречная часть (44), Покровская церковь (44), Знаменская церковь (45).

2. ВНИЗ ПО ТУРЕ — 46
Меркушино (46), Болотовское (48), Шухруп (50), Город Туринск: становление города (50), улица Декабристов (55), декабристы в Туринске (55), соборная и базарная площади (61), Сретенская церковь (62), гражданские здания Туринска (63), Туринск деревянный (66), Слобода Туринская (68), Усть-Ница (69), Каменское (71), Кулаково (75), Утешево (76).

3. В УСТЬЕ ТЮМЕНКИ — 80
Историческое обозрение Тюмени (80). Старый Сибирский тракт-улица: въезд в город (87), Троицкий монастырь (92), Троицкий собор (94), Петропавловская церковь (99).

настоятельские покои (101), коммерческое училище (104), Крестовоздвиженская церковь (108), Вознесенская церковь (110), здание городской управы (111), городища (113), гостиный двор (114), здание Военного присутствия (116), «дом Блюхера» (118), здание почтовой конторы (122), Знаменский собор (124), Спасская церковь (127), каменные особняки (128). По обеим сторонам тракта: народное деревянное зодчество (133), тюменский модерн (151), Народный дом (154), Всехсвятская церковь (154).

ПРИМЕЧАНИЯ ——— 156

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ——— 158

# Слово о Сибири

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно: не уважать оной есть постыдное малодушие.

*А. С. Пушкин*

Так случилось, что предлагаемая книга — первая в серии, посвященная Западной Сибири. Поэтому перед путешествием по этой огромной и все еще удивляющей стране нужно с высоты наших сегодняшних знаний разглядеть в тумане прошлого главные вехи и пути сибирской истории. Откуда «пошла есть» русская культура Сибири, какие источники ее питали, какие силы эту культуру поднимали?

Много тайн еще хранит суровая сибирская земля. Неолитические черепки, наконечники татарских стрел, доспехи ратных людей, серебряные сосуды эпохи Сасанидов, остатки оборонительных рвов и валов, древние сибирские летописи, маленькие костяные фигурки и, наконец, суровые крепости над крутыми обрывами — все это находится в неясной пока, но прочной взаимосвязи, за всем этим кровь, слезы, улыбки, надежды и горькое отчаяние людей, сильных и слабых, бедных и богатых, разных, но обязательных участников бесконечного исторического действа.

Говорить о Сибири, об ее истории невозможно, не упомянув про Урал. Уральский хребет, как мечом, отсек Азию от Европы, надолго спрятав от посторонних глаз сибирскую землю. Под защитой Урала, в стороне от всех политических бурь коренное население древней Сибири — автохоны — век за веком создавали свою культуру. Но к началу новой эры по Западной Сибири расселились сперва степные кочевники — угры, а затем — самодийские племена. Последовал длительный, но естественный процесс смешения их с местными племенами, в результате чего образовались новые сибирские народности — ханты, манси, ненцы, сель-

купы. Формирование этих народностей еще не закончилось, когда им пришлось в начале новой эры потесниться в более суровые северные области под давлением гуннов, начавших в то время свое движение из Центральной Азии на запад (так начиналась эпоха великого переселения народов). В VI—IX веках происходит смешение сибирских племен с новыми пришельцами — алтайскими и центральноказахстанскими тюрками. В XIII веке сформировавшиеся было культурно-этнические группы опять изменяются, на этот раз под влиянием тюрков-кыпчаков, вытесненных из степей татаро-монголами, а затем и под влиянием самих татаро-монголов, лавиной прокатившихся по южной Сибири, частично там и осевших. Так к XV веку окончательно формируется новая этническая группа — тюркоязычные татары Западной Сибири, чаще называемые сибирскими татарами.

Сибирские татары имели сильную феодальную верхушку, поэтому уже в XV веке у них образовалось первое политическое объединение — княжество Великая Тюмень с центром в городке Чимги-Тура (будущая Тюмень). В начале XVI века при распаде Золотой Орды земли Великой Тюмени вошли в состав нового политического объединения — Сибирского ханства, состоявшего из мелких улусов. Слово «Сибирь» впервые было упомянуто в монгольской хронике 1240 года. Произошло оно, очевидно, от слова «сиберы» — так называлась часть угорских племен.

Столицей Сибирского ханства стал город Кашлык (он же Искер, он же Сибирь), в шестнадцати километрах от будущего Тобольска. Власть в Кашлыке постоянно оспаривали представители местного татарского рода Тайбугинов и потомки Чингисхана (в свое время Западную Сибирь Чингисхан отдал старшему сыну Джучи, а тот — своему сыну Батыю). Кроме междоусобных и внешних войн ханство вело еще и торговлю, главным образом со Средней Азией и Китаем.

Первыми из европейцев еще в XI веке проникли «за Камень», то есть за Урал, новгородцы. И появилось в русском языке слово «Югра» — древнее название Западной Сибири и народов (угров), ее населяющих. В «Повести временных лет» (1096) говорится: «Югра... это люди, говорящие на непонятном языке, и соседят они с самоядью в северных краях». Слухи о сказочных богатствах «полуночных стран» привлекли внимание предприимчивых новгородцев: «Тучи разряжаются не дождем или снегом, а вверицами (белками. — *С. З.*) и оленцами». Уральские горы, конечно, ошеломили жителей равнинного Новгорода. Та же «Повесть временных лет» пишет об Урале: «Суть горы, зайдуче в луку

моря, им же высота ако до небес». Но несмотря на бесконечные трудности и опасности, «ходиша люди старии за Югру и Самоедь»[1]. Действительно, с XII по XIV век несколько раз предпринимали новгородцы походы за Урал. В результате Сибирь была номинально присоединена к новгородским волостям.

В XV веке, после падения Новгорода, сибирские земли вошли в состав Московского государства. Это было очень важно для русских, так как несметные пушные богатства Сибири могли компенсировать молодому государству отсутствие морских портов и разведанных запасов драгоценных металлов. В том же XV веке начала миссионерскую деятельность в Сибири Пермская епархия, основанная еще в 1383 году, и было организовано несколько военных походов за Урал. В 1465 году отряд Скрябы, а через семь лет отряд Пестрого дошли до Оби; в 1483 году отряд князя Ф. Курбского Черного и Ивана Салтыка Травнина со стрельцами достиг Искера; в 1499 году трое русских воевод (С. Курбский, П. Ушатый, В. Бражник-Гаврилов) с четырьмя тысячами ратников дошли до устья Оби. Однако все эти походы не привели к освоению Сибири — слишком далекой и огромной она была для неокрепшего еще государства. Более реальным в то время было освоение Прикамья и Урала.

Освоение прикамских и урельских земель связано со знаменитыми купцами-солепромышленниками Строгановыми. Один из основателей рода, Лука Строганов, в 1445 году участвовал в выкупе из татарского плена Василия Темного и этим обеспечил роду высочайшее покровительство. Умный, хваткий Аника Строганов в 1515 году поставил первую соляную варницу, а через полвека владел уже большой территорией с городом Сольвычегодском — соперником Устюга Великого и Чердыни. Иван Грозный расширил владения Строгановых, пожаловав им пустые земли по Каме и Чусовой, а затем и за Уралом по Тоболу. Строгановы были на тридцать лет освобождены от налогов, им было разрешено держать свое войско и строить городки. Никто из русских купцов не пользовался такими привилегиями. И никого не было богаче Строгановых.

Но строгановское крутое восхождение — это не просто везение, помноженное на талант, и не результат какой-то особой царской доброты. В очень уж важном месте находились вотчины Строгановых. После победы над Золотой Ордой под Казанью (1552) Русское государство стало вплотную соприкасаться с Сибирским ханством. Тайбугины признали власть Москвы, но в 1563 году власть в ханстве захватил чингисид Кучум, который сразу разорвал вассальные

отношения с Россией. Лишь в 1571 году Кучум согласился на вассальную зависимость, но вскоре, укрепив свою власть в ханстве, начал проводить враждебную по отношению к Московии политику, особенно после набега на Москву крымского хана Девлет-Гирея. В 1573 году был убит московский посол Третьяк Чебуков, прекратилась выплата дани, стали уничтожаться русские селения на Урале, полетели московскому царю дерзкие послания. Занятое тяжелой борьбой за выход к Балтийскому морю, правительство Ивана IV не могло обеспечить безопасность границ на северо-востоке. Защита русских земель в этом районе была поручена чердынскому воеводе и Строгановым. К 1570-м годам строгановская феодальная вотчина фактически превратилась в солидное пограничное государство, почти независимое от власти местных воевод. Строгановы не только охраняли Московию от набегов кочевников и войск Сибирского ханства. Владения солепромышленников в Перми Великой стали базой продвижения русских на Урал и в Сибирь.

Расширение строгановских владений шло трудно, далеко не мирным путем. Поэтому об освоении желованных сибирских земель Строгановы вначале не помышляли, хотя царская грамота 1574 года недвусмысленно намекала на желательность такого освоения. Возможность военного похода в Сибирь появилась лишь с приходом на Каму дружины Ермака.

Историки до сих пор не установили, какой из трех сил — правительству, Строгановым или Ермаку — принадлежит инициатива сибирского похода. Да и сам Ермак — личность полулегендарная: лишь последние пять-шесть лет его жизни принадлежат документальной истории. Песни, легенды, сказания, летописные записи, воспоминания и предположения — все это пестрым ковром накрыло прошлую жизнь Ермака. Из всего дострогановского периода доподлинно известно лишь то, что Ермак со своим отрядом удачливо разбойничал на реках, чем вызвал гнев Ивана Грозного, повелевшего изловить и казнить атамана и его помощников. Спасаясь от государевых войск, Ермак подался на Каму, где был принят Строгановыми. В отношениях между Ермаком и Строгановыми тоже многое неясно, но так или иначе отряд Ермака стал нести охранную службу у Строгановых.

...Исторический поход Ермака начался 1 сентября 1581 года из-под Перми, от Нижне-Чусовского городка. На стругах отряд проплыл по Чусовой, Серебрянке, Кокую, где и зазимовал, соорудив Кокуй-городок. Это место и сейчас хранит в своих недрах следы Ермакова городища. После трудной

голодной зимовки, погубившей немало казаков, отряд посуху перебрался на речку Жаровлю, по которой приплыл в Баранчу, приток Тагила. Попав в Тагил, Ермак сделал остановку под скалистым «Медведь-камнем», привел в порядок свою флотилию, пострадавшую после тяжелого волока на Баранчу, и поплыл дальше через манснйскне земли до Туры. Спускаясь по Туре и Тоболу, он с боями дошел до Иртыша. 23 октября 1582 года у Чувашского мыса на правом берегу Иртыша состоялось решающее сражение с войсками Кучума. Победа над ханом была трудной: сто семь воинов Ермака остелись лежать под Чувашским мысом.

Почти три года после этой победы пробыл Ермак в Сибири, уже обласканный царской милостью, наделенный большой властью до прихода государевых воевод. Очень трудные это были годы, хотя и пришел к Ермаку на подмогу в 1584 году воевода князь Болховский с тремястами стрельцами.

В 1585 году, ночью с 5 на 6 августа, Ермак погиб. Утонул в Вагае, утянутый на дно тяжелым панцирем. Ушел в легенду Ермак, занял свое место в народном эпосе, превратился в младшего брата Ильи Муромца.

После гибели Ермака остатки русских войск — казаков и стрельцов, всего сто пятьдесят человек, — покинули Сибирь, вернулись в Россию. В результате похода Ермака Сибирь не была присоединена к Московии, но Сибирское ханство было разгромлено и тем самым, по словам Маркса, «была заложена основа азиатской России»[2]. Дальнейшее присоединение Сибири к Русскому государству протекало относительно мирно. В 1640 году русские пришли уже на берег Тихого океана.

Закрепиться на новой территории можно было, только построив города и остроги — центры обороны и сбора ясака. Условия колонизации Сибири, в отличие от Поволжья, заставляли располагать города в центрах ясачного, а не земледельческого населения. О первом русском остроге в Сибири упомянула летопись 1445 года. До конца XV века возникло еще несколько острогов и зимовий — как государственных, так и частнопромысловых. В 1586 году в устье Иртыша отрядом Мансурова был сооружен Обский городок. Теперь даже следов не осталось от этих первенцев русской колонизации.

Зато разрослись, раздвигая постоянно свои крепостные стены, другие остроги и города, один за другим рождавшиеся на главных сибирских реках. На Туре — важнейшем пути, соединявшем европейскую Россию с Сибирью, — встали Тюмень (1586), Верхотурье (1598), Туринск (1600), на Иртыш-

ше — Тобольск (1587), на Оби — Березов (1593), Сургут (1594), Обдорск (1595), Мангазея (1601), на Таваде — Пелым (1593). Для защиты Тобольска возник город Тара, а склоны восточного Урала освоены были постройкой Лозьвинского острога.

Вслед за городами в течение всего XVII века в Сибири и Зауралье стали появляться слободы и монастыри. Все удачные и важные места оказались, таким образом, закрепленными. Открылись наконец западные врата Сибири, и вслед за служилыми людьми хлынул через них поток переселенцев.

Разный люд шел в Сибирь. Одних гнало туда свободолюбие, других — жажда наживы, третьих — долг службы. Были здесь и «гуляющие люди», и военные отряды, и ссыльные, шли ямщики по царскому указу, но больше всего было крестьян-черносошников. Главный поток переселенцев с конца XVI века по XVIII век шел из Поморья. Неудивительно, что в культурном отношении Сибирь в это время стала как бы сколком русского Севера. Первые «насельники» принесли много своих обычаев, праздников, святых (св. Прокопия Устюжского, св. Савватия и Зосимы Соловецких, св. царевича Дмитрия Угличского и др.), дали первых земледельцев, посадских людей, построили первые церкви.

Всех принимала Сибирь, всем давала возможность проявить себя, но и всех испытывала суровостью и строгостью. Выживали сильные, упрямые, смекалистые. Так складывался знаменитый сибирский характер, а вместе с ним — культура русской Сибири. Очень сложно сейчас разобраться, что откуда взялось в сибирской культуре, нелегко проследить все линии влияния — Сибирь сама по себе громадна и неоднородна, причудливо переплелись в местных формах культуры творчество аборигенов и «насельников», искусство народное и официальное, консервативные, охранительные тенденции и новые веяния из европейской России и Средней Азии. Но так или иначе, русская культура Сибири возникла, развилась, оставила великолепные памятники, без которых невозможно представить общерусскую культуру начиная с XVII века.

Плотно спаяны сибирский человек и сибирская природа в памятниках культуры. Проницательно писал А. М. Горький: «Сибирь еще себя покажет... Народ туда шел живой, беспокойный: политические ссыльные, беглые крестьяне и просто смелые, вольнолюбивые люди... Да и крепостного права там не было. Хороший дух должен быть в Сибири. Крепкий, смолистый, ядреный, этакий вот, как у молодой сосны...»[3]. Лучше и точнее, пожалуй, не скажешь.

Особое, ведущее положение в русской культуре Сибири занимает зодчество. Декоративные формы и единство с природой — суровой, но богатой — составляют его главную художественную ценность. От человека и природы к архитектуре — таков должен быть девиз всякого, кто захочет действительно понять красоту сибирского зодчества. Истинная красота откроется только тому, кто не ограничится лишь осмотром зданий, а постарается почувствовать связь их с ландшафтом, улицами и площадями, с историей.

Предлагая познакомиться с историей и архитектурой русской Сибири, с путями и вехами их развития, мы рекомендуем для начала путешествие вниз по Туре, по старому ямскому тракту от Верхотурья до Тюмени. Этот старинный путь, настоящие «ворота в Сибирь», сейчас почти не используется, поэтому мы предупреждаем, что без собственного транспорта путешествие будет трудным. Тем более что в полном соответствии с сибирскими масштабами расстояния между населенными пунктами значительны.

Предлагаемый маршрут большей частью совпадает с путем Ермака. Проследовать этим путем занимательно и плодотворно для пытливых путешественников.

# 1. Между Европой и Азией

Древние жители Урала делили все реки на «черные» и «белые». «Белыми» они называли реки, текущие на запад, «черными» — текущие на восток. «Черные» реки и стали первой дорогой в Сибирь.

Не сразу был найден самый короткий путь в сибирские земли. С древнейших времен русские промысловики и землепроходцы для своих нужд пользовались печорским «Чрезкаменным» путем. Три тысячи верст по этому пути от Соли Вычегодской до Березова были не только долгими, но и очень опасными. Труден чрезвычайно был перевал через Урал, семь озер соединял цепочкой «каменный волок». Поэтому и не использовался этот путь для колонизации, а оставался все время лишь торговым, связывавшим Печору через Устюг с Архангельском и Поволжьем.

Был еще морской путь «мимо Пустозерский острог» в Обскую губу, к «златокипящей» Мангазее. Немало смельчаков проглотил коварный Ледовитый океан. В 1620 году этот путь был запрещен ввиду трудностей сбора пошлины.

Но самыми короткими и удобными были камские пути — наиболее древние, по которым еще в VI веке доставлялись из Азии серебряные сосуды эпохи Сасанидов. Однако пути эти находились в руках тюрков-булгар, охранялись надежно, так что суздальские великие князья в XII веке, несмотря на большое желание, не смогли закрепить их за собой, а в XIII веке хозяином этих мест становится Казанское ханство. Несколько путей вело на восток с Камы. Один путь шел по ее притоку Чусовой до устья Серебрянки, по ней — до Тагильского волока, с которого последовательно

попадали в речки Жаровлю, Баранчу, Тагил и, наконец, в Туру. Были и другие пути, но наиболее известным в XVI веке был путь «от Соли Камской мимо Чердынь водяным путем Вишерою вверх, да через Камень в Лозьву реку, да Лозьвою вниз в Тавду реку, да Тавдою рекой вниз до Тобола реки»*. Этим путем русские смогли воспользоваться уже с 1472 года, после присоединения Перми, а падение Казани в 1552 году сделало его основным официальным путем в Сибирь. Для сбора пошлины на Чердынском (Вишеро-Лозьвинском) пути в 1590 году был построен городок-острог Лозьва. С этого времени город Чердынь превратился в важный центр колонизации Сибири: товары (хлеб, соль, боеприпасы) из Москвы через Переславль-Залесский, Ярославль, Вологду, Тотьму, Устюг Великий, Сольвычегодск, Кайгородок попадали в Соликамск, оттуда через Чердынь, Лозьву — в новые города Тюмень и Тобольск.

Но Лозьвинский путь тоже был опасным и неоправданно длинным: вместо того чтобы следовать на восток, приходилось идти на север, затем спускаться на юг. Поэтому в 1595 году издается царский указ, по которому «охочим людям» предлагалось проведывать прямую дорогу на Туру. Удачливее других оказался соликамский посадский человек Артемий Бабинов. Предложенный им путь сокращал вдвое дорогу от Соли Камской до Тюмени — через несколько мелких речек и один перевал он приводил к верховьям Туры, а затем по Туре к самой Тюмени.

Бабинов сам руководил постройкой дороги, строил очень быстро и за службу свою был освобожден от всяких пошлин. В 1598 году Бабиновская дорога была объявлена правительственным трактом. Все другие дороги были закрыты, Лозьвинский городок разобран, а в начале Бабиновской дороги, в верховьях Туры, в том же 1598 году был поставлен Верхотурский острог. Новая дорога обошла Чердынь стороной, приговорив тем самым город к прозябанию. Зато Соль Камская сразу сделалась важнейшим пунктом на пути в Сибирь.

От верховьев Туры шло два пути на Тюмень — прямой, на котором позже возникнет Ирбит, и по берегу Туры, на полпути по которому встанет Туринск (береговой путь тоже расчищал Бабинов). Постепенно на этих двух трактах стали возникать, естественно, и другие поселения, но исходной точкой, вершиной, соединяющей Европу с Азией, был град Верхотурье.

**ВЕРХОТУРЬЕ. КАК СТРОИЛСЯ ГОРОД.** Само название города можно смело отнести к жемчужинам русского

словотворчестве. Действительно, слово завораживает и своей протяжной мелодичностью и своей смысловой емкостью: будучи произнесено хотя бы мысленно, оно сразу вызывает ассоциации с чем-то вершинным, главенствующим, возникает образ какого-то сказочного кремля-утеса среди шпилевидных елей. Образная сила его так велика, что с трудом опускаешься до его семантики: город в верховьях Туры. А потом, когда увидишь этот город наяву с кремлем на утесе, поражаешься точному соответствию образа и действительности.

С холма-утеса, на котором стоит верхотурский кремль, взгляд уходит по измельчавшей уже Туре бесконечно далеко, за голубеющий лес, за остановившиеся облака, за невидимую границу времени — к тому началу, до которого — страшно подумать! — четыре громадных века. Гортанное, как будто из книг Фенимора Купера, слово Неромкарра — еще один удивительный звуковой образ этих, в то время диких, полных неожиданных опасностей мест. Неромкарра — вогульское городище, бывшее на Верхотурском утесе, грозном и неприступном. Этот утес и облюбовали опытные осмотрщики, отправленные последним Рюриковичем — царем Федором Иоанновичем на поиск удобного места для будущего города: нужно было закрепить Бабиновскую дорогу в верховьях Туры. 3 октября 1597 года чердынский воевода Серыч Шестаков сообщил о выборе места в Москву. А уже 18 октября специальная грамота царя повелевала воеводе Василию Петровичу Головину и письменному голове Ивану Васильевичу Воейкову строить город Верхотурье по росписи Шестакова. Трудно добирались Головин и Воейков до места, надолго задержались в Перми, и город Верхотурье был заложен лишь весной 1598 года. Первыми обитателями города, кроме его строителей — «выкликанцев» из Новгородского, Вологодского и Вятского уездов, были стрельцы и казаки из разобранной Лозьвы. Через год основателей города сменили воевода князь Иван Вяземский и письменный голова Гаврила Салманов.

Верхотурье строилось прежде всего как город-таможня. Но недалеко еще велась борьба с остатками Сибирского ханства, поэтому Верхотурье, как и другие сибирские города, начиналось с укрепленной крепости. Это ядро, называемое «городом», обносилось городнями — двойными бревенчатыми стенами с земляной засыпкой. Но в Верхотурье хорошо защищавший его скалистый утес позволил на первый раз обойтись без стен: по периметру города заплотную друг к другу («постенно») поставили казенные избы, некоторые из них с башнями. Внутри города сразу же возникли

необходимые здания — церковь Троицы, дворы воеводы, священника, служилых людей, съезжая изба, гостиные дворы — русский и татарский, кабак. Под защитой города рядом появился посад. В 1600 году возникла и Ямская слобода — обязательная принадлежность городов на больших трактах. Вначале ямскую гоньбу отправляли как повинность вогуличи, но в 1599 году Борис Годунов, который очень заинтересованно следил за строительством Верхотурья, повелел на Соликамско-Верхотурской дороге устроить «ямы», где поселить русских ямщиков («ямских охотников»). За четверть века слобода выросла до сорока дворов.

В 1604 году между Ямской слободой и городом возник мужской монастырь, через год посад был расширен включением соседней «жилецкой» слободы, а еще через год уже «город» был увеличен почти вдвое и в нем появилась вторая церковь — Воскресенская. В это же время возникло жилое поселение с церковью на низком правом берегу Туры напротив «города».

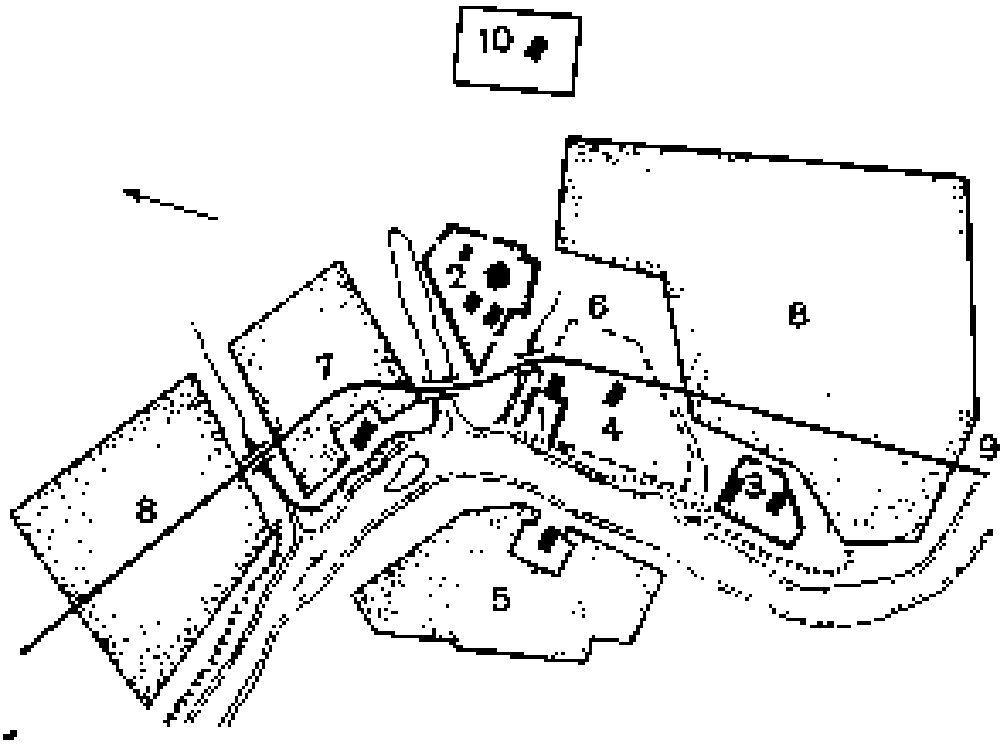
Деревянный город, как и все русские города, периодически горел. В 1614 году пожар уничтожил Верхотурье полностью; пришлось, по существу, строить новый город на том же месте — занятие, привычное для русских людей того времени. Жестокая необходимость постоянно отстраиваться после пожаров воспитывала характеры людей. Нетрудно представить себе картину: целый город погорельцев, плачущие, больные, голодные, среди зимы или в осеннюю непогодь... И только перестук плотничьих топоров как оптимистический рефрен: «Жизнь продолжается!» В лесной стране плотник всегда был первым человеком. И безопасность, и тепло, и красота — все это плотничьих рук дело. До Петровской эпохи русские плотники не знали слова «строить». Они «рубили», «ладили». Нынче плотницкое искусство угасает, и здесь ничего не поделаешь — железобетон победил, но только как смириться с уходом из нашей жизни самого живого, совместимого, кажется, даже биологически, с человеком материала — дерева? Ведь те изделия из распиленного, загляженного, покрытого масляным лаком дерева, которые нас сейчас окружают, нельзя назвать по-настоящему деревянными. Рисунок текстуры — вот все, что мы способны сейчас увидеть в дереве. А русские плотники ставили смолистые срубы — весомые, плотные, пропитанные соками земли.

Отстроившись после пожара, Верхотурье продолжало разрастаться. Сам процесс этого постепенного роста чрезвычайно интересен. В самом деле, разве каждый город, особенно старинный, не уникальное явление со своей судьбой — с окружающей его природой, обществом, историей? Дума-

ется, каждый город должен иметь не только своего летописца, но и биографа. Нет пока таких биографов, а душу города пытаются постигнуть лишь поэты. Без поэзии здесь, действительно, не обойтись.

По образному выражению историка архитектуры В. Кочедамова, города растут подобно живому организму — выделением новых клеток. Каждый древний сибирский город именно так и формировался: слободы, посады, монастыри постепенно окружали первоначальное ядро — острог или крепость. Не был исключением и город Верхотурье. Кремль, Ямская слобода, мужской монастырь, посад и правобережье составили основу города. В 1621 году зародилась еще одна городская «клетка» — женский Покровский монастырь. Заложен он был по приказу Киприана — первого сибирского архиепископа, следовавшего в то время к месту своего назначения в Тобольск. Выходец из Старой Руссы, Киприан прожил жизнь деятельную, интересную, как и многие незаурядные люди на Руси. В Смутное время, будучи архимандритом новгородского Хутынского монастыря, он был послан в Швецию просить королевича Филиппа царствовать в России, чтобы не покориться польскому королю Сигизмунду III. У шведов же были далеко идущие замыслы — они хотели постоянной власти над Новгородом и пытались сделать Киприана сообщником. Но ни посулы, ни жестокие истязания не сломили твердости новгородца. И только после воцарения на престоле Романовых шведский король Густав-Адольф отпустил Киприана в Москву. Здесь Киприан откровенно все рассказал Михаилу Федоровичу и просил помиловать Новгород. Юный царь и его отец — патриарх Филарет — приняли свидетельства верности и допустили Киприана к делам государственного значения. Гордый, надменный, властный, любящий блеск и великолепие, Киприан, так же как позже Никон, ставил церковь выше государства. Твердой хозяйской рукой стал он наводить порядок в Сибири. Тридцать церквей и двенадцать монастырей основал он за три года. В Верхотурье Киприан собрал стариц, живших на посаде не по монашескому чину, и повелел построить для них за посадом монастырь. На следующий год царь пожаловал на содержание монастыря пашенные земли и рыбные ловли.

После постройки монастыря к 1624 году подоспела другая большая работа — сооружение нового острога на месте полусгнившего старого. Наняли плотников и платили им по 20 копеек за сажень стены и по рублю за башню. Посад и город (а всего 109 дворов) объединили общей стеной. С внутренней стороны стен, как и полагалось, шли обходные




*Верхотурье.*
*Схема плана*
*города начала XX в.:*

1) кремль с Троицким собором; 2) Николаевский монастырь с Крестовоздвиженским, Преображенским, Николаевским и кладбищенским храмами; 3) Покровский женский монастырь с Покровской и Иоанно-Предтеченской церквами; 4) Спасо-Воскресенская церковь; 5) заречная часть с церковью Одигитрии; 6) граница крепостных стен XVII в.; 7) Ямская слобода со Знаменской церковью; 8) массив левобережной застройки; 9) дорога в Сибирь (ул. К. Маркса); 10) кладбище с Успенской церковью

мосты для ведения верхнего боя. Из девяти башен пять были проезжими, самыми высокими — от 20 до 27 метров. Наиболее опасным считалось восточное направление, поэтому в эту сторону было обращено больше всего башен.

А в 1657 году опять пожар — и половина города превратилась в пепел. В 1674 году выгорел центр города. Через девять лет сгорел Троицкий собор. Соборный протопоп Иван Михайлов поехал в Москву хлопотать о каменной постройке и привез воеводе Григорию Нарышкину царскую грамоту с разрешением строить каменную церковь. Но строительство началось только после грамот Петра I в 1699 и 1700 годах, предписывавших построить в камне соборную церковь и кремль. Город стал менять одежды — деревянные на каменные. Построили каменные казенные амбары, приказную избу, воеводские палаты, в 1703 году — Троицкий собор, затем — гостиный двор, магазины, стены и башни кремля. Гостиный двор простоял недолго: в 1738 году во время страшного «Ильинского» пожара, уничтожившего

триста дворов, он сгорел. Пострадал и Троицкий собор, но уже на следующий год был восстановлен.

В середине XIX века в Верхотурье было семь каменных гражданских зданий (воеводский дом, воеводская канцелярия, госпиталь, винный магазин, два тюремных замка и дом купца Юшкова), четыреста двадцать шесть деревянных домов, четыре каменных, один деревянный мост, восемнадцать улиц. Названия улицам давали, как и принято по церквам, по местоположению, по профессии жителей и по фамилиям почетных граждан — торговцев и заводовладельцев. В 1899 году население города составляло две тысячи семьсот человек, немногим больше, чем сто лет назад. Рост города прекратился в конце XVIII века, после того как в 1763 году закрыли таможню, а торговые пути переместились на Средний и Южный Урал. Главным занятием горожан стали ремесла и хлебопашество. Купцы были небогаты, кормились от городских лавок, торговлей рогожею. У некоторых из них были кожевенные заводы и рыбные промыслы. Тихий, сонный городок среди величественной природы. Архитектура, обрамляющая неспешную жизнь.

Теперь в Верхотурье совсем другая жизнь, но «архитектурное обрамление» почти не изменилось.

ГОРОД СВЕРХУ. Высокая колокольня Троицкого собора как бы руководит строевыми порядками изб в окружении обрывистых бровок, лугов и перелесков. Удивительные это сооружения — русские колокольни! И нехитрые вроде бы постройки: столп, на нем купол или шатер, иногда шпиль. А какой мощный жизнеутверждающий слой своей философии сумел вырезать в них народ-строитель! Колокольни не могли не появиться в русском зодчестве, как не могла не появиться резьба по камню или дереву. Академик Д. Лихачев, тонко и точно чувствующий прошлое, назвал древнерусские постройки «подарками» окружающему ландшафту. Действительно, не мыслящий себя вне природы человек прошлого украшал свою землю точно так же, как свой собственный дом, свою жизнь — не натужно, а естественно и просто, не мудрствуя попусту и не изменяя привычкам и традициям. Одной из таких традиций было особое отношение к вертикальным формам. Вертикалям принадлежит важное место в истории зодчества. Еще в эпоху неолита человек затрачивал массу усилий, чтобы обтесать и поставить многометровый столб — менгир. Позже становление национального самосознания любого народа сопровождалось разработкой собственной вертикальной формы.

Для русского народа такой формой явилась колокольня. Каждый этап нашей истории порождал свои колокольни. Приземистую и скромную — при новгородской церкви Спаса на Нередице в XII веке; вознесшуюся до облаков как очередное чудо света церковь-колокольню Ивана Великого, возвестившую миру о рождении могучего государства Московии; колокольню-шпиль Петербурга, победившую громадные пространства невских берегов. Колокольни — самые символичные из всех типов сооружений в русском зодчестве. С гордым, независимым видом, связывая небо и землю, стоят колокольни — белые под зелеными куполами. И одна из них, как страж у ворот в Сибирь, прочно встала на верхотурском Троицком камне, между двумя частями света.

Верхний ярус колокольни Троицкого собора... Выше только птицы. Открытые всем ветрам восемь проемов — это восемь картин в рамках арочной формы. Картины накладываются друг на друга, становятся объемными. Внизу город и знаменитая прежде Тура, обнявшая его. Сбегающие к реке овраги, как ножницами, разрезали город на части. Но эти части как бы нанизаны на Сибирский тракт. Приезжающего из Соли Камской прежде встречала Ямская слобода, расположившаяся за Калачиком — небольшой речкой, весной заполняющей до краев широкую пойму. Слобода строгая, чинная, с прямыми улицами, ровными тротуарами. Затем перед въезжающим постепенно, все усложнялась, развертывалась панорама центра города — купола и шатры церквей за стенами мужского монастыря, из-за угла последнего ямщицкого дома возникал кремль, островерхий, легкий. Справа под утесом — река, низкий правый берег с далеким лесом, впереди — отражающиеся в Калачике стены и башни монастыря. А большая Знаменская церковь в слободе могла остаться и незамеченной. И не случайно. Каждый русский город имел четко выраженное ядро, и постановка всех значительных зданий подчинялась задаче усиления выразительности этого ядра. Встань Знаменская церковь на тракте, и Ямская слобода потеряла бы столь необходимую ей нейтральность, впечатление от неожиданной красоты центра было бы ослаблено. Восхищаешься безошибочностью градостроительного чутья древних зодчих: не в гуще слободы поставлена церковь, а на берегу Туры, чтобы «работала» она на панораму, чтобы «перекликалась», «говорила» с другими церквами. И расположилась церковь не на бровке берега, а немного ниже, чем еще раз подчеркнута ее принадлежность речным просторам, а не Сибирскому тракту.

С высоты Троицкой колокольни, как на ладони, — вторая часть города с Николаевским мужским монастырем. Угловая башня его стен глубоко входит в развилку Калачика и миниатюрной речушки Свияги, струйкой пробирающейся по дну глубокого крутого оврага. Николаевский монастырь лишь на четыре года моложе Ямской слободы. Начало монастырю положил пришедший с «выкликанцами» чернец Иона Пошехонец. Воеводы поначалу отказали Ионе в лесе для постройки: очевидно, не хотелось иметь в посаде монастырь с его постоянными претензиями на льготы. Но после специальной грамоты Годунова в 1604 году лес был выделен и монастырь построен. Неспокойное время наложило отпечаток на облик монастыря: полностью законченный в 1625 году, уже при Михаиле Федоровиче, он являл собой настоящую крепость со стенами и башнями. В центре его территории, как и положено, стояла церковь — Никольская. Именно на эту церковь была ориентирована главная улица, по которой проходил Сибирский тракт, а также другая, перпендикулярная тракту улица. Богатеть монастырь начал в Петровскую эпоху, когда приобрел мощи Симеона Верхотурского. Накопленные средства позволили полностью перестроить монастырь в камне. План территории стал близок к квадрату, композиционным центром стала колокольня второго храма — Преображенского, построенного в 1834 году по плану, скопированному из альбома известного столичного архитектора К. Тона. В монастыре появилась кладбищенская церковь, в главную ось ансамбля закрепил надвратный Симеоно-Анненский храм (в городе эта ось завершалась Троицким собором). В 1909 году был закончен третий храм — громадный Крестовоздвиженский собор, построенный подрядчиком, нижегородским крестьянином Андреем Балашовым под наблюдением екатеринбургского архитектора Александра Тургевича. Храм вмещал десять тысяч человек — всего на четыре тысячи меньше, чем Исаакиевский. За образец был взят храм Христа Спасителя в Москве. В то время официальная Россия готовилась с необыкновенной помпой отметить трехсотлетие дома Романовых, пытаясь таким образом спасти уже агонизирующее самодержавие. По всей стране возникали громадные пышные сооружения во славу выдвинутой триады «бог, царь и отечество». Сейчас, полуразрушенный неумелым использованием в последние десятилетия, оставшись в одиночестве за монастырскими стенами (остальные церкви разобраны), Крестовоздвиженский храм смотрится пришельцем из другого мира. Очевидно, и раньше он не был достаточно органичной частью монастырского ансамбля, но в окружении других церквей и

колокольни вполне мог формировать сложный, интересный комплекс.

Кремль с прилегающим к нему посадом образует третью — древнейшую — часть города, и чтобы увидеть ее всю с колокольни, приходится просмотреть несколько «кадров». Западный проем демонстрирует территорию кремля. Располагается кремль, как и Николаевский монастырь, на мысу, образованном берегами Туры и двух речек — Свияги и Дернейки. Если мысленно убрать автобазу, которая сейчас занимает кремль, то можно представить первоначальную архитектуру кремля. Время, когда он перестраивался в камне (1700—1713), было трудное. Нетерпеливый, решительный Петр I, концентрируя силы только на главном, строил лишь три города: главную столицу России Петербург, сибирскую столицу Тобольск и связующий центр — Верхотурье. Кремль на каменистом Троицком мысу — детище бурного преобразующего времени.

В строительстве верхотурского кремля участвовали московские мастера во главе с Тимофеем Гусевым, строгановские каменщики, верхотурские «работные люди». Старый «город» исчез, не повторившись в камне: Троицкий собор занял новое место, «уйдя» из центра за восточную стену кремля. Лишь притвор и колокольня остались внутри стен, как бы удерживая собор на земле первогорода.

Сильно выдвинувшись за территорию кремля, собор еще крепче соединил две и без того неразделимых части — посад и «город». Перед собором на посаде естественно возникла главная городская площадь с гостиным двором, тюрьмой, двумя церквами. Здесь сходились основные улицы-дороги. И хотя площадь не имела мощения и у нее не везде были даже определенные границы, но большой собор с двумя симметрично расположенными воротами кремля придавал ей торжественность, столь уместную на вершине перевала между Европой и Азией. Сейчас площадь занята сквером и потому практически исчезла, но реконструировать прежнюю композицию площади вполне возможно.

Круговой панорамный обзор города сверху захватывает и его четвертую составную часть. Это территория бывшего Покровского женского монастыря, ныне отмеченная двумя церквами — Покровской и Иоанно-Предтеченской. В свое время (в 162) году), когда встал вопрос о закладке монастыря, место для него было уже приготовлено самой природой: на берегу Туры за речкой Дернейкой. Остальные прибрежные территории были уже заняты. Так окончательно сформировалась нанизанная на Туру и Сибирский тракт цепочка: Ямская слобода, Николаевский монастырь, кремль с посa-

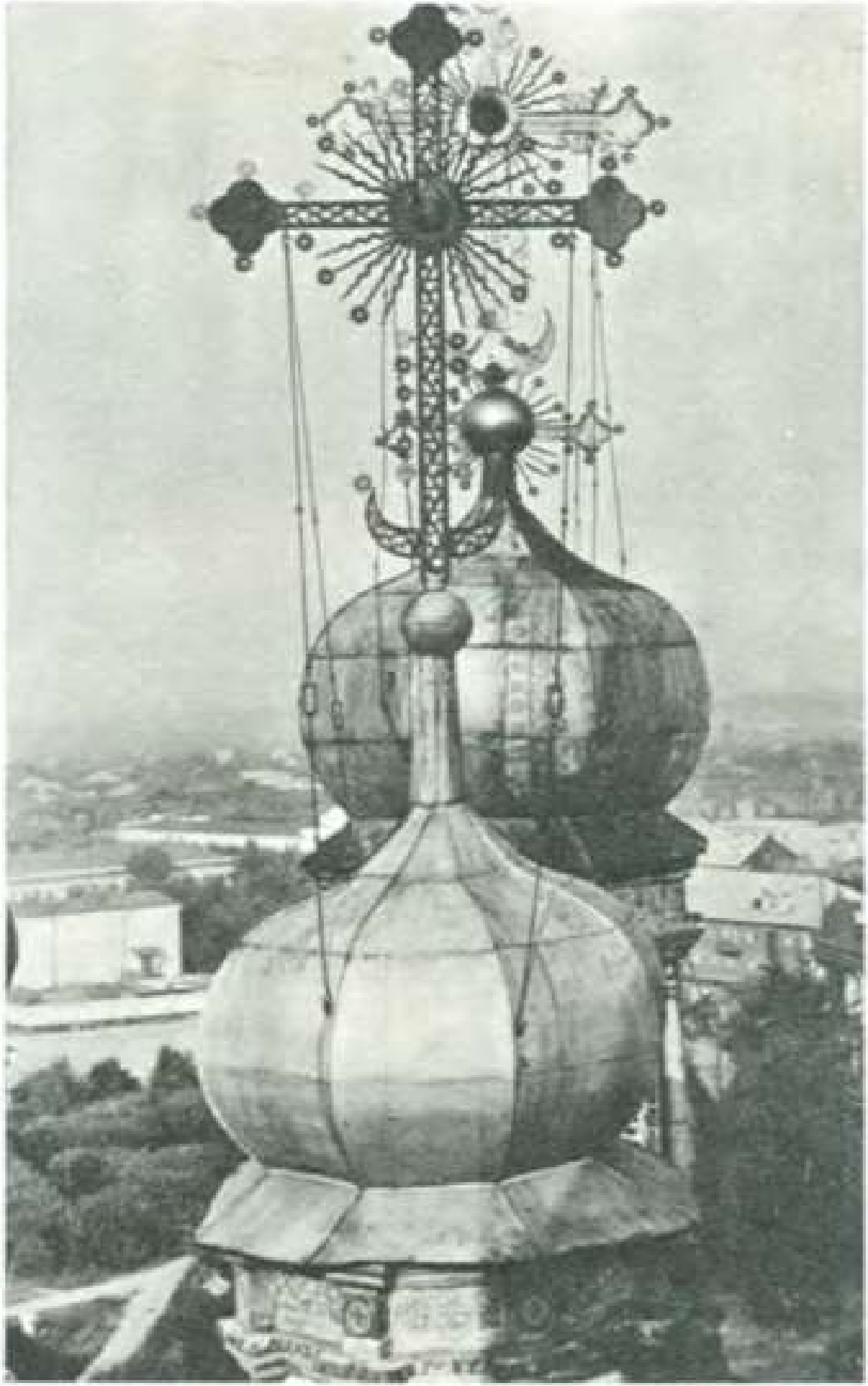
дом, Покровский монастырь. Эти четыре звена, разделенные оврагами, но тесно связанные между собой, огороженные стенами, и составили основу города. Время не смогло изменить эту основу — настолько точно и естественно выросла она из прибрежного ландшафта. Жизненность ее подтвердил и план Верхотурья, разработанный в 1780-х годах Комиссией каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы. Автором плана, вероятнее всего, был архитектор Иван Лем, возглавлявший Комиссию и составивший план Перми.

Планы городов очень многое говорят внимательному зрителю. Вот город-завод, новый для России тип города, возникший на Урале: жилые районы как придаток к промышленным. Вот город-острог, компактный, со строгой, по-военному прямоугольной планировкой. Еще одна разновидность городов — торговые. Здесь громадная центральная площадь с гостиными дворами, лавками, торговыми местами. Множество гостиниц и постоялых дворов. От площади радиально расходятся дороги во все стороны света, торговля —

*Кресты Троицкого собора в Верхотурье*
→

это прежде всего связи. Более сложный тип — военно-административный город. Верхотурье можно отнести к этому типу. Но ни один город не обходится без реки. Где бы она ни протекала — по центру города или только касаясь одной его стороны, река всегда являлась главной городской осью. Береговые панорамы разрывают тесную застройку, делая город больше, значительнее, интереснее. Городской общественный центр так или иначе связан с рекой. Верхотурье в этом отношении — блестящий пример неразрывности реки и города. Можно даже сказать, что Верхотурье — подчеркнуто приречный город. Даже название у него речное. Кстати, о названии реки. По-татарски она называлась Туре, что означает «перед», «переднее место». Очевидно, название реки отражало ее действительное положение как преддверия Сибири, начала Сибири.

ГОРОД С ЗЕМЛИ. Обозрение города сверху дает очень много для понимания его. Много, но не все. Душу города, в не



только его композиционную основу и историю можно постигнуть, лишь исхаживая его вдоль и поперек, по площадям, улицам и закоулкам, под взглядами бесчисленных окон, среди людей, среди его жизни. Поэтому я последний раз сверху окидываю взглядом город, удивительно красивые и совсем-совсем близкие кружевные кресты собора, бесконечно далекие леса и спускаюсь вниз по крутым «забежным» ступеням колокольни, привычно сгибаясь в тесноте. Стены колокольни замыкают в себя, давят на плечи, заставляют почти прижиматься к ним щекой. Каждый кирпич кажется огромным, многозначительным. Где еще можно вот так, в буквальном смысле вплотную, соприкоснуться с давно ушедшим временем и даже почувствовать как бы навеки оставшееся в кладке тепло рук каменщиков? Известковый раствор в швах сохранил отпечатки пальцев: вот здесь кирпич подправляли, здесь загладили одним движением шов, а по этому кирпичу провели ладонью.

После продуваемого насквозь яруса звона внизу, на земле, у прогретых солнцем стен собора, тепло. Хочется осмотреть собор, кремль. Но я иду прочь от кремля, от реки, чтобы вначале обойти Верхотурье по внешней границе. Когда-то там проходил вал. Теперь от него ничего не осталось, просто улица, скорее напоминающая окольцу какой-нибудь деревни. Сразу за улицей начинаются поля, а прямо у дороги — большой квадрат зелени — кладбище. Кто-то мудро заметил, что состояние кладбищ является показателем нравственности общества. Память и нравственность неразделимы. На верхотурском кладбище стоит белая Успенская церковь. Ее округлые формы заставляют взгляд все время скользить по ней. У церкви совершенно необычный план — прямоугольник, с обоих торцов завершаемый одинаковыми полукружиями: восточное является апсидой, а в западном прорублен вход. Квадратная колокольня, напоминающая небольшую беседку, поставлена на край входной полуротонды. Все углы церкви рустованы, как это и положено в архитектуре классицизма (церковь освящена в 1815 году), но рустовка не доведена до цоколя, она как бы «повисла». Рядом — плоские пилястры, но тоже «висячие». Скромная деревянная паперть. Все по отдельности слишком наивно и простодушно для эпохи классицизма, но вместе — зримый пример воплощения народного мировоззрения.

С восточной окольцы хорошо видно, как улицы разросшегося посада сбегают вниз, к кремлю или прямо к реке, отмечая свой путь серебристыми крышами и вытянутыми в линеечку кронами деревьев. Когда-то над этими крышами господствовали островерхий Троицкий собор, легкий, «готического» вида Николаевский храм, увенчанная шпилем

*Успенская церковь на кладбище в Верхотурье. 1815*

колокольня Преображенской церкви. Теперь вместо последних двух громоздится тяжелый Крестовоздвиженский собор. Направляюсь к нему. Под ногами — остатки фундаментов стен посада, впереди, замыкая улицу и не помещаясь в ее перспективе, — серебристо-серый храм. Храм напоминает несколько и киевскую Софию с ее многоглавой пирамидальностью, и романские храмы с их башнями по углам, и византийские церкви. Такое уж было время, когда новую красоту искали в старых формах. Полукруглые высокие апсиды Крестовоздвиженского собора и точно такие же завершения поперечного нефа (трансепта) накрепко приковывают здание к земле, сводя на нет даже те слабые попытки «связаться» с небом, которые «предпринимают» главы. Поставленные на высокие барабаны угловые главы так далеко отошли от центральной главы, что пятиглавие почти не читается. Все малые главы в каком-то беспорядке толпятся вокруг главного купола. Крутые волны закомар и карнизных арок усугубляют эту беспорядочность.

Сложное, двойственное впечатление оставляет храм. До его постройки архитектурный образ Верхотурья сочетал величественность с некоторой затерянностью в громадных просторах России, на продуваемых ветром вершинах Урала. Крестовоздвиженский собор как бы впустил во «врата Азии» столичный масштаб и столичный этикет. Перед «вельможным» новым храмом стушевались, померкли простодушные нарядные верхотурские церкви. Даже Троицкий собор, несмотря на свою красоту, не смог одолеть соперника. С некоторых точек Крестовоздвиженский храм его полностью закрывает и остается на какое-то время единоличным господином города.

Он все же красив, этот громадный собор, не скованный городской теснотой, свободно раскинувшийся на монастырской земле, за монастырскими стенами, не доходящими ему даже до половины. Жалко, что храм быстро теряет свой вальяжный вид: купола прохудились, поперечная трещина грозит разрушением, в интерьере — голые стены.

*Крестовоздвиженский собор в Верхотурье. 1909*

Очень интересна прогулка вдоль стен монастыря. Наиболее выразительны его южная стена со святыми воротами и западная — по бровке поймы Калачика. Стены строились в середине XVIII века, то есть почти через двадцать лет после освящения Николаевской церкви. Из монастыря вело трое ворот — северные, восточные и южные, святые. Четыре угла были укреплены четырьмя башнями. Башни небольшие, скорее дозорные, чем боевые, в них нет силы и мощи. Очевидно, сказалось соседство кремля, которому отводилась главная роль в обороне. Святые ворота, построенные в 1752 году «в византийском духе», через сто лет получили надвратную церковь — Симеоно-Анненскую. Не очень складное сооружение, но зато нарядное. За прошедший век культурный слой уменьшил высоту ворот более чем на метр и общие пропорции измекились в худшую сторону.

Красоту западной стороне монастыря придают не столько стены с башнями, сколько окружающий ландшафт — зеркало превращенного в пруд Калачика, зеленый склон его

берега, местами обрывистый, и пихты, пушистые, темно-стольные, небольшими группами расположившиеся вдоль стен. Натронутая рябью вода так точно повторяет прибрежный пейзаж, что даже теряется чувство реальности. Необычность картины усиливает дом-терем под стенами монастыря между башней и группой темно-зеленых пихт. Это «Дом для приема знатных гостей», построенный по заказу Григория Распутина. В соответствии со вкусами своего времени дом воспроизводит мотивы древнерусского зодчества: составлен из четырех хоромин, каждая под скатной крышей, с небольшим шатром над домовой молельней. На высоком каменном подклете, с поднятой над землей верандой, с двумя крыльцами, одно из которых со «всходом» прямо на второй этаж, с нарядной светелкой, дом очень живописен. Нарочитость его форм не бросается в глаза и даже оправдывается сложностью рельефа и характером окружения. Дом рублен из красивого красного-коричневого кедрача. Недавняя реставрация дома проведена очень хорошо,

*Николаевский монастырь*
*в Верхотурье.*
*Святые ворота (1752)*
*с надвратной*
*Симеоно-Анненской*
*церковью (1850-е гг.)*
←

и теперь в нем организован музей. Рядом с домом поставлен «железный конь» — трактор 1930-х годов — символ новой жизни.

Мост через Калачик — одно из узловых мест в городе. Он соединяет Ямскую слободу с Николаевским монастырем и направляет дальше, к «Троицкому камню». На акварели прошлого века запечатлена красота развертывавшейся здесь тогда панорамы. По сути дела, весь город показывал себя с этой точки. Все церкви, колокольни, стены, башни, каменные дома выстраивались как на торжественном параде. Круто изогнувшись, Тура пробегала вдоль парадного строя, каменистым обрывом своим образуя достойное ему подножие. Об этой панораме приходится говорить в прошедшем времени, потому что все пространство от моста до Троицкого собора теперь совершенно заросло деревьями. Это красноречиво говорит о том, что зелень в городе должна быть организована по законам архитектуры. Верхотурье — город, выразительный прежде всего своими панорамами, и распре-

деление зеленых зон должно учитывать эту его особенность.

Настало время наконец подойти к Троицкому собору. Сколько ни броди по городу, а ощущение его власти над пространством не пропадает. В самых дальних переулках хоть на миг, да мелькнет шатер его колокольни над пучком глав. Вблизи собор кажется еще больше, но не подавляет, а приглашает побыть с ним. Многое удивляет и восхищает в нем. Уже сам выбор композиции храма заставляет задуматься. Ведь здание закончено в 1704 году (в последующие шесть лет производились лишь незначительные завершающие работы), то есть тогда, когда в Москве еще продолжали строиться центрические «нарышкинские» церкви. Кроме того, центричность формы (кубический объем с пятиглавием) в то время была традиционно обязательной для всех соборных церквей. А в Верхотурье для собора выбирается схема, типичная лишь для простых посадских церквей середины XVII века: сочлененные по продольной оси коло-

*Вид на реку Калачик в Верхотурье*

кольня, трапезная, собственно храм с апсидой. Главный вход в храмы этого типа устраивался через колокольни. Эти церкви иногда называют «трапезными», а также «кораблями». Почему же главная церковь такого значительного в то время города, как Верхотурье, не построена центрической? Да, очевидно, потому, что одиночная центрическая постройка не смогла бы «удержать» громадное пространство вокруг «Троицкого камня». Трапезные церкви с колокольнями обладают в этом смысле гораздо бо́льшими возможностями, и строители собора, безусловно, понимали это. Более того, вполне возможно, что именно ландшафтные условия заставили их усложнить композицию объемов, водрузив на традиционный для этой схемы четверик совершенно «нарышкинский» восьмерик, завершенный сомкнутым сводом с центральной главой. Получилось оригинальное решение: типичный для Москвы конца XVII века центрический ярусный объем, обогащенный трапезной и колокольней. Но центрические «нарышкинские» церкви,

как правило, одноглавы, а если и применялось пятиглавие, то оно устанавливалось на четверик. Верхотурский же собор являет собой один из ранних примеров устройства пятиглавия на восьмерике. Причем главы установлены не по диагональным осям нижнего четверика, а по странам света.

Такое расположение типично было для украинской архитектуры, которая в XVII веке использовала формы западноевропейского барокко. Во второй половине XVII века расстановка глав «по кресту» встречалась уже и в Центральной России — например, в соборе московского Донского монастыря (1684—1689), церкви так называемой строгановской школы в Нижнем Новгороде (конец XVII века). Использовав этот редкий в России прием, строители верхотурского собора продемонстрировали безупречное чувство формы: ведь постановка глав на восьмигранный купол потребовала устройства своеобразных «подставок» в виде тумб, напоминающих светелки. Эти «светелки», будучи поставлены с главами традиционным образом, то есть по диагональным осям четверика, отгораживали бы центральную главу от колокольни, создавали бы «замкнутое», самостоятельное пятиглавие, не связанное с вертикалью колокольни. А постановка по странам света подчеркнула общую с колокольней продольную ось, при этом поперечные главы «распахнулись» навстречу колокольне, как распростертые для объятий руки.

К слову сказать, постановка глав на «светелки» встречается в некоторых строгановских постройках, но там все-таки пятиглавие завершает четверик.

Удивительно изящна, даже прихотливо изящна колокольня. Это не просто столп с шатром, это сложное многоярусное сооружение, рожденное по каким-то уже неведомым нам законам коллективного творчества каменщиков. Мы сейчас можем говорить лишь о результатах этого творчества и строить догадки о мотивах, побудивших к жизни ту или иную форму. Действительно, как можно логически объяснить такую сложность объемного построения: на высокий двухъярусный четверик поставлен тоже высокий и тоже двухъярусный восьмерик, на который через специальный переходной глухой ярус (упругий, как подушка эхина под абакой дорической капители) опирается восьмигранный барабан шатра, увенчанный главкой с крестом? Объяснить нельзя, но зато можно почувствовать, насколько богата и гармонична эта «пара» — стройная изящная колокольня и нарядный, но сдержанно-спокойный объем собственно храма.

*«Дом для приема знатных гостей» в Верхотурье. Начало XX в.*

*Вид от моста через реку Калачик в Верхотурье. Акварель середины XIX в. ГИМ*

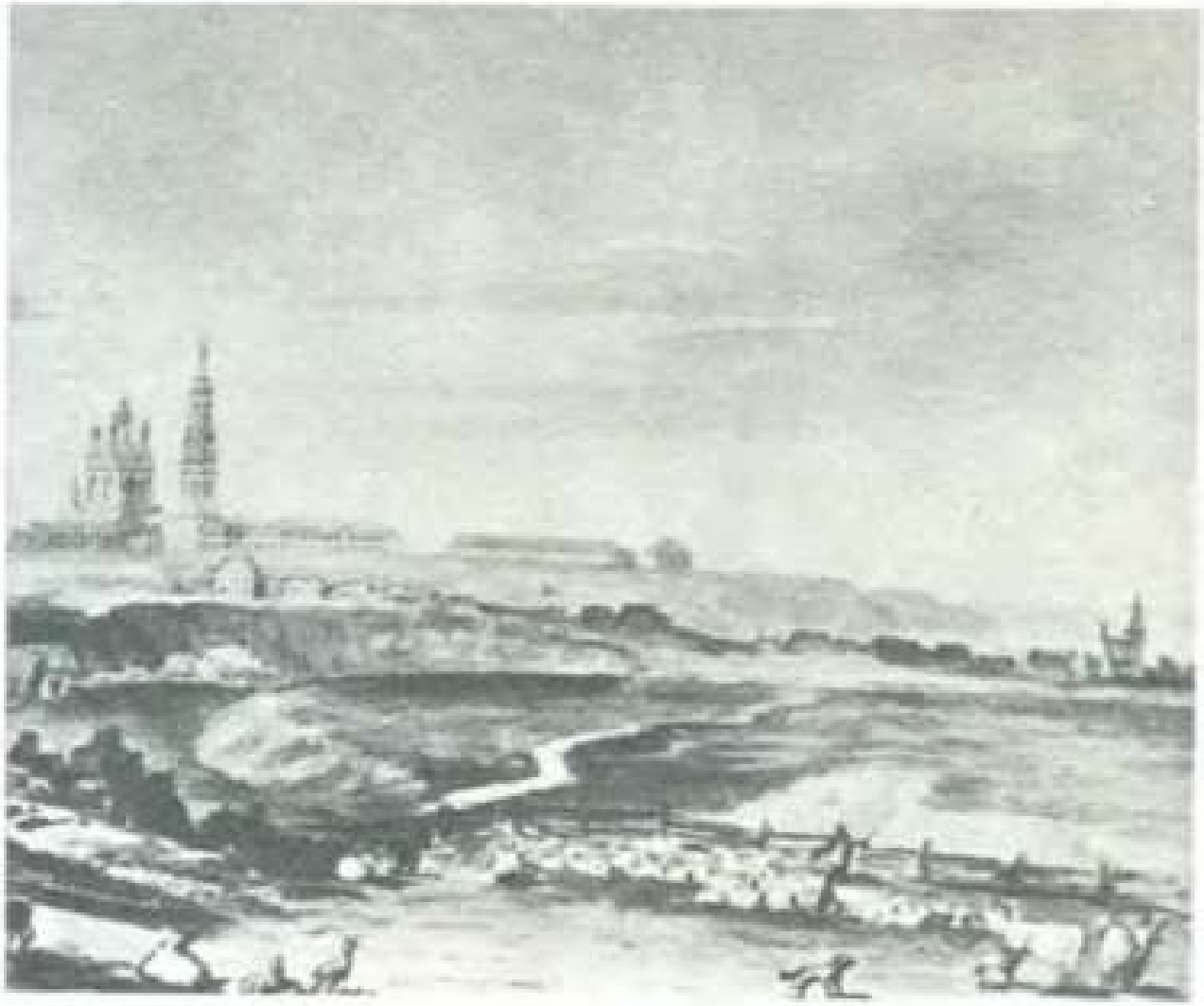
→

Троицкий собор принадлежит к памятникам строгановской школы. Он построен артелью каменщиков из главного в то время центра уральских владений Строгановых — города Усолья. Исследователь Верхотурья П. Тельтевский отмечает сходство архитектурных форм и деталей Троицкого собора с декором несколько более поздних построек — строгановской резиденции в Усолье, церкви в Красном Селе близ Соликамска и даже Мироносицкой церкви Великого Устюга. Новые архитектурные формы, если они нравились, быстро распространялись по Руси. Верхотурский шедевр оказался одним из родников, питавших ширящийся поток общерусской культуры.

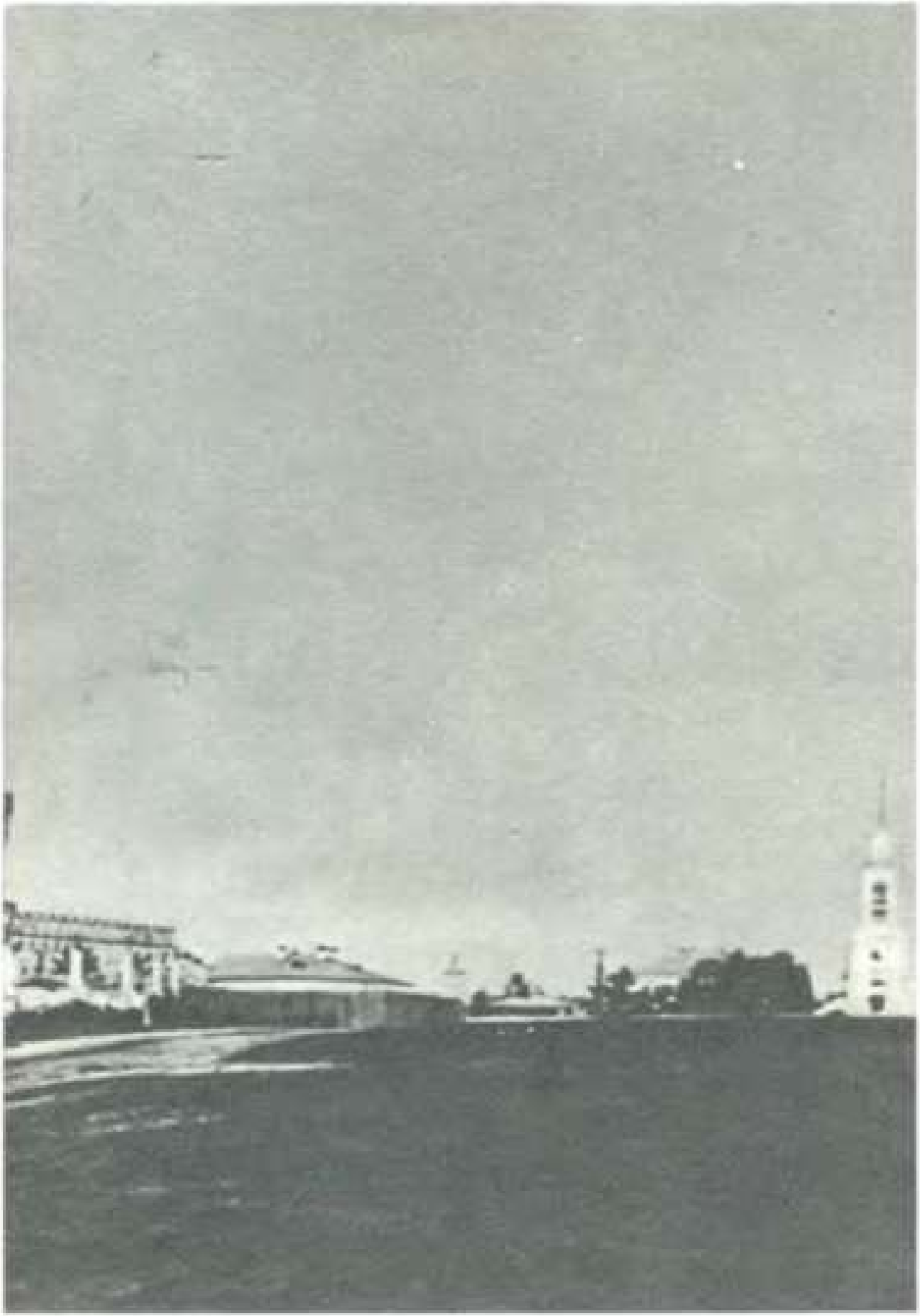
Декор фасадов собора организован по законам «нарышкинского» барокко: на углах объемов — полуколонки, гладкие стены украшены только подкарнизными декоративными поясками и фигурными наличниками вокруг окон. Это очень мудрое распределение декора. Оно не разрушает, а подчеркивает форму объемов и одновременно выявляет

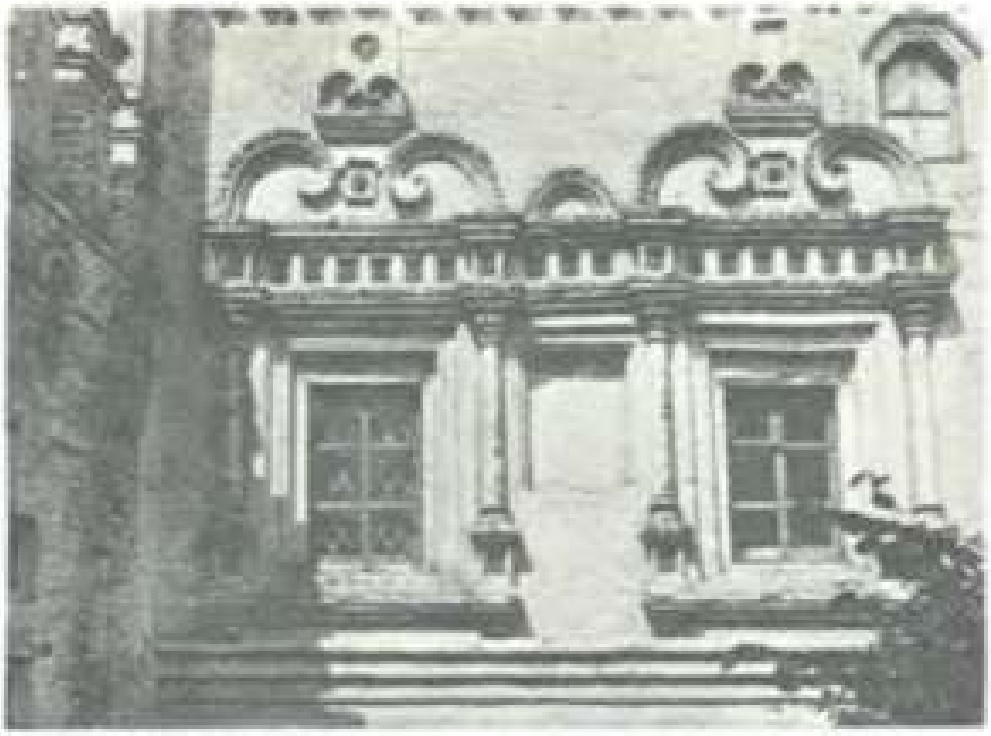
полнее красоту каждого декоративного элемента. По чистоте и последовательности воплощения в жизнь этого приема верхотурский Троицкий собор, может быть, даже превосходит лучшую «нарышкинскую» церковь Покрова в Филях, но по богатству декоративных форм, конечно, ей уступает. Это и понятно. Во-первых, влияла Петровская эпоха, деловитая, сдержанная, а во-вторых, далекий суровый Урал — это совсем не то, что Подмосковье. Но дело, конечно, не в количестве и богатстве декора, а в его самобытности и выразительности. Если декор органично вырастает из фольклора, архитектурной формы, техники исполнения, можно говорить о состоявшемся произведении искусства.

Архитектурный декор Троицкого собора пленяет неожиданной гармонией наивно трактованных ордерных форм и древнерусских, почти языческих. Украшенные лепными «листьями» восьмигранные окна напоминают широколистые подсолнечники или древние изображения Ярилы-солнца. Капители трехчетвертных колонн созданы по мотивам ко-



ринфских, а в наличниках окон уменьшенные до миниатюр «римские» колонны полного ордера (на постаментах) венчаются волютообразным убором явно растительного происхождения. Такие же, но более крупные волюты образуют сандрик западного портала, очень похожий на сандрик Иоанно-Богословской церкви-мавзолея (1704) в селе Макаровка близ Саранска. Декоративные пояса, как воплощенная в камне объемно-пропильная домовая резьба, «накрываются» сверху профилированными карнизами. Балясины, фронтончики, сухарики — все эти понравившиеся строителям детали применяются свободно, как настоящие украшения. Все детали выполнены сочно, объемно, очевидно, с расчетом на светотень, а скорее всего — от полноты мироощущения. Время и солнце придали стенам теплый охристый оттенок, и на этом фоне уютно светятся желто-зеленые («муравленые») поливные изразцы. Ими выложена славянская вязь надписей над карнизами храма, трапезной и колокольни[5], они же — на барабанах глав и на фасадах «све-





*Троицкий собор в Верхотурье. 1704. Справа — колокольня Преображенского храма. Фото конца XIX в. ГИМ*
←

*Троицкий собор. Фрагмент южного фасада*

*Троицкий собор. Южный портал*
→

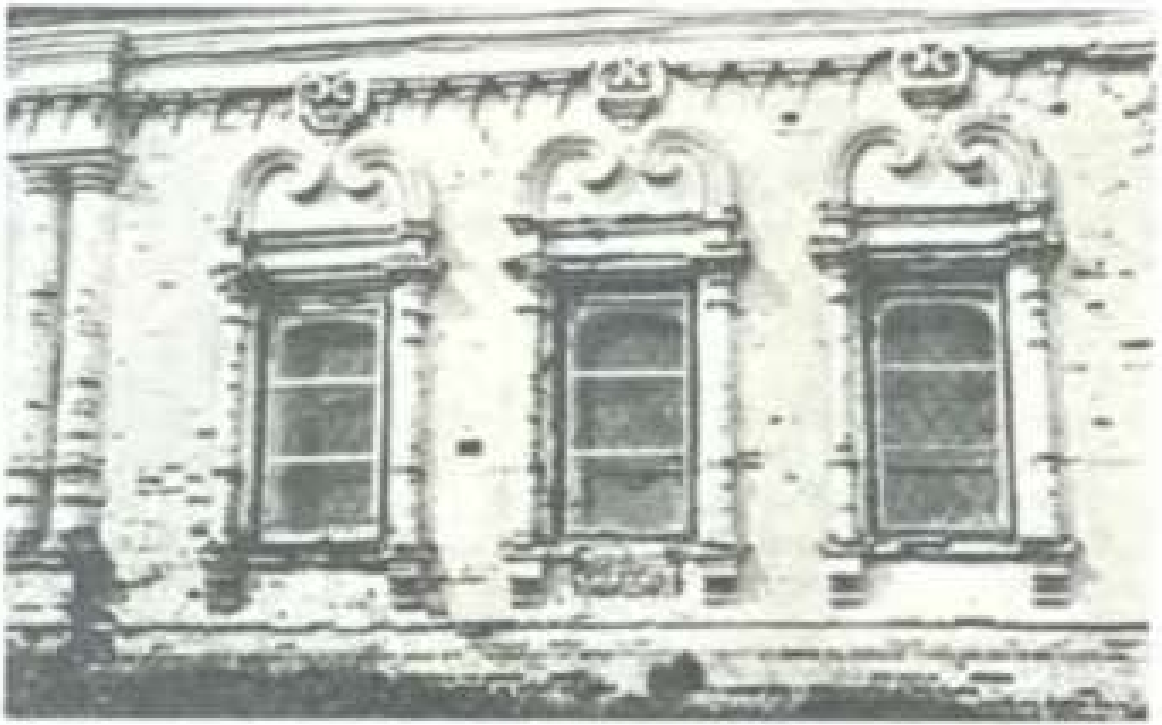
телок». Фигурными наличниками изразцы обрамляют восьмигранные окна, чем еще больше подчеркивается их сходство с шапками подсолнечника. Муравленые изразцы здесь очень уместны, но почему строители собора ограничились применением только этих изразцов (появившихся в России еще в 1620-е годы)? Ведь с 1650-х годов белорусскими мастерами стали распространяться и полихромные изразцы — глазурованные коричневые и поливные бирюзовые, голубые, желтые, белые. Не проявилось ли в этом ограничении то композиционное чутье русских зодчих, которое так афористично было выражено знаменитой фразой: «Рубить высотою как мера и красота скажет»[6]? Ведь значимость Троицкого собора требовала безусловного преобладания торжественности, сдержанности над многокрасочной нарядностью. Так же торжественно и целостно решен интерьер — устремленное вверх, единое бесстолпное пространство.

Троицкий собор сейчас трудно представить без примыкающих к нему кремлевских стен. Своей стремительной

*Покровская церковь в Верхотурье. 1744—1753*

прямолинейностью стены «пронизывают» трапезную насквозь, отсекая для кремля лишь колокольню, как будто не хочется им прятать от горожан всю красоту собора. Двое ворот — северные и южные — украшают эти стены. Нарядный, почти ярмарочный декор ворот заставляет забыть об их военном предназначении. Очевидно, сама мысль о войне была неприятна создателям кремля, не желали они жителям Верхотурья постоянного напоминания об опасности. Поэтому и смотрят на главную площадь улыбчиво-веселые порталы, а по-настоящему — боевые. Сложенные из громадных камней башни, стоявшие на самом обрыве, не дожили до наших дней. Почти разрушились и стены, ведущие к ним.

Стены и башни кремля построены бригадой московских каменщиков, но та часть стен с воротами, которая примыкает к Троицкому собору, очевидно, построена усольскими мастерами — настолько сходен декор ворот с декором собора. Создавая ворота, усольские мастера использовали ком-



*Знаменская церковь в Верхотурье. 1781. Фрагмент*

позиционный прием, открытый еще до нашей эры изобретательными римлянами, а именно соединили арочную форму со стоечно-балочной конструкцией античного ордера. Усольцы, как и все русские строители того времени, не знали всех тонкостей ордерной архитектуры, поэтому поступили по-своему — по бокам арки поставили на постаменты сдвоенные колонны того же, что и в соборе, самодельного «коринфского» ордера (с кирпичными кронштейнами-завитками в капителях), а антаблемент выполнили в виде накладной балюстрады. Оставшиеся пустыми треугольники стен над арками заполнили ширинками. Это все нижняя, рабочая часть ворот, собственно ворота. Верхняя, венчающая часть так и сделана вещом, короной из башенок. Поддерживают эту корону два завитка, напоминающие разорванные сандрики. Икона в своеобразном окладе — профилированном наличнике — придает умиротворенность всей композиции. Примерно так же, только сдержаннее, решен западный портал собора (сдержанность портала вполне объяснима, ведь

над ним стоит нарядная колокольня). К этому главному входу соборной церкви люди подходили по узкому двору, почти коридору, отгороженному от остальной территории кремля. По торцам этого двора располагались воеводская канцелярия и поварня. За внутренней оградой продольная стена делила кремль на торговую — южную — часть (с площадью и складами) и воеводский двор с пятипалатным домом посередине.

На другом берегу Туры, красуясь перед кремлем, свободно раскинулась заречная часть. Без нее пуст и холоден казался бы кремль. Оба берега связывает только легкий качающийся мостик. Скалистый Троицкий камень и низкое стелющееся правобережье дополняют друг друга.

Посреди заречной части когда-то стояла островерхая деревянная церковь Одигитрии, построенная в 1706 году на месте сгоревшей. Теперь одна из древнейших деревянных церквей Зауралья исчезла. Исчезала она постепенно: в середине XIX века с нее сняли шатры, уменьшили здание по высоте, а через сто лет она совсем пропала. Без нее заречная часть потеряла свою определенность, но плавный подъем зеленого берега, расчерченного крест-накрест желтыми тропинками, темно-красные домики, рассыпанные по берегу в каком-то закономерном беспорядке, и темный гребень леса перед светлой полоской поля создают картину такой полной, окончательной завершенности, что забываешь о невозвратных потерях и только любуешься.

19 сентября 1744 года была заложена и освящена по грамоте митрополита Сильвестра в 1753 году Покровская церковь. После того как около нее посреди ограды встала в 1776 году Иоанно-Предтеченская церковь с высокой колокольней, возник ансамбль, мощным аккордом завершивший прибрежную панораму города с востока. Но Иоанно-Предтеченская церковь не сохранилась. Оставшись одна, маленькая Покровская церковь стала еще более камерной.

Вверх по течению Туры панораму города замыкает Знаменская церковь. К 1640 году верхотурские жители уже имели в своей слободе деревянный храм, посвященный новгородскому Знамению Божьей матери. Второй храм, построенный на этом же месте в 1688 году, сгорел от грозы в 1777 году. На следующий год по грамоте тобольского митрополита Павла «ждивением прихожан» начал строиться каменный двухэтажный храм. Нижняя церковь была закончена в 1781 году, верхняя — в 1808 году. То, что сейчас осталось от храма (первый этаж), позволяет заключить, что церковь была выстроена в стиле барокко, но уже тронутом дыханием классицизма. Здания переходных эпох

всегда интересны неожиданной «окраской» знакомых форм. На стыке эпох или стилей часто появляются произведения, выходящие за рамки чистого стиля. Их странная гармония — богатейший материал для размышлений.

Верхотурскую Знаменскую церковь нельзя отнести к программно-переходным произведениям. Это здание, «сделанное» все же по законам барокко. Но угловые и членящие колонны и пучки колонн — уже строгого дорического ордера, карниз вытянут в струнку и раскрепован лишь на углах, посадка окон подчеркнуто определенна, даже суховата. Зато в наличниках барокко проявило себя в полную силу. И здесь, так же как, впрочем, и в Иоанно-Предтеченской церкви, налицо влияние декора Троицкого собора: опять «корона» на двух мощных профилированных завитках. Над ними как масштабный указатель — те же завитки, только уменьшенные. Возникает эффект, открытый еще в Древнем Египте: маленькая фигурка, изображенная около большой, делает вторую фигуру зрительно еще больше.

Знаменская церковь стоит вытянувшись во всю свою солидную длину вдоль берега. Сразу же из-под нее склон начинает убегать вниз, сначала не спеша, полого, затем все круче и круче к самой Туре. В сухое время Тура мелеет и прямо против церкви вырастает остров, окруженный множеством громадных камней.

Прощаться с городом нужно именно отсюда, от Знаменской церкви. Весь город как на ладони. Силуэтом темнеют Крестовоздвиженский и Троицкий соборы, Покровская церковь. Крыши домов тесятся внизу, прячась в овраги.

# 2. Вниз по Туре

Спуститься по Туре — значит пойти в Сибирь. Когда-то пробитая вдоль берега Бабиновская дорога сейчас живет уже в новом виде — улучшена, спрямлена, кое-где заменена, но общее направление сохранено. И уже одно это историческое ее происхождение привлекает, делает путь вниз по Туре замечательно-интересным. Там, где сейчас поля и ухоженные луга, недавно была все та же глухая тайга, лесные завалы, вогульские поселения. Трудной была дорога. Постоянной повинностью крестьян был ее ремонт. И все же в распутицу дорога переставала быть дорогой. Раскисшая земля ненасытно поглощала лежни, настилы, все, чем покрывали ее люди. Зато зимой и в летнюю сушь она становилась покорной и работящей.

МЕРКУШИНО. Как бы оберегая село от суеты транзита, тракт далеко обходит его стороной. До Меркушина приходится почти три километра идти пешком от Лаптева. Дорога сначала спускается в широкий луг, а поднявшись, упруго отталкивается от наседающего лесного клина и уходит в поля через небольшую деревеньку все прямо и прямо. Вдруг ощущаешь, что справа начинает медленно приближаться Тура, хотя и прячется она в невысоких берегах. Как торжественные триумфальные ворота, на подходе к реке стоят по обочинам два кедра, аркой сомкнув над дорогой свои кроны.

На другом берегу реки — Меркушино, старинное зауральское село, почти одногодок Верхотурью. На тот берег ведет легкий мостик, качающийся на длинных жердяных ногах.

Мостик сделан из тонких стволов молодых березок; некоторые поросли зелеными веточками, и идешь как по сказочному березовому лесу, повисшему над водой. Тура здесь достаточно широка, идти приходится долго, держась за поручни.

Село встречает береговым склоном, местами скалистым, и одинокой часовней, охраняющей то, что осталось от некогда дружной семьи — большого меркушинского архитектурного ансамбля. Необычным был этот ансамбль. В таежной глухомани, в настоящем медвежьем углу появился кусочек Подмосковья — сбегающие к лодочному причалу широкие белокаменные ступени, легкий павильон наверху, «готическая» часовня, церковь с колокольней и крытая галерея между часовней и церковью.

Из всего ансамбля лучше всего сохранилась часовня. Она потеряла лишь свои главки. Глав было пять, четыре из них венчали миниатюрные башенки на углах здания, а пятая стояла в центре, на вершине скатной крыши. Романтические («готические») влияния здесь несомненны и, нужно сказать, вполне уместны среди окружающей природы. В отличие от часовни колокольня подчеркнуто проста и монументальна.

Очевидно, природа, необычно умиротворенная для такого дремучего лесного края, как Зауралье, повлияла на то, что Меркушино с самого начала было отмечено печатью какой-то избранности. До 1620-х годов ни в одной деревне вокруг Верхотурья не было церквей — первая появилась в Меркушине. И именно Меркушино выбрал для жительства знаменитый уральский «праведник» Симеон Верхотурский. Житие его повествует о том, что, родившись в 1606 году в боярской семье, Симеон рос очень тихим и впечатлительным, отроком покинул родину в Европейской России и поселился сначала в Верхотурье, а затем — в Меркушине. Скрыв свое знатное происхождение, ходил по домам, портняжил, проповедовал покорность и еще при жизни заслужил подвижничеством и честностью славу «праведного». Умер Симеон тридцати пяти лет и похоронен был в Меркушине. В 1704 году его мощи обнаруживают как «нетленные», переносят в верхотурский Николаевский монастырь, чем и обеспечивают монастырю процветание.

В петровское время в селе была большая пристань, так как на-за мелководья суда не могли подходить к самому Верхотурью и разгружались в Меркушине. Невдалеке от пристани была верфь, на которой построена почти вся туринская флотилия. Жители села занимались заготовкой и сплавом леса, выделкой мочала, обделкой жернового камня. Сего-

*Вид с берега Туры*
*в селе Меркушино*

дняшнее Меркушино — это одна улица, вытянувшаяся вдоль берега, несколько каменных зданий прошлого века и полуразрушенный церковно-парковый ансамбль. Но деревянные избы еще крепки, с красноватым смолистым оттенком.

На пути из Меркушина перелески и купы деревьев посреди полей расступаются, чтобы потом сомкнуться за спиной. Невольно все время оглядываешься. Колокольня, постепенно уменьшаясь, венчает сужающуюся дорогу.

БОЛОТОВСКОЕ. Название села говорит само за себя — места, действительно, низкие, болотистые, только для села нашлось место повыше да посуше. При других обстоятельствах люди, наверное, не стали бы селиться на таком месте, но здесь особый случай — здесь большая уральская река Тагил впадает в Туру. Подобные места на Руси всегда закреплялись поселениями. Болотовское, как и несколько других старинных сел на Туре, сейчас стоит полузаброшенным. Добраться сюда трудно — дороги разбиты и почти пустын-

*Церковь в селе Шухруп. Начало XIX в.*

ны. Большая жизнь отошла от этих мест — Бабиновская дорога давно потеряла свое значение, города Верхотурье и Туринск уже не в состоянии вдохнуть новую жизнь в отдаленные приречные земли.

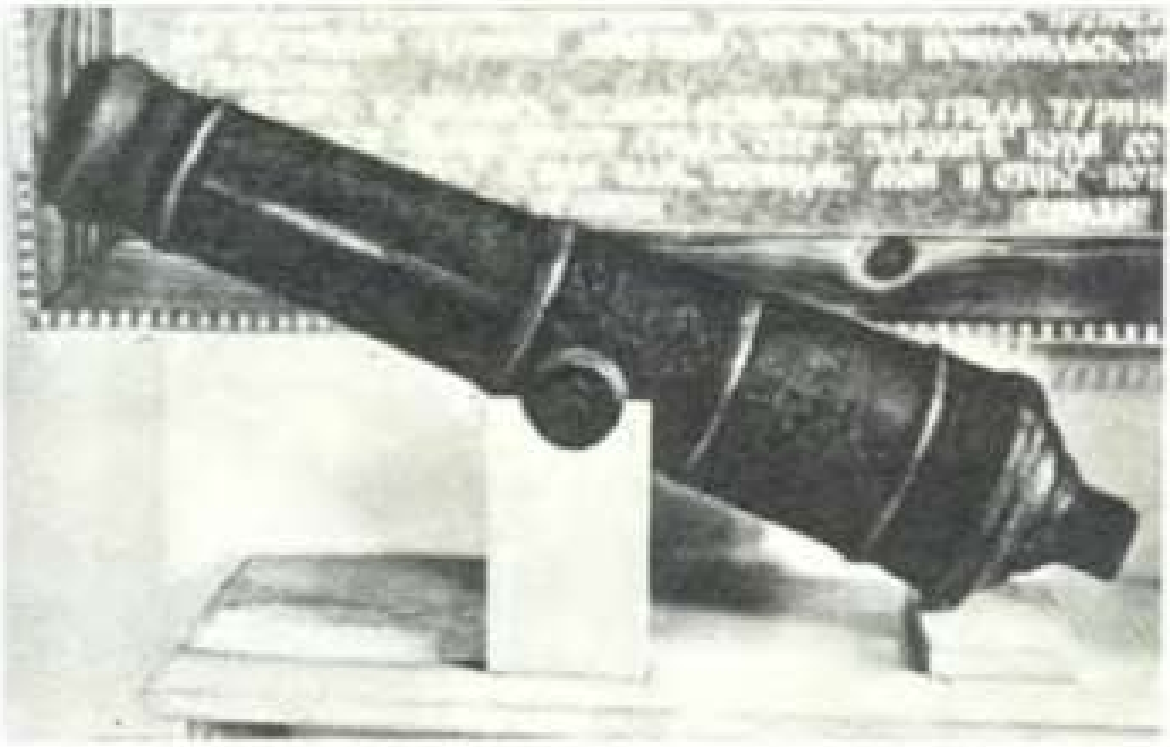
Но для того, кто следует древним путем по Туре с целью открыть для себя зримые образы сибирской истории, село Болотовское должно стать важным пунктом путешествия: здесь в далеком 1581 году флотилия Ермака вошла наконец в Туру. Впереди Ермаково войско ждали многие сражения и бои, а позади остался трудный путь с голодной зимовкой, тяжелейшим волоком из Серебрянки в Баранчу. Брошенными стругами да похороненными в земле казаками отмечен был этот путь. Поэтому, не дойдя сотни верст до Туры, сделал Ермак длительную остановку на Тагиле, под «Медведь-камнем», — восстановить силы и построить несколько стругов. В 1945 году экспедиция О. Бадера обнаружила это Ермаково городище. Четырехугольная площадка на низкой речной террасе была защищена рвом, приспо-

собленным для пищального боя. О продолжительности остановки говорят следы изб на этой площадке. Другие находки (глиняная посуда, ножи, кованые гвозди) помогли составить представление о снаряжении этого исторического похода.

На слиянии двух рек, там, где сейчас стоит Болотовское, Ермак тоже сделал остановку, но непродолжительную. Где-то впереди, за изгибами неспешной Туры, лежало царство Кучума.

**ШУХРУП.** К тому времени, когда в Зауралье и Западную Сибирь докатилась волна классицизма, культовое строительство в этих районах пошло на убыль. Лишь в нескольких городах было построено по одной церкви в этом стиле. Сельское же церковное зодчество почти сплошь замерло на стадии барокко. Исключением на этом фоне является село Шухруп, что в пятнадцати километрах выше Туринска. В этом селе, видимая издалека, стоит церковь — своеобразный сплав барокко и классицизма. Высокий двусветный четверик храма завершается пологим сомкнутым сводом, на который поставлен типичный для барокко декоративный барабан-фонарик с боковыми волютами. Но на стены храма как бы «надеты» классицистические декорации: высокий аттик с треугольным фронтоном, полуциркульные окна, пилястры. Черты переходного времени видны и в декоре стен низкой одноэтажной трапезной — профилированный поясок непрерывной лентой огибает полуциркульные окна и тем самым придает классицистически строгим фасадам налет барочной подвижности.

**ГОРОД ТУРИНСК.** «...Увидел я внизу городок, и с удовольствием смотрел на небольшой, но правильной красивой городок; и это был Турянск»[1]. Это слова сибирского историка П. А. Словцова. По-другому воспринимал Туринск ссыльный декабрист Иван Пущин: «Город наш в совершенной глуши и имеет какой-то свой отпечаток безжизненности»[2]. Нет оснований сомневаться в искренности обоих высказываний: старые провинциальные городки при их чуть заметно пульсирующей общественной жизни, как правило, были очень красиво расположены, легко обозримы и со своей обязательной рекой, соборной и базарной площадями, несколькими приходскими церквами, собором, городским садом и недалеким кладбищем — очень поэтичны. Таким был и Туринск, город, возникший на главном пути в Сибирь, переживший когда-то свой звездный час и затем тихо угасавший на берегу постепенно мелеющей Туры. Современный

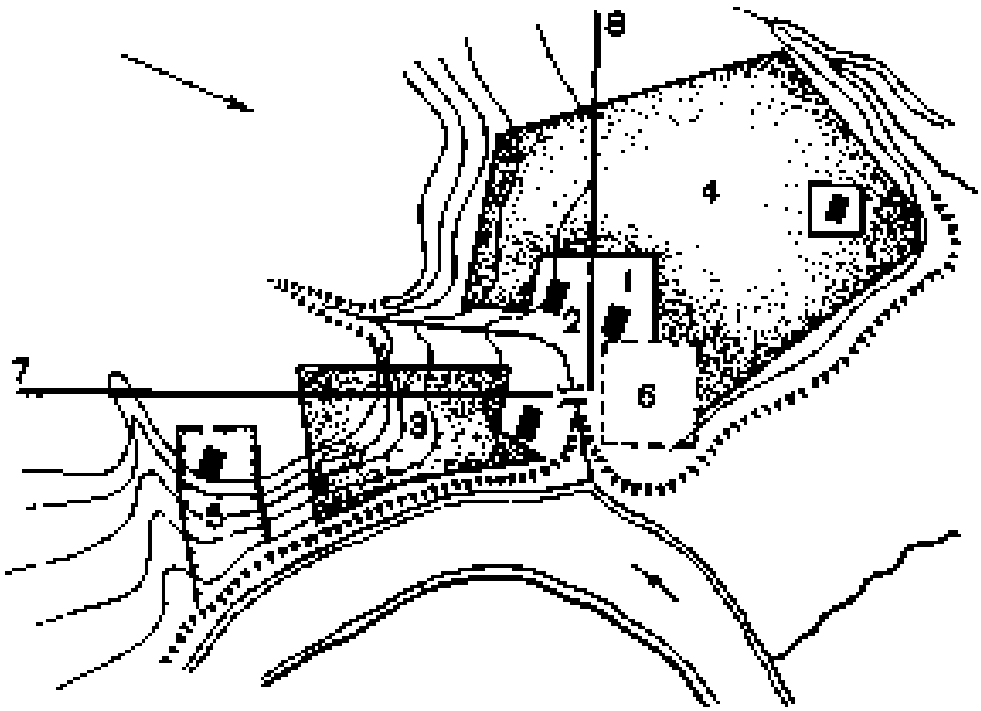


*Пищаль Ермака. Туринский музей имени декабристов*

Туринск — тоже не гигант, в нем всего двадцать тысяч жителей. История прочно поселилась в этом городе. Многого уже нет, но то, что осталось, еще позволяет восстановить облик старинного города Туринска.

Когда-то Туринск легко умещался в прибрежной части двух речных террас — верхней и нижней. Верхняя терраса полукругом подходящая к Туре, до сих пор называется у туринцев «горой». Оттуда, с «горы», рождаясь в глубоком овраге, сбегает небольшая речка Лахамовка и, прорезав всю нижнюю террасу, неслышно вливается в Туру.

Еще в конце XVI века на месте Туринска находился городок Епанчин-юрт — столица владений остяцкого князя Епанзы (русские называли его Епанча). Дружина Ермака легко овладела городком после того, как под деревней Епанчиной (ныне Усениново в 13 километрах выше Туринска) провела свой первый бой. Разношерстная толпа татар, остяков и вогулов не выдержала удара хорошо организованного отряда. Свидетельства сибирских летописей об этом сра-




*Тураево.*
*Схема плана города XVIII в.:*
1) Крестовоздвиженский собор; 2) Покровская церковь; 3) Ямская слобода со Спасской церковью; 4) посад со Сретенской церковью; 5) Николаевский монастырь с Воскресенской церковью; 6) территория деревянной крепости; 7) дорога на Тюмень (ныне ул. Декабристов); 8) дорога на Верхотурье (ныне ул. Возрождения)

жения подтверждаются драгоценной находкой: на дне Туры недавно была найдена пищаль Ермака.

Для устрашения будущих противников Ермак сжег дотла Епанчин-юрт. И лишь через девятнадцать лет (в 1600 году) в устье Лахамовки, на левом ее берегу, возник первый русский острог. Построил его тюменский голова Федор Янов по грамоте Бориса Годунова. Необходимость в остроге возникла в связи с устройством Бабиновской дороги: нужно было, во-первых, охранять среднее течение Туры, во-вторых, завести хлебопашество на тракте и, в-третьих, обеспечить ночевку ямщикам на пути между Верхотурьем и Тюменью.

Возникнув на удачном месте, Епанчин (это название еще долго сохранялось за Туринском) стал быстро расти. Кроме стрельцов и ямщиков здесь стали оседать переселенцы, не пожелавшие идти дальше в Сибирь. Поэтому в 1603 году острог был расширен, но места все равно не хватало, и на другом берегу Лахамовки возник посад с мужским Покровским монастырем. Одновременно «на горе», примкнув к до-

*Спасская церковь в Туринске. 1786*

роге на Тюмень, возникла Ямская слобода, а за нею, на самом берегу Туры, в 1624 году архиепископ Киприан основал мужской Николаевский монастырь. Покровский монастырь в 1704 году сгорел и больше не восстанавливался, зато Николаевский, постепенно отстраиваясь, стал играть важную роль в архитектурном облике города. Так сложилась линейная структура Туринска — расположенные цепочкой вдоль берега крепость, посад, слобода и монастырь. И хотя крепость навсегда исчезла после пожара 1750 года, влияние первоначальной структуры до сих пор ощущается в планировке старой части города. На территории бывшей крепости берет начало современная улица Гагарина. Невелика была площадь первогорода, построенного письменным головой Лихаревым. За остроконечными стенами с четырьмя башнями стоял первый в городе храм Бориса и Глеба, воеводский дом, воеводская канцелярия и другие здания, все вместе составлявшие «типовой» набор для любого сибирского города-крепости.

Крепость несколько раз расширялась и к началу XVIII века представляла собой великолепный образец русского деревянного зодчества. Графическая реконструкция, проведенная В. Кочедамовым, позволяет судить о выразительности ее главного южного фасада (обращенного в сторону Тюмени): над проезжими воротами размещалась двухъярусная башня-колокольня, рядом стояла шатровая, с главкой Спасская церковь. Невысокие угловые башни подчеркивали значение этого архитектурного ядра. Большой пожар 1704 года уничтожил острог, а также восемь церквей, женский монастырь и триста шестьдесят восемь обывательских дворов. В 1705 году острог был заново отстроен на том же месте, но с другой ориентацией стен. Но из южных ворот дорога по-прежнему по мосту через Лакамовку, пересекая Ямскую слободу, поднималась наверх (теперь это улица Декабристов) и там, мимо монастыря, уходила в дальние леса на Тюмень. До сих пор на улице Декабристов сохранялись большие участки булыжного покрытия. Внизу, невдалеке от моста, в 1786 году была построена каменная Спасская церковь — интересный образец провинциального классицизма (сохранившийся четверик храма превращен ныне в Дом пионеров). Верхняя часть улицы была отмечена монастырской Вознесенской церковью (1775), может быть, не случайно для этого поставленной в юго-восточном углу монастыря. Такое периферийное, а не центральное положение главной монастырской церкви нетипично для русских монастырей, но в данном случае крутой склон берега реки вдвойне оправдывал необычную постановку главного храма. Остальные здания монастыря вначале свободно располагались по склону в западной части территории вокруг центральной площади, которая вместе с церковью и каменной оградой объединяла все постройки в живописный, не связанный жесткими осями ансамбль. После пожара 1813 года монастырь получил более регулярную планировку, так как вновь отстроенные в 1840-х годах здания с четырех сторон окружили церковь, образовав почти квадратную площадь. Но общая живописность застройки сохранилась и даже была подчеркнута разностильностью зданий. Деревянные корпуса келий получили барочный декор, каменные просвирня и дом игуменья (в XIX веке монастырь был превращен в женский) — лишь простые наличники окон с прямыми сандриками над ними, а дом настоятельницы — классицистические формы. После того как исчезли церковь и ограда, этот, казалось, навечно вросший в берег ансамбль превратился в случайное скопление зданий, и лишь простор заречных далей придает им значительность.

Улица Декабристов очень своеобразна, по ней нужно пройти не раз, чтобы глубже почувствовать обаяние этой самой старой и самой интересной улицы города. Она интересна и в целом и каждым своим уголком. Уютная и замкнутая, улица в то же время не камерна благодаря большой площади, расположенной в ее верхнем конце, и близости реки. Поблескивая брусчаткой, улица круто спускается вниз, к Лакамовке, и даже удивительно, как это стоят на ней дома — такие степенные и неподвижные. Два из них построены ссыльными декабристами. Встали они рядом друг с другом, прочно, основательно, образовав небольшую колонию. Угловой дом был выстроен на свои средства Ивашевыми, а соседний — Басаргиным (на средства брата). Подружившись еще на каторге в Петровском заводе, Басаргин и Ивашевы приехали в Туринск почти одновременно в сентябре 1838 года (Ивашевы из-за болезни лишь на пять дней дольше задержались в Тобольске).

Дом Ивашевых — одноэтажный, деревянный на каменном цоколе, с высоким чердачным этажом — хорошо сохранился и смотрит на улицу семью окнами, украшенными ступенчатыми наличниками и треугольными сандриками-фронтонами. Эти почти столичные окна — как память о жизни в большом городе — запоминаются надолго, ибо других таких нет во всем городе. За этими окнами три года текла жизнь, какая бывает только после длительных жестоких испытаний. Испытания действительно были жестокими — пожизненная каторга, к которой был приговорен бывший адъютант главнокомандующего 2-й армии, член Южного общества Василий Петрович Ивашев (1794—1840), лишь через десять лет была заменена вечным поселением. Суровые лишения разделила с Василием Петровичем юная француженка Камилла ле Дантю, добившаяся в 1831 году разрешения приехать к нему в Петровский завод, чтобы стать его женой. Обретя наконец покой в Туринске, Ивашев (сын бывшего начальника штаба у Суворова) писал домой: «Да дарует нам небо, мне и моей Камилле, продолжение того безоблачного и полного счастья, которым мы беспрерывно наслаждаемся в нашей мирной семейной жизни»[3]. Но счастье оказалось недолгим. 30 декабря 1839 года, простудившись после родов, умирает Камилла, а ровно через год, в день смерти жены и в свой день рождения, не сумев пережить горе, умер и Василий Петрович. Похоронили его рядом с женой на туринском городском кладбище. На могиле Ивашевых стоит красивый скорбный памятник.

Еще при жизни Камиллы в доме Ивашевых поселился Иван Иванович Пущин (1798—1859), а с февраля 1842 года

и Евгений Петрович Оболенский (1796—1865), оба за создание Северного общества и активное участие в восстании приговоренные к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. После двенадцати лет каторжных работ этот вид наказания был заменен ссылкой на поселение: Пущина отправили в Туринск, а Оболенского, как «очень опасного преступника», — в Иркутскую губернию. Прошлое Оболенского давало повод для более сурового с ним обращения. Ведь он был активным членом Союза спасения, Союза благоденствия, выступал за их слияние, его политические взгляды были наиболее близки к взглядам Пестеля, поэтому он одобрял Конституцию Пестеля как более решительную и первым начал вести революционную пропаганду среди солдат и унтер-офицеров. Благородный, мужественный, Оболенский был избран третьим членом Директории Северного общества и начальником штаба будущего восстания. 14 декабря он одним из первых явился на Сенатскую площадь и в критическую минуту ранил штыком графа Милорадовича, прискакавшего уговаривать восставших. Как офицера «известного и любимого солдатами», Оболенского избрали вместо нерешившегося Трубецкого военным руководителем восстания, но время было упущено...

Каторгу Евгений Петрович отбывал на солеваренном заводе в Усолье под Иркутском, затем — на Нерчинских рудниках, в Читинском остроге, Петровском заводе. Поселение после каторги в Восточной Сибири было суровым наказанием для Оболенского, ибо разлучало его с друзьями. Особенно тяжела для него была разлука с Пущиным. Но трехлетние ходатайства и просьбы сделали свое дело — Оболенскому разрешили наконец поселиться в Туринске.

Всего год прожил Оболенский в Туринске. Это время он использовал для чтения, самообразования. До конца дней своих он оставался поборником добра и народного просвещения. «Борьба есть наше назначение» — такими словами уже после амнистии напутствовал он молодое поколение.

Николай Васильевич Басаргин (1799—1861) построил свой туринский дом двухэтажным. Архитектура дома проста и сдержанна. Окна первого — каменного — этажа украшены лишь декоративными замковыми камнями, окна второго (деревянного) этажа — простыми наличниками с прямыми сандриками над ними. Большой карниз и глухие высокие ворота придавали облику дома монументальность. Так же крупно решены и интерьеры, особенно во втором этаже, где главенствуют два больших зала с арками посредине. В своем доме (в нем теперь библиотека) бывший старший адъютант главного штаба 2-й армии, член Южного об-

*Дом Басаргина в Туринске. 1837*

*Парк декабристов в Туринске*

→

щества после десятилетней каторги, после всех невзгод, потрясений и тяжелой длительной болезни жил уединенно, занимался хозяйством и работал над своими знаменитыми «Записками», которые он завершил лишь после амнистии. В «Записках» — много ярких характеристик Николая I и его режима, поэтому рукопись десять лет была под запретом и лишь в 1872 году была опубликована в урезанном виде.

В своем туринском доме Басаргин жил вначале один — жена его, урожденная княжна Мещерская, в августе 1825 года умерла от родов. Но в 1839 году, получив разрешение генерал-губернатора Западной Сибири князя Горчакова, Басаргин женился на дочери туринского поручика Марии Елисеевне Мавриной.

В Туринске жили и другие декабристы. Первым — в 1830 году — в городе поселился и восемь лет проработал в окружном суде Степан Михайлович Семенов (1789—1852) — высокообразованный разночинец, прошедший все первоначальные стадии тайного революционного движения как член

Священной артели, Союза спасения, Союза благоденствия. В 1839 году вместе с Пущиным в Туринск прибыл бывший член Северного общества, осужденный по второму разряду «государственный преступник» Иван Александрович Анненков (1802—1878) с женой и тремя малолетними детьми. Декабристы в Туринске были очень дружны между собой. Только дружба и помогала им в нелегких условиях поселения. Получив после каторги право открытой переписки, они сохранили и прежний, тайный путь переписки через определенных лиц, ибо все их письма по почте шли через III отделение. Из Туринска в Тобольск письма декабристов тайно отвозила местная жительница («сохзница» — как ее называли декабристы) Ольга Васильевна Андроникова.

Душой туринской колонии декабристов был Пущин — общительный, доброжелательный человек, смелый и решительный, отличный собеседник. В напряженнейшие минуты ожидания приговора он шутками и остротами поддерживал товарищей, а после объявления приговоров единственный из всех выступил с протестом против жестокой расправы. Это было 13 июля 1826 года. Каторга в далекой Чите не сломила его, хотя и «подрезала» (выражение Пущина), но, приехав в Туринск, он серьезно заболел и даже впал в меланхолию. Понимая опасность такого состояния, Пущин начал сознательно преодолевать его, проявив при этом громадную силу воли. Его письма в этот период полны оптимизма. Он начал обтираться холодной водой, стал заниматься огородничеством, просил разрешения поехать для лечения в Тобольск. Такое разрешение он получил и в июле 1840 года выехал в Тобольск, но путь выбрал через Ялуторовск, чтобы встретиться со своими друзьями-декабристами. Эта поездка живительно подействовала на Пущина. Вернувшись через полгода в Туринск и узнав о трагедии в семье Ивашевых, он, не задумываясь, взял на себя заботу об их детях, а когда они с бабушкой (матерью Камиллы) покинули Туринск, стал хлопотать о переводе в другое место. В 1843 году ему разрешили переселиться в Ялуторовск. Вслед за ним в Ялуторовск переселился и Оболенский. В этом же году Анненкову разрешили переехать в Тобольск, а Басаргин был переведен в Курган. В течение последующих семи лет в Туринске не было на поселении ни одного декабриста. Но в 1850 году в Туринск из Кургана был переведен Александр Федорович Бригген, отставной полковник, член Северного общества, признанный виновным в «знании и умысле на цареубийство». Прослужив пять лет в туринском окружном суде, он получил разрешение вернуться в Курган.

*«Дом Хомченко»*
*в Туринске.*
*1870-е гг.*

Добрая память осталась в Сибири о декабристах, как, впрочем, и о многих последующих политических ссыльных — людях образованных, глубоко культурных, отзывчивых. Используя Сибирь как политическую тюрьму, царское правительство невольно способствовало повышению культуры громадного края. Одним из таких очагов культуры и стала колония декабристов в Туринске.

Почти напротив домов Ивашева и Басаргина — парк, посаженный декабристами. Теперь деревья разрослись, некоторые уже состарились, но каждую осень они покрывают улицу желтыми листьями, как бы напоминая и печалясь о давно минувшем. Охраняя эту память, в парке, в старинном двухэтажном доме, недавно открыт Музей имени декабристов — по существу, краеведческий. Среди прочих экспонатов в музее есть старые фотографии города. Только они теперь и позволяют увидеть старый Туринск в его прежнем виде. Вот, например, соборная и базарная площади. Расположились они друг возле друга на посаде, у стен

*Здание*
*бывш. городской управы*
*в Туринске.*
*1875*

бывшей крепости. Две большие церкви — Покровская (1769) и соборная Крестовоздвиженская (1765) — стояли почти рядом, представляя собой на удивление ладную пару совершенно разных объемов, разделенных лишь легким мостиком. Действительно, противоположности сходятся! В этой паре легкая, живописная, увенчанная шпилем Покровская церковь очень изящна по контрасту с «рублеными» формами большого собора. Особую поэтичность этому дуэту придавала Покровская колокольня, о которой П. А. Словцов сказал, что она: «...из всех зданий сего рода есть башня примечательная... Колокольня держится на одних углах, она отовсюду прозрачна, и соседние башни, как и луна, очаровательно смотрятся вечером сквозь нее»[10]. Без этих церквей площадь уже не имеет былой определенности и красоты. Туринск потерял архитектурное ядро, которое когда-то замыкало все видовые перспективы и тем самым оправдывало необычное размещение городского центра не в верхней, а в нижней части города.

*Здание больницы в Туринске. Конец XIX в.*

Четвертая каменная церковь посада — Сретенская (1751) — была построена в самой северной части города, что и обеспечило панораме Туринска ту протяженность, вольготность, которые так характерны для русских приречных городов. То, что осталось от церкви, свидетельствует о сдержанности ее архитектуры, хотя здание было построено в самый разгар барокко. Очевидно, скромность окраинной церкви должна была подчеркнуть значение центрального ансамбля.

Невдалеке от Сретенской церкви, на другой стороне улицы, стоит двухэтажный дом с крестообразным мезонином, некогда принадлежавший податному инспектору Хомченко. Построенный в последней четверти XIX века, дом интересен как провинциальная запоздалая реплика на давно прошедший классицизм. Очевидно, при строительстве дома был использован один из «образцовых» фасадов 1810-х годов.

Прямые сандрики над окнами второго этажа, замковые камни и рустовка стен первого этажа, четырехколонный портик — все это типично для русской архитектуры конца XVIII — начала XIX века. Характерно для провинциального зодчества и непосредственное примыкание портика к стене, хотя опубликованное в начале прошлого века «Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству» предостерегало от подобных решений: «На столпах должна лежать действительно какая ни есть тяжесть; иначе будут они излишнее украшение. <...> Надлежит их употреблять в рассуждении, потому что они, стоя к стене плотно, ничего более поддерживать не могут, как только легкий полый карниз, балкон или некоторые истуканы»[11]. Но, видно, настолько укрепилось в России представление об ордере как об украшении, что никакие «Правила» и «Руководства» не могли заставить провинциальных зодчих отказаться от декоративной трактовки ордера в пользу тектонической. И это придавало архитектуре особое очарование наивности. Вот и в «доме Хомченко» непропорционально тонкие колонны с невиданными капителями в виде упрощенных завитков и другие «вольности» формируют цельные фасады, лишенные академической сухости и, что очень важно, не нарушающие гармонии уютной улицы маленького городка.

Эта улица (бывш. Сретенская, а ныне улица Свердлова) вообще очень своеобразна. Направляясь по ней от Сретенской церкви к нагорной части, уже в следующем квартале замечаешь дом, очень похожий на «дом Хомченко», только без мезонина. Лучковые наличники окон второго этажа в нем украшены на удивление маленькими, почти игрушечными замковыми камнями. Это здание бывшей городской управы (1875). А дальше, на углу улицы Освобождения (тракт на Верхотурье), стоит еще одно каменное здание — двухэтажный корпус бывшей больницы, построенной в конце прошлого века туринским купцом-меценатом Семеном Чирковым. Глядя на это здание, не хочется применять к нему термин «эклектика», хотя смешение стилей здесь налицо — фигурный фронтон и эллипсовидные надоконные ниши взяты из барокко, а строгость оконных проемов, прямоугольных подоконных ниш, массивных пилястр, общей формы здания, венчающего и междуэтажного карнизов — это из классицизма. Но подобное разностилье в данном случае породило какую-то новую архитектуру, скромно нарядную, уютную. Единство архитектурного приема здесь достигнуто плоскостностью всего декора. Даже барочные детали «работают» лишь своим абрисом, а не объемом.

*Бывший особняк Чиркова в Туринске. 1884—1896*

Следующий квартал расположен уже за бровкой верхней террасы и представляет собой зеленый островок на вершине старого города. Когда-то весь этот квартал занимала усадьба Семена Чиркова: в большом саду располагались деревянный флигель, краснокирпичное здание служб (1876—1883) и громадный особняк, похожий на дворец по своему размаху и явно выраженной «столичности», пожалуй, единственный во всем Зауралье. Особняк (1884—1896) представляет собой образец так называемого «николаевского ампира», но без типичной для этого стиля сухости и дробности деталей. Особняк свободно распластался на бровке террасы. Он виден издалека и отовсюду и сам находится в центре почти круговой панорамы. Отсюда, с террасы, нижний город как на ладони. Прямые параллельные улицы сбегают вниз, разрезая живописное пятно застройки. Прямоугольную планировку город получил в XVIII веке и вновь восстановил ее после пожара 1813 года. Нельзя сказать, что жесткая сетка улиц удачно легла на сложный ландшафт, но, с

другой стороны, крутой перепад параллельных улиц придает живую динамичность «интерьеру» тихого провинциального городка.

Кварталы старого Туринска по-сибирски крупны и до сих пор застроены в основном деревянными зданиями (всего двадцать три каменных дома при четырех тысячах жителей было в городе сто лет назад). Деревянные дома Туринска очень монументальны. Монументальны они своей простотой, внушительными размерами, особой аккуратностью срубов, большими карнизами и громадными глухими воротами под обязательной двускатной крышей. Коричневый тон дерева завораживает какой-то особой глубиной. На этом фоне пропильная резьба наличников выглядит дорогим украшением. Когда-то Туринск славился своими резчиками, иконописцами, живописцами. Академик И. И. Лепехин, посетивший Туринск в 1770-х годах, объяснил это тем, что в городе поселились многие из тех мастеров, которые строили и украшали в начале века тюменский Троицкий монастырь.

*Главная улица*
*в Слободе Туринской*

Однако это мнение опроверг декабрист И. И. Пущин, который с помощью одного из местных художников выяснил, что причиной образования туринской живописной школы было открытие Демидовыми в первой половине XVIII века художественного училища в Нижнем Тагиле. Склонные к разным ремеслам туринцы стали посылать своих детей в это училище. Училище, хорошо оборудованное, имевшее богатое собрание картин, эстампов и икон, укомплектованное произведениями зарубежных живописцев, стало для Зауралья своеобразной «академией искусств». Не одно поколение туринцев закончило училище до его ликвидации в начале XIX века. Немало каменных и деревянных церквей было построено туринцами в Западной Сибири. Иконы, расписные сундуки, подносы и шкатулки реализовывались через Ирбит. Очень известны были изделия золотошвейной мастерской при туринском женском монастыре. «Описание о городе Туринске», выпущенное в 1910 году, в числе других «разночинцев» — жителей Туринска называет ма-

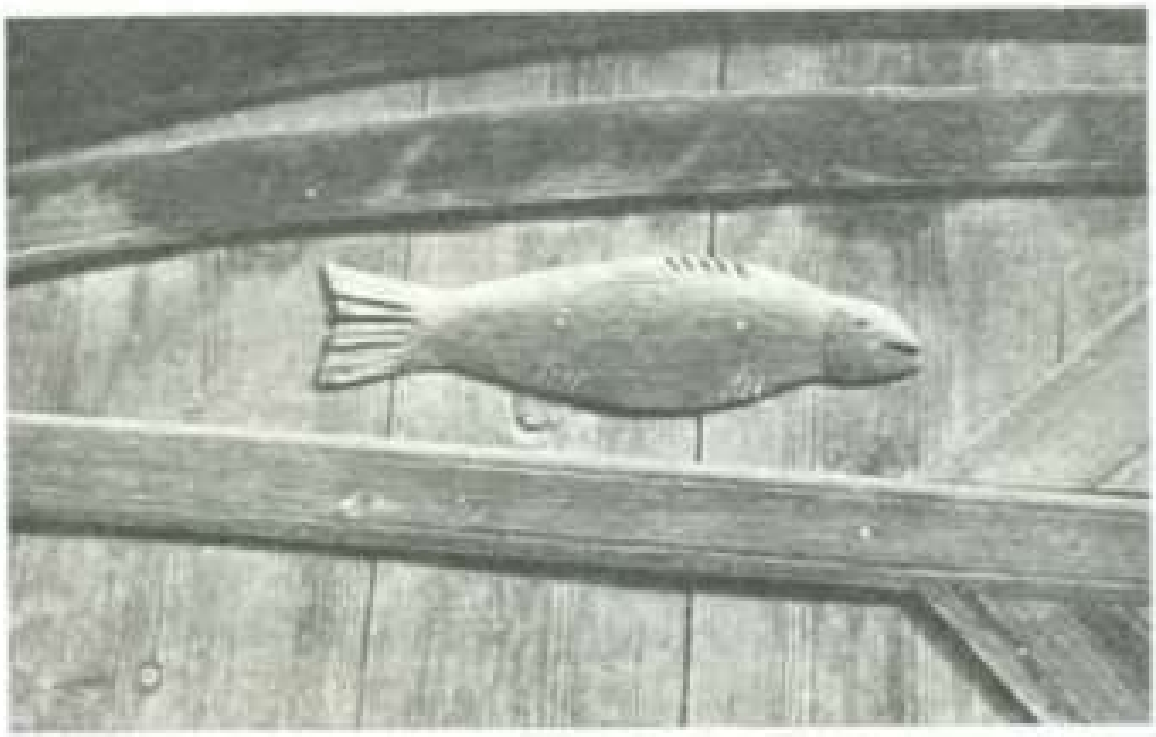
ляров, золотарей, серебряников, портных, столяров, плотников, медников, кузнецов, бочкарей, сапожников, чеканщиков, сапожников, чеботников, кожевников, коробейников, кирпичников, печников, харчевников. Старинный город Туринск был городом мастеров-ремесленников.

СЛОБОДА ТУРИНСКАЯ. О зауральских селах трудно писать в популярной серии. Они не славны знаменитыми фамилиями, в них не было «дворянских гнезд» со всеми их атрибутами, легендами — всего того, о чем так приятно читать, что всегда вызывает романтические образы «милой старины». Чем может заинтересовать, например, безвестная Слобода Туринская, находящаяся на Сибирском тракте на полпути из Туринска в Тюмень? Можно долго идти по бесконечной главной улице-тракту, рассматривая «выставку фасадов» домов по обеим ее сторонам, удивляясь разнообразию и несходству этих фасадов; можно побродить по старому подгорному парку и оттуда, сквозь листву, кадр за кадром просмотреть близкие фрагменты застройки и удивиться неожиданным ракурсам и перспективам. Но только на берегу Туры, где лишь тихие всплески нарушают «вечный покой» едва заметных холмов, впечатления виденного сливаются в образ древнего поселения, цепко ухватившегося за эти холмы, когда-то дикие. Трудно сказать, чем вызвано это впечатление, но именно такой осталась у меня в памяти Слобода Туринская, цельной, собранной, несмотря на разнохарактерность фасадов ее домов, типичную, впрочем, для времени освоения новых земель. Ведь слобода и возникла в числе полутора десятков других слобод, образованных волею правительства в первой трети XVII века для охраны и заселения Зауралья. В специальной грамоте сибирским воеводам говорилось: «...велети жилецким людям дворы себе ставить к слободы... строить, в котором месте пригоже и земли под пашни высматривать лучшие»[12]. Построена была слобода по распоряжению тобольского воеводы Петра Пронского. Поначалу совсем крохотная, слобода быстро росла за счет переселенцев-крестьян, польстившихся на «государеву пашню», и служилых людей, посылаемых для охраны и наведения порядка. В середине XIX века в слободе, к тому времени уже превратившейся в торговую, со своей ярмаркой, насчитывалось триста домов и стояла церковь каменная (1805—1871). Церкви давно уже нет, особо примечательных зданий, а тем более ансамблей тоже нет, да, вероятно, и не было. Тем удивительнее то стойкое впечатление гармонии стихийного многообразия, которое возникает всякий раз в моих воспоминаниях

*Троицкая церковь в селе Усть-Ница. 1773—1779*

о Слободе Туринской. Русское градостроительство, особенно нерегулярное, все еще не раскрыло нам всех своих тайн.

**УСТЬ-НИЦА.** Из Слободы Туринской в бывшую митрополичью Усть-Ницинскую слободу лучше всего отправиться теплоходом. Тура, хотя и широкая, но очень извилистая река. Она может осторожно огибать каждый холмик, но в то же время ожесточенно и безостановочно разрушать противоположный берег и проглатывать падающие в воду деревья. Там, где в Туру впадает один из самых больших ее притоков — Ница, берег покрыт треугольниками темных крыш с церковью над ними. Это силуэт Усть-Ницы — большой слободы, возникшей еще в 1622 году. Архиепископ Сибирский Киприан, направляясь в Тобольск, поселил тогда в устье Ницы восемь семей, привезенных из России, и заложил церковь. Через три года там было уже двадцать два крестьянских семейства. Со временем слобода разрослась, превратилась в большое село. Иначе и быть не могло.



*Фрагмент ворот жилого дома в Усть-Ницe*

Реку Ницу можно назвать вторыми воротами в Сибирь, особенно после того, как на ней, в ста километрах выше устья, выросла Ирбеевская (Ирбитская) слобода со своей знаменитой ярмаркой, где сходились европейские и азиатские купцы. Возникнув в конце 1640-х годов, ярмарка оказалась на редкость устойчивой, «неистребимой». Сколько раз пытались закрыть ее или перенести — в Тюмень, Тобольск, Екатеринбург, но ничего не получилось. Ирбитская ярмарка по-прежнему оставалась торговым центром Зауралья. Причиной такой редкой устойчивости несомненно является ее расположение в полосе соприкосновения Сибири с европейской Россией. Стремясь обойти Верхотурскую таможню, купцы везли свои товары в Ирбитскую слободу, и ее значение возрастало по мере заселения Нижнего Поволжья и Уфимского края, а также с развитием Екатеринбургского горного округа. Около Ирбитской слободы (превратившейся позже в город Ирбит) «грелась» и Усть-Ницинская слобода, тем более что вплоть до 1924 года река Ница

*Покровская церковь в селе Каменское. 1825*

была судоходной, со своей флотилией пароходов, барж, винтовых шхун.

Две церкви было в Усть-Нице. Одна деревянная, другая каменная двухэтажная «трапезного» типа, построенная во имя Троицы (1773—1779). Теперь Троицкая церковь осталась в одиночестве и к тому же без колокольни. Поэтому вблизи она не производит уже впечатления главного здания слободы. И только издалека убеждаешься, что не потеряло еще здание своего значения. Спокойно поднимается над застройкой его высокий четверик с барочным «фонариком» и крутым восьмигранным куполом.

КАМЕНСКОЕ. Вольготно, но степенно расположилось село на двух приречных террасах, разделенных оврагом. Самое высокое место села венчает большая площадь с каменной Покровской церковью, построенной в 1825 году. За церковью площадь круто ниспадает к Туре, как бы открывая неизменный в этих краях далекий «пейзаж с рекой». Дух крестьян-

*Село Каменское*

ской неторопливости, основательности все еще не выветрился из атмосферы этого красивого села. Жители Каменского исстари занимались хлебопашеством, но приобщились и к ремеслу — делали телеги, колеса, бочки, ткали половики, цветные салфетки, пестрядь. Первыми в Сибири здесь научились ткать ковры из овечьей и коровьей шерсти. Махровые, чистых и ярких тонов каменские ковры были известны во всей России.

Неторопливая жизнь в Каменском оживлялась благодаря почтовому тракту, а три дня в году (с 8 по 10 июля) село буквально бурлило. На эти дни в каменскую церковь приносили икону Спасителя из тюменской Спасской церкви. По такому случаю устраивался торжок. Постоялые дворы были переполнены. Пестрая людская толпа гудела на центральной площади, где возвышалась Покровская церковь — самое высокое и красивое здание села. И до сих пор она, сохранив свою величавость, господствует в селе и на дальних подступах к нему. Жизнь вокруг давно уже измени-

лась, но то народное, демократическое ядро, из которого выросла архитектура этой, да и всех других сибирских церквей, обеспечивает удивительную жизнестойкость культурной ценности сибирского зодчества. Ведь в Сибири народная основа культуры имела, пожалуй, большее значение, чем в европейской части России: отсутствие крепостного права, неразвитость помещичьего землевладения, отсутствие ряда дворянских институтов, свобода передвижения населения и ряд других причин повышали роль выходцев из народа во всех сферах жизни, в том числе и в культуре. Исследования советских историков открыли множество имен дотоле безвестных сибирских мастеров — строителей, живописцев, резчиков, позолотчиков и других. Необъятная по масштабам деятельность этих мастеров к концу XVIII века и привела к формированию своеобразной русской культуры в Сибири.

Каменская церковь построена по типичной для Западной Сибири «трапезной» схеме и имеет два симметричных при-

дела. Приделы эти широко распластали церковь, как будто приковав ее к земле, но они же и возмущают «композицию покоя» своими динамичными и мощными полукруглыми апсидами. Это единство неподвижности и горизонтального движения усложняется еще одним, правда умеренным, движением архитектурных масс — вертикальным, которое создается вытянутыми пропорциями всех проемов, удлиненностью основного четверика и верхнего яруса колокольни. Архитектоника церкви очень наглядна, даже физически ощутима, что свойственно лишь произведениям настоящей архитектуры.

Покровская церковь — воплощение сибирской монументальности. Крупномасштабность и цельность — характернейшие ее черты: ни одной измельченной или «пустой» детали, ни одной случайной формы нет, несмотря на то, что здание не является произведением «чистого» стиля. Тем удивительнее та естественность, с которой барочные формы (широкий восьмерик, окна-люнеты) сочетаются с классицистически ясной общей концепцией формы, четким ритмом проемов и даже с приемами архитектуры XVII века (восьмерик на двусветном четверике, чистые большие плоскости стен и т. п.). Объяснить эту разноречивую целостность можно только одним — органичностью и постоянством основ русского народного зодчества, не знавшего резких, взаимоисключающих колебаний стиля и моды. Каменская Покровская церковь является наглядной иллюстрацией того процесса постепенного перерастания барокко в классицизм, который в русской провинции затянулся почти на целый век (хотя в столице классицизм полностью вытеснил барокко за пять-семь лет). Упрощение всех форм барокко — характерный признак этого процесса. Но, освобождаясь от барочного декора, новая архитектура оставляла в своем арсенале наиболее выразительные пластические формы и приемы, предварительно «облагородив» их. Это ясно проявилось, например, в творчестве известного мастера русского классицизма М. Ф. Казакова, в ранние свои годы работавшего в стиле барокко. Его знаменитые ротонды, мощные полукружия родились как результат творческой переплавки форм и принципов барокко. Нечто подобное проявило себя и в каменской церкви: полукруглые окна, круглые апсиды, восьмигранные купола, эллипсовидные люнеты — все это множество круглящихся форм придает лиричность и мягкость монументальной композиции.

А если проплыть мимо Каменского Урюю, то Покровская церковь продемонстрирует свой изменчивый силуэт — пирамидальную, глухую поначалу массу, от которой по

мере движения постепенно отделяется легкая, вся на просвет, колокольня. Этот двойной силуэт очень нужен здесь. Ведь церковь одинока на бесконечном — от горизонта до горизонта — чуть холмистом берегу.

КУЛАКОВО. О селе Кулаково «Тобольские губернские ведомости» писали в 1862 году, что оно знаменито конопле́й, которая благодаря своему длинному и крепкому волокну была удостоена внимания на выставке в Петербурге. В то время село действительно больше ничем не было примечательно. Та же газета писала, что жители Кулакова (в большинстве своем небогатые) кроме разведения конопли занимались хлебопашеством, ямской гоньбой, изготовлением саней, повозок, холстов, сермяг, ковров. Но в конце века село оживилось большим строительством. За короткое время был разбит парк с прудом, беседками и прочим, появилась школа; в 1897 году в центре села у самого тракта была заложена каменная Николаевская церковь. Все строительство велось на средства богатого купца Николая Мартемьяновича Чукмалдина — человека, очень известного в губернии. Судьба Чукмалдина типична для времени, когда волна частного предпринимательства подняла массу людей, склонных к авантюризму или к трезвой предприимчивости. Особенно крупно этот процесс проявился в Сибири. Но среди «вечно голодной стаи хищников» (выражение Д. Н. Мамина-Сибиряка) встречались люди, чей предпринимательский талант был человечен в своей основе. К таким людям и принадлежал «мятежный купец» Чукмалдин. Природный ум и смекалка помогли ему, крестьянскому сыну из села Кулаково, сколотить внушительный капитал, несмотря на то, что излишнее прямодушие не раз ставило его на грань банкротства. Тяга к знаниям побуждала его и «бездумно», как считали многие, тратиться на редкие старинные книги. Многие из них он затем подарил тюменскому Александровскому реальному училищу, что позволило открыть в училище своеобразную кунсткамеру с книжными фондами. Неудивительно, что Чукмалдин был близок к группе радикально мыслящей интеллигенции губернии. Группа эта, правда, была немногочисленной. Выделялись в ней М. С. Знаменский — известный сибирский карикатурист (а также артист, археолог, историк, журналист, писатель, оставивший воспоминания о декабристах) и К. Н. Высоцкий — сын польского повстанца, прозванный Дон Кихотом за то, что все его начинания — фотография, типография, газета — кончались неудачей. По совету Высоцкого Чукмалдин в 1859 году пригласил из Туринска худож-

ника Ивана Александровича Калганова и помог ему уехать в Москву, где тот поступил в Училище живописи и ваяния. Судьба Калганова, однако, сложилась неудачно. Оставшись без средств, Иван Александрович не сумел закончить училище и вернулся в Тюмень. Картины его хранятся в Тюменской картинной галерее.

Богатые купцы в России из престижных или иных — сентиментальных — соображений нередко делали архитектурные подарки родным местам. Чукмалдин в этом отношении не явился исключением. Парк, школа и церковь в Кулакове, а также изданная в Москве и Петербурге книга «Мои воспоминания» венчают его жизнь. Церковь была закончена строительством в 1901 году, но освящена лишь на следующий год, в день похорон Чукмалдина. Построена церковь из красного кирпича (как это было принято на рубеже веков) по типу «трапезных», с пятиглавым храмом (четверик на четверике) и шатровой колокольней. На старой фотографии здание выглядит очень внушительно и нарядно. Однако

*Николаевская церковь*
*в селе Кулаково.*
*Фрагмент стены.*
*1897—1901*
→

нарядность эта не та, что свойственна истинно народным произведениям. Формы Николаевской церкви строго симметричны, стилизованный русский декор геометричен и суховат. Сейчас здание полуразрушено: обнажились купола трапезной и храма. Но и в таком виде архитектура церкви интересна, ведь каждая деталь ее фасада не что иное, как переработка древних форм с их символикой. Эта своеобразная «энциклопедичность» форм Николаевской церкви ставит ее в один ряд с теми зданиями, которые завершают эволюцию культового зодчества Западной Сибири.

**УТЕШЕВО.** По сравнению с другими сибирскими храмами — монументальными и внушительными — Николаевская церковь в Утешеве кажется какой-то игрушечной (1888). По виду это скорее часовня, чем церковь, тем более сейчас, когда она осталась без главного купола, с одной лишь шатровой изящной колоколенкой, вставшей четырьмя своими столпами над порталом входа. Казалось бы,

эта утонченная постройка должна быть чуждой самому духу сибирского зодчества. Но то ли сам автор — архитектор Б. Б. Цинке — обладал безошибочным чувством масштаба, то ли помог случай, но в утешевской церкви гармония природы и архитектуры проявила себя до удивления наглядно. Как будто специально для этого случая был создан умиротворенный пейзаж — ни мощной реки, ни крутых обрывов, а лишь плоские поля, «украшенные» небольшими березовыми рощицами. Среди этих белоствольных островков, не возвышаясь над ними, но и не теряясь в их множестве, силуэтом рисуется тонкий шатер церковной колокольни. Недалеко грохочет тюменский аэропорт Рощино, до самой Тюмени рукой подать — меньше десятка километров, а здесь, в Утешеве, вокруг уютной церквушки — тишина.

Портал входа и боковые плоскости четверика церкви решены в виде арочного проема, завершенного широким архивольтом. Крупная, выразительная трапециевидная «пеляда

*Николаевская церковь*
*в селе Утешево.*
*1888*
←

по-католически украшена кирпичным крестом. Церковь очень монолитна. Но это не монолитность глухого объема. Пять больших проемов, закрытых красивыми ажурными решетками, и «прозрачный» ярус звона придают изысканную легкость этому интересному сооружению. Несмотря на небольшие размеры, Николаевская церковь видна издалека, через поля и перелески, но, вопреки традициям, не является архитектурным центром села. Она притаилась на небольшой площади. Камерность церкви и даже как будто случайность ее в застройке села говорят о том, что перед нами произведение не народного, а, скорее, академического искусства, хотя и выросшего в питательной среде подлинной народности.

Долго не отпускает от себя маленькая церковь в пригородном селе Утешево. Долго еще ласкает наш взор ее изящный, ладно скроенный силуэт. Одна дорога из села бежит дальше, мимо старинного темного парка (ныне в нем пансионат имени А. Н. Островского), мимо новых лесопосадок. Впереди — Тюмень.

# 3. В устье Тюменки

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ТЮМЕНИ. На всей Туре нет места более удобного для обороны, чем в устье притока ее — Тюменки: крутая излучина, высокий обрывистый берег, а главное, целая система глубоких оврагов. Неудивительно поэтому, что именно здесь еще в XIII веке возник татарский городок Тумен («тысяча», «тьма»). Позднее, в XIV веке, городок получил название Чинги-Тура (в честь Чингисхана) и был объявлен столицей золотоордынского княжества Великая Тюмень. В начале XVI века земли Великой Тюмени вошли в состав Сибирского ханства и Чинги-Тура потерял свое административное значение, однако сохранил торговое: через город шли караванные пути из Бухары и Казани. В 1581 году бывшая столица была с бою взята Ермаком, но потом оставлена в полуразрушенном виде: отряд спешил до заморозков захватить столицу Сибирского ханства Кашлык[13]. Несколько лет городок оставался почти пустым. Царь Федор Иоаннович не спешил закрепить Ермаковы победы, а может, и вовсе забыл о походе. Лишь в 1586 году, уже после гибели Ермака, в устье Тюменки появился письменный голова Данило Чулков — ставленник Бориса Годунова, в то время набиравшего силу. Старый друг Строгановых, Годунов хорошо понимал, как много значит Сибирь для Московии.

С Чулковым пришел трехсотенный отряд под предводительством двух воевод — В. Сукина и М. Мясного. Отряд направлялся в Кашлык (который опять заняли татары), но на целый год задержался в устье Тюменки для постройки там города. Данило Чулков записал в книге дату основания Тюмени — 29 июня 1586 года.

Город начинался так же, как и все города в Сибири, — с крепости («города»). Место для «города» было выбрано не на том островке посреди оврагов, где стоял татарский городок, а в соответствии с русскими традициями — на самом берегу, там, где крутые берега Туры и Тюменки образовали клиновидный мыс. За несколько сезонов были возведены крепостные стены (общей длиной 554 м), состоящие из ста шестидесяти городней и восьми башен. Одновременно со стенами появилась в «городе» и небольшая церковь Рождества Богородицы. Закончена крепость была уже при воеводах Булгакове и Васильеве: первостроители Тюмени Чулков, Сухин и Мясной в 1587 году отправились к столице Кучума.

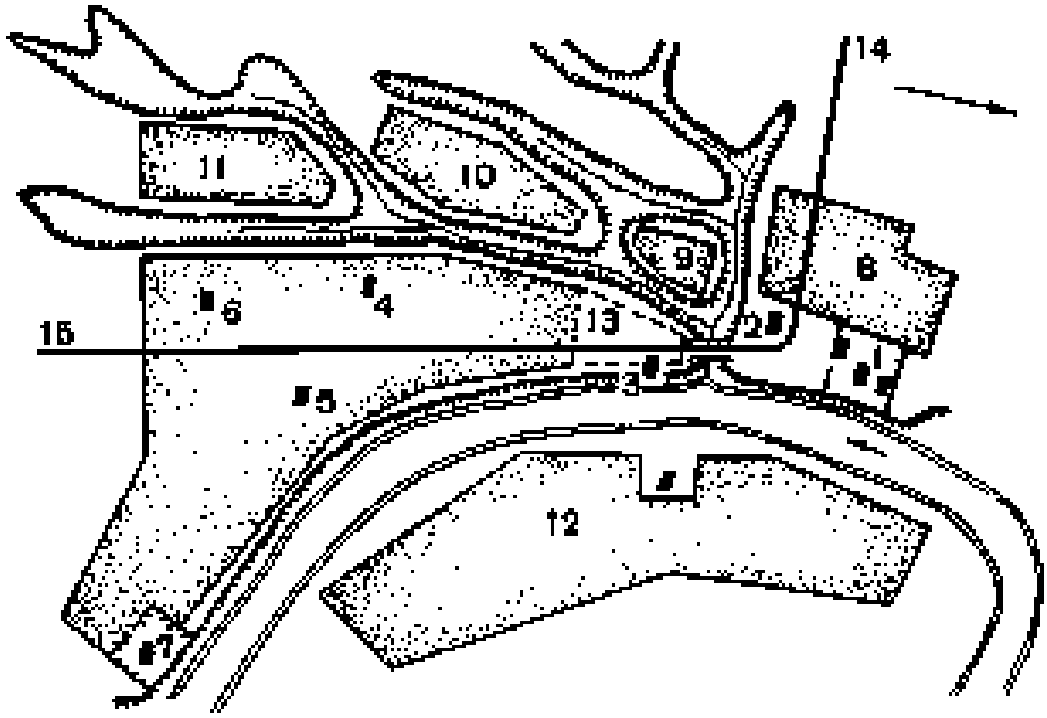
Вокруг крепости-ядра очень быстро, в течение полутора-двух десятилетий, образовались все другие типичные для русских городов части: посад, слободы, монастыри. Посад («жилой острог») разместился на единственно пригодном для него месте — вдоль юго-восточных стен крепости от Туры до Тюменки. Стена посада высотой 3,2 метра, укрепленная рвом и надолбами, протянулась более чем на километр и была укреплена четырьмя башнями. Три церкви — Спасская, Ильинская и Михаила Малеина — «обслуживали» население посада — служилых людей и пашенных крестьян. При Ильинской церкви (бывшей в восточном углу посада) в 1601 году был основан женский монастырь. В 1596 году последовало царское повеление поощрять бухарскую торговлю, и с этого года опять стали приходить в Тюмень караваны. Часть бухарцев осела в городе — в заречной части, на низком левом берегу возникла бухарская слобода. Для отправления важнейшей государственной обязанности — ямской гоньбы — были присланы из России ямские охотники, которые в 1605 году основали за Тюменкой Ямскую слободу. И, наконец, в 1616 году рядом с Ямской слободой, на мысу, образованном поймами рек Тюменки и Бабарынки, а также берегом Туры, закладывается Преображенский (позже Троицкий) монастырь, которому суждено будет играть очень важную роль в архитектурном облике города.

Так сложилась основа города, очень похожая на верхотурскую: такие же составные части, разделенные оврагами, но связанные рекой и транзитным трактом, такая же излучина, такой же крутой берег. Но архитектурная судьба этих городов сложилась по-разному. В Верхотурье городское ядро (кремль) сохранило себя как архитектурный центр, в Тюмени же ядро со временем «растворилось» в застройке. Это различие — прямое следствие той зависи-

мости от ландшафта, которая так характерна для старых русских городов. Действительно, верхотурский Троицкий камень представляет собой мыс, перпендикулярный берегу; поэтому посад расположился в глубине за кремлем, не «соперничая» с ним в панораме, а, напротив, поддерживая кремль двумя близко выдвинутыми к нему церквами. Тюменский же мыс вытянут вдоль Туры, посад непосредственно примыкал к «городу» и развивался тоже вдоль берега, являясь как бы его продолжением. Церкви «города» и острога в панораме тоже выстроились вдоль берега цепочкой, в которой «город» является всего лишь последним звеном. Правда, возникший в Затюменской части ансамбль мужского монастыря в какой-то мере возвращал городскому ядру его роль «первой скрипки», обеспечив ему центральное положение в общей панораме, но все же панорама так и не получила яркого композиционного центра. Исследователь Сибири П. А. Словцов так описывал панораму Тюмени: «Несколько каменных зданий выглядывают из-за крыш передовой линии, и по целой дуге городского берега белеются храмы...»[14].

Едва возникнув и закрепившись в устье Тюменки, новый город быстро рос. Начался естественный процесс его расширения. Внутри крепостных стен становилось все теснее: появились государева съезжая изба, две избы караульные, десять торговых житниц, два амбара, тюрьма, воеводский и архиепископский дворы, а также семь дворов «людских». В 1620-х годах обветшалые стены крепости были обновлены. Заодно была построена стена вдоль берега Туры, а с восточной стороны (в районе современной бани) стены были укреплены рвом и валом. Восемь рубленых шатровых башен стали защищать посад. Так Тюмень получила замкнутую линию оборонительных сооружений. В 1643 году при воеводе князе Григории Борятинском рубленый «город» был заново перестроен и расширен. Однако уже через семь лет стены, поставленные вплотную к береговому обрыву, пришлось перенести, но еще через семь лет стены с башнями все же упали вместе с подмытым берегом. В 1663 году был получен приказ стены и башни вновь отнести от берега, укрепить берега террасами, очистить ров. После пожара 1687 года вместо сгоревшего рубленого «города» был поставлен «городовой острог» (то есть городни были заменены более дешевым острогом).

Постепенно рос и посад, особенно после того, как на Холмогор прислали в Тюмень пятьсот стрельцов. Пожары часто уничтожали посад. Два раза (в 1684 году при воеводе Ртищеве и в 1687 году при воеводе Колобове) приходилось




*Тюмень.*
*Схема плана города XVIII в.:*
1) Троицкий мужской монастырь с Троицким собором, с церквами Петропавловской и Сорока мучеников; 2) Крестовоздвиженская церковь; 3) Благовещенская церковь; 4) Церковь Михаила Архангела; 5) Знаменский собор; 6) Спасская церковь; 7) женский монастырь с Ильинской церковью; 8) Ямская слобода; 9) Царево городище; 10) Большое городище; 11) Малое городище; 12) заречная часть с Вознесенской церковью; 13) территория деревянной крепости; 14) дорога на Туринск (ныне ул. Ямская); 15) дорога на Ялуторовск (ныне ул. Республики)

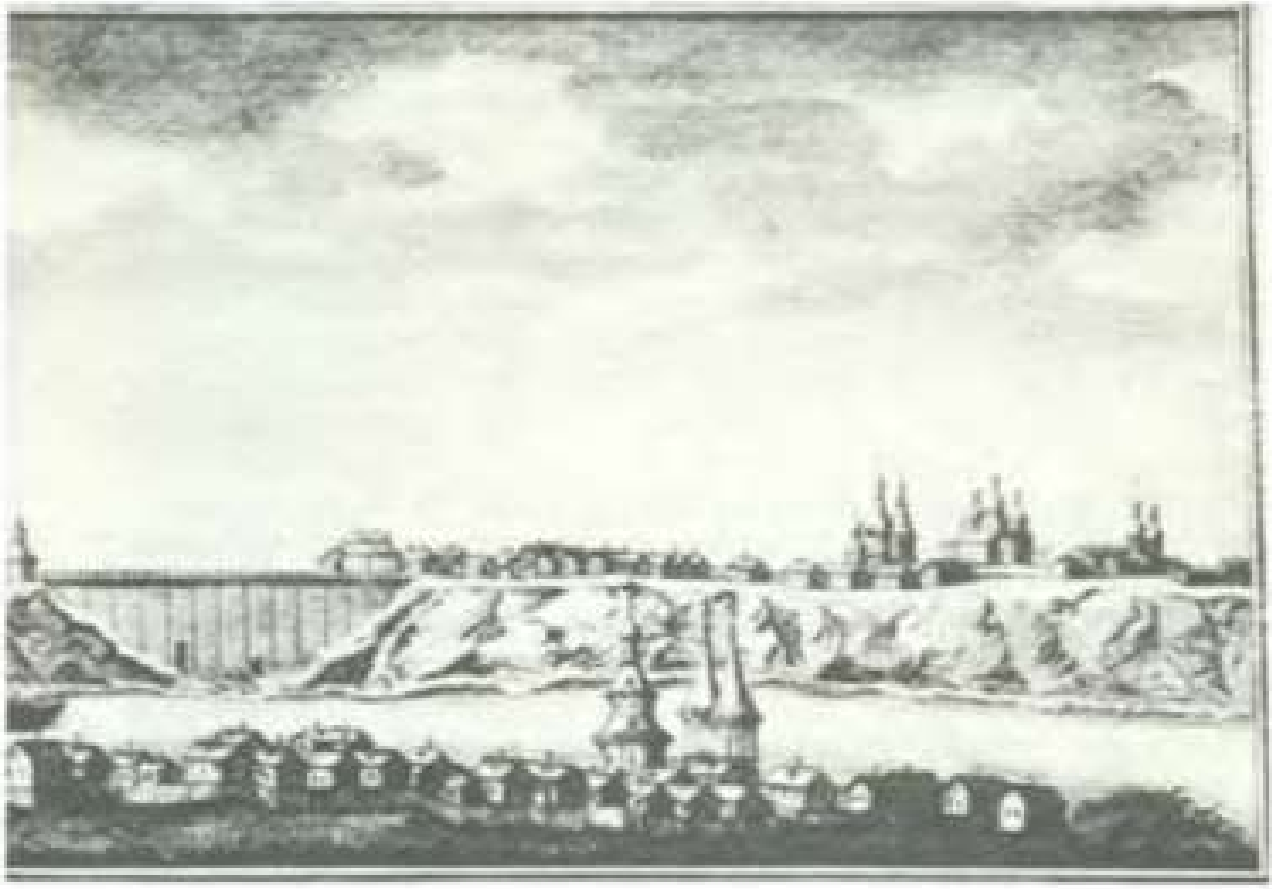
ставить на прежнем месте «острог новый» с башнями. 2 октября 1695 года страшный пожар уничтожил бо́льшую часть города, в том числе почти все церкви и женский монастырь. К этому времени в Тюмени проживало уже около трех тысяч человек, и среди них — неизвестные нам народные мастера, которые вместе с профессиональными «градорубами» строили, перестраивали, обновляли город, создавали архитектуру своего времени.

Как жили и чем занимались жители древней Тюмени? Мы мало об этом знаем. В первые десятилетия им приходилось часто отбиваться от нападений татар. Со временем военная опасность исчезла и город, соответственно своему местоположению, все больше превращался в торговый. Но до конца XVII века в Тюмени еще не было своих крупных торговцев, которые бы ездили в европейскую Россию. С товарами в Тюмень являлись вологжане, устюжане, ярославцы, казанцы, сольвычегодцы. Зато развились в XVII веке в городе ремесла и промыслы — кожевенный, кузнечный,

*Панорама Тюмени.*
*Гравюра Н. Саблина 1770 г.*
*по рисунку И. Люрсениуса*
*1742 г. ГИМ*

кото́вый (обувной), мыловаренный, котельный и колоколенный. Важным делом было изготовление дощаников. Легкие суда эти можно было в то время встретить на многих сибирских реках. Появилась в Тюмени и своя живопись. В первые годы XVII века из Устюга Великого переселился в Сибирь иконник Спиридон — родоначальник известного в Тюмени купеческого дома Иконниковых. В Знаменском соборе до последнего времени хранилась написанная Спиридоном и весьма популярная в Тюмени икона «Знамение Божьей матери».

Сохранился план Тюмени конца XVII века. На этом плане видно, как сильно разросся посад по сравнению с крепостью, как плотно занял он все пространство от Туры до Тюменки, как увеличивались размеры кварталов по мере удаления от «города». Но главное — это ясно читаемая прямоугольная планировка центральной части посада. План деревянной Тюмени опровергает распространенное убеждение, что регулярная планировка появилась в русском гра-



достроительстве лишь в Петровскую эпоху (как следствие западного влияния), что русские средневековые города имели лишь радиальную или хаотичную планировку. Сибирские города, начинавшие свою жизнь прежде всего как военные лагеря, как стратегические пункты, нередко имели прямоугольную или очень приближенную к ней сеть улиц. Но в то же время, рассматривая план Тюмени, убеждаешься в том, что для строителей города прямоугольная планировка не была жесткой: там, где этого требовал ландшафт, условия местности, регулярность нарушалась, смягчалась, а местами и совсем пропадала. Эта градостроительная «раскованность» и делала город органичной частью ландшафта, создавала разность масштабов центральной части и окраин, а в конечном итоге — то богатство видовых перспектив, которое мы теперь считаем пока преимуществом средневековых городов. В Тюмени сочетание регулярности со стихийностью определило не только характер сетки улиц, но и очертания городских площадей. На плане города это

очень наглядно видно: из всех площадей лишь одна имела строго прямоугольную форму. Но независимо от формы каждая тюменская площадь в соответствии с принципами русского зодчества являла собой пространство с церковью посредине. Эта центричность и свобода русских площадей — качество, «побеждающее» средневековую тесноту застройки. Практически почти каждая улица деревянной Тюмени выходила на площадь. Это придавало определенность и законченность всему внутреннему городскому пространству, и без того прочно связанному продольной планировочной осью — Сибирским трактом. Эта главная ось, проходившая сквозь город с северо-запада на юго-восток, в дальнейшем определит линейное развитие застройки; а пока, до начала XVIII века, город заканчивался оборонительным валом, за которым стояли лишь кузницы.

После пожара 1695 года Сибирский приказ предписывает начать каменное строительство в Тюмени. В 1704 году было в основном закончено первое каменное здание — государевы денежные амбары с Благовещенской церковью над ними, а в июле 1705 года новый пожар опять уничтожил весь город (729 дворов). Только городовой острог сохранился. В 1709 году была поставлена новая деревянная острожная стена с полевой стороны и начато строительство теперь уже каменного Преображенского (Троицкого) собора мужского монастыря. В 1731 году город опять получил новый палисад внешнего острога. Через десять лет в Тюмени было уже 982 двора, а население превысило четыре тысячи человек. К этому времени в связи с тем, что по южной границе Сибири была создана непрерывная линия укреплений, город уже полностью потерял свой пограничный облик и постепенно превращался в крупный пункт транзитной торговли Сибири и Китая с Центральной Россией. Полученный в 1635 году герб города с изображением лисицы и бобра был заменен новым: на синем фоне серебряная река и золотая мачта.

В 1766 году пожар опять истребил весь город. Сохранились только Ямская слобода и мужской монастырь. Осенью того же года сибирский губернатор Д. И. Чичерин прислал из Тобольска новый план «погоревшему в городе Тюмени месту с положением на оном вновь прожектированных улиц и переулков»[13]. Согласно плану, для Тюмени утверждалась строго прямоугольная сеть улиц. Тем самым было прекращено фактически намечавшееся формирование трехлучевой системы. Началась упорядоченная застройка города. До настоящего времени сохранилась сеть улиц центральной части Тюмени, заложенная в 60—70-х годах XVIII века. Но с 1770-х годов в связи с тем, что казенные поставки

(хлеб и железо) уменьшились, а с Ирбитской ярмарки бо́льшая часть товаров шла прямо в Тобольск, минуя Тюмень, строительство в городе резко сократилось. Поэтому эпоха барокко не оставила в Тюмени ни одного гражданского здания. Зато культовое строительство пережило в это время свой расцвет: с 1768 по 1794 год появилось шесть больших каменных церквей. И все до одной — барочные.

Новый расцвет Тюмени наступил в середине XIX века в связи с «падением» Тобольска (вызванным переводом генерал-губернаторств в Омск) и возникновением в 1844 году тюменского пароходства. Выражение «Тюмень в явном прогрессе» стало часто повторяться в печати и разговорах того времени. Экономический подъем оживил и строительство. И здесь обнаружилось, что генплан города исчез: сгорел во время тобольского пожара еще в 1788 году. В 1840 году генерал-губернатор Западной Сибири обратился в сенат с ходатайством о выдаче копии этого плана. Сенат копии у себя не нашел и препроводил рапорт в министерство внутренних дел, которое в свою очередь обратилось к тому же генерал-губернатору с предложением разработать план своими силами, руководствуясь при этом существующим положением, «дабы избежать ломки». Из-за отсутствия специалистов составление плана затянулось. Лишь в 1861 году план Тюмени был высочайше утвержден. С этого времени почти вся территория города стала развиваться по строго прямоугольной планировке.

Промышленное развитие Тюмени в XIX—XX веках привело к освоению восточных и западных окраин города. Портовые сооружения, судоремонтные и кожевенные заводы вытянулись вдоль берегов Туры. Такое характерное для XIX века положение фактически оставило город без реки: выход к ней даже сейчас ограничен лишь небольшим участком старого центра.

Тюмень до сих пор развивается линейно — между рекой и железной дорогой. Это обстоятельство обеспечило сравнительно хорошую сохранность старого центра города, так как современная застройка все время удаляется от исторического ядра на юго-восток.

Можно побродить по старой Тюмени, полюбоваться ее красивыми зданиями в их естественной среде, а не как музейными экспонатами на фоне современной застройки. Но для того чтобы понять Тюмень, нужно прежде всего пройти по главной ее оси — бывшему Сибирскому тракту.

СТАРЫЙ СИБИРСКИЙ ТРАКТ-УЛИЦА. Пройти по этой основной артерии города — значит не только увидеть важ-

*Жилой дом в Ямской слободе. Тюмень. Середина XIX в.*

*Подоконная доска дома в Ямской слободе*

←

нейшие исторические и архитектурные памятники, но и понять структуру города. Ведь сохранившаяся исходная планировка, зрительные перспективы, особенности застройки улиц и площадей — все это драгоценные свидетельства русского градостроительного искусства. И потому нельзя считать знакомство с городом состоявшимся, если оно ограничилось только осмотром зданий, пусть даже очень многих.

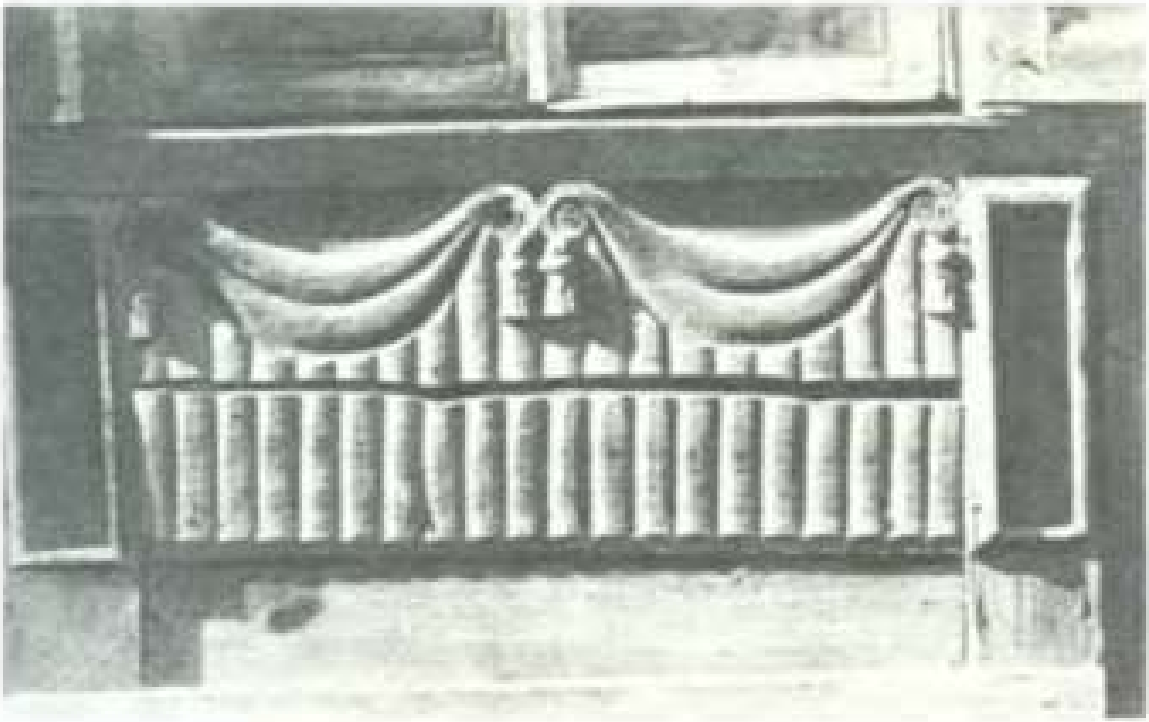
Но проходящий через Тюмень Сибирский тракт (другие его названия — Московский, Российский) — это не только градостроительная ось города. Тракт является важной частью истории Тюмени и даже более того — России. Все переселенцы, служилые люди, бригады мастеровых, государственные мужи, ученые и путешественники, писатели, авантюристы и, наконец, арестанты — сотни тысяч арестантов! — все прошли по этому много видевшему тракту. Долгое время остававшийся единственной ниточкой, связывавшей европейскую и азиатскую части России, тракт год от года становился все оживленнее: «В дождливую погоду,

во время движения бесконечных обозов с товаром, преимущественно чая, идущего из Кяхты, жить на главных улицах становится невыносимо. Крики и ругань ямщиков, лай и визг множества собак — все это сливается вместе, и только крепкие нервы тюменцев могут переносить этот шум, продолжающийся с утра до позднего вечера»[16].

С московской стороны тракт, сделав большую петлю вокруг заливной поймы Туры и ее притока Бабарынки, становился тюменской улицей прежде всего в Ямской слободе. Сейчас слобода слилась со всей автюменской застройкой, а в XVIII веке границами слободы были улицы Ямская, Ирбитская, Садовая. Ямская гоньба по сибирским разбитым дорогам была делом чрезвычайно трудным. Ямщицкие возки стали непременной и характерной частью тюменского пейзажа. Исследователь Сибири И. Завалишин писал в середине прошлого века: «Что Валдай для России, то Тюмень для Сибири — мать всех колокольцев. Здесь на каждую почтовую дугу привязывают по два колокольца, всегда подобранных в тон, и поют они согласно свою неумолчную песню»[17].

Свою слободу ямщики застраивали постепенно и основательно: широкие прямые улицы, прямоугольные кварталы. Были там и свои постоялые дворы. В XIX веке их много возникло и около слободы: ведь летом в Тюмени для провоза купеческой клади собиралось до тысячи ямщиков и до пяти тысяч упряжных лошадей с телегами. Жилые дома слободы не отличались богатством декора, но рублены были добротно, при каждом — большой, иногда наполовину крытый двор за высоким сплошным забором.

Если пройтись по одной из пограничных улиц слободы — Ирбитской, то непременно бросится в глаза, что одна сторона улицы застроена неинтересными домами, другая же, древнейшая, избами из темно-коричневых до красного свечения прокаленных жарой и морозом бревен. Обшитые такими же коричневыми досками карнизы очень большого выноса и мощные выступы срубов, рубленных «в обло», придают избам особую крепость. Завершают этот архитектурно-художественный образ распахнутые днем большие филенчатые ставни, украшенные несложной выемчатой резьбой наличники и громадные навесные подоконные доски с барельефной резьбой, чаще всего изображающие стилизованные занавески с перехватами и кистями. Мотив «занавесок» под окнами был очень распространен в Тюмени, так же как, например, в Костроме были распространены подоконные «полотенца». Тюменские «занавески» отличаются не только мотивом, но и характером формы: в них



*Подоконная доска дома в Ямской слободе*

нет среднерусской «игривости и озорства», барельефное изображение «наложено» на строгую прямоугольную доску и к тому же заключено в рамку. Но зато само изображение очень тонко проработано. Удивительно хорошо тюменские «занавески» смягчают суровость монументальных изб. Да и вся улица от них становится по-домашнему уютной.

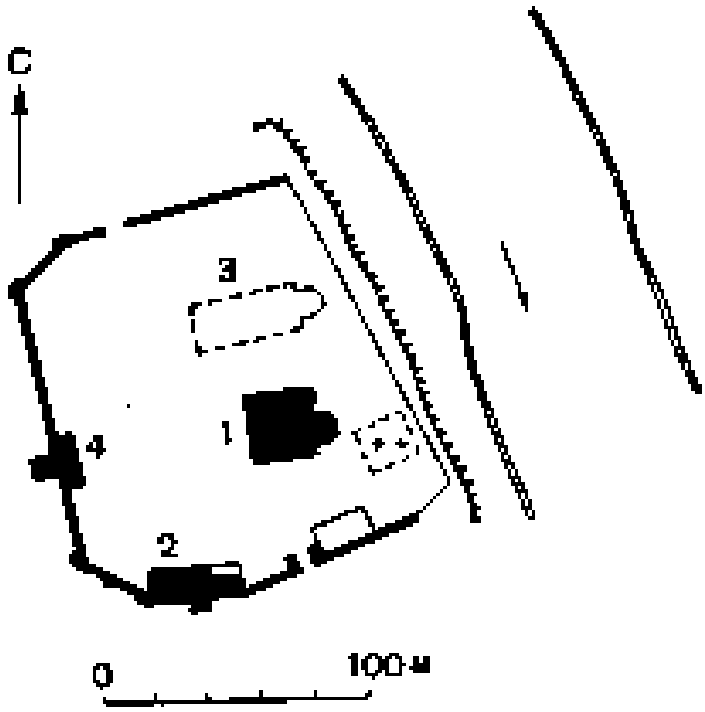
Две центральные продольные улицы Ямской слободы (современные улицы Димитрова и Свободы), а также огибающая слободу с востока улица Коммунистическая наиболее красивы. Они замыкаются ансамблем Троицкого монастыря. Эти три улицы почти единственные в старом городе, имеющие архитектурные завершения. Бесчисленные пожары, «обновление» города в камне и укрупнение кварталов согласно планам 1766 и 1861 годов привели к тому, что городские площади с церквами на них перестали замыкать улицы, а переместились на углы кварталов. И теперь улицы старой Тюмени «растворяются в бесконечности» либо завершаются зеленью заовражных городищ.

Старый Сибирский тракт входил в город вдоль южной окраины Ямской слободы. Сейчас это улица Ямская, соединяющая дорогу в аэропорт с городом. Дойдя до берега Туры, улица круто сворачивает направо, в центр Тюмени. Слева в двухстах метрах неожиданно возникает Троицкий монастырь.

На очень удобном и ответственном для города месте расположился монастырь. Широкий плоский мыс между двумя речками и берегом Туры — это своеобразная «завязка» города. Монастырь на берегу встал основательно, закрепившись на нем высокими стенами и монументальными постройками. Эта подчеркнутая монументальность, весомость архитектуры очень уместна именно здесь, в этом ключевом для города месте, откуда, «перешагнув» овраг Тюменки, начинает развертываться панорама Тюмени.

Заложен был монастырь в 1616 году (1610? 1621?) казанским монахом Нифонтом по указу царя Михаила Федоровича, а построен Корнилием Хоревым с монахами. Через восемь лет была освящена деревянная шатровая Спасо-Преображенская церковь. В 1706 году церковь сгорела, и без того бедствовавший монастырь стал приходить в полный упадок. Поэтому сибирский митрополит Филофей Лещинский стал ходатайствовать перед Петром I о постройке каменного монастыря как центра миссионерства и борьбы с раскольниками. Разрешение было получено сразу же (14 декабря 1706 года). Указ царя предписывал тобольскому воеводе князю Черкасскому отпустить монастырю тысячу рублей из тобольских доходов, кирпич делать самим (ссыльными людьми), лес и дрова возить подгородным крестьянам, а верхотурским крестьянам сплавить четыре струга белого камня. Для контроля за обеспечением каменного строительства материалами прибыл из Тобольска приказной человек А. И. Иконников.

К началу каменного строительства монастырь был переименован в Троицкий. Через десять лет в основном было завершено возведение двух каменных церквей — Троицкой соборной (освящена в 1715 году) и Зосимы и Савватия, переименованной позже в церковь Сорока мучеников (освящена в 1717 году). К 1741 году закончено строительство каменной монастырской ограды, настоятельского корпуса и колокольни Петропавловской церкви. Сама же церковь освящена в 1755 году. После двух больших пожаров в середине XIX века Троицкий и Петропавловский храмы были частично перестроены. К тому времени монастырь состоял




*План Троицкого монастыря в Тюмени:*
1) Троицкий собор; 2) церковь Петра и Павла; 3) церковь Сорока мучеников; 4) настоятельские кельи

уже в третьем классе и считался лучшим в Сибири после иркутского Иннокентьевского монастыря.

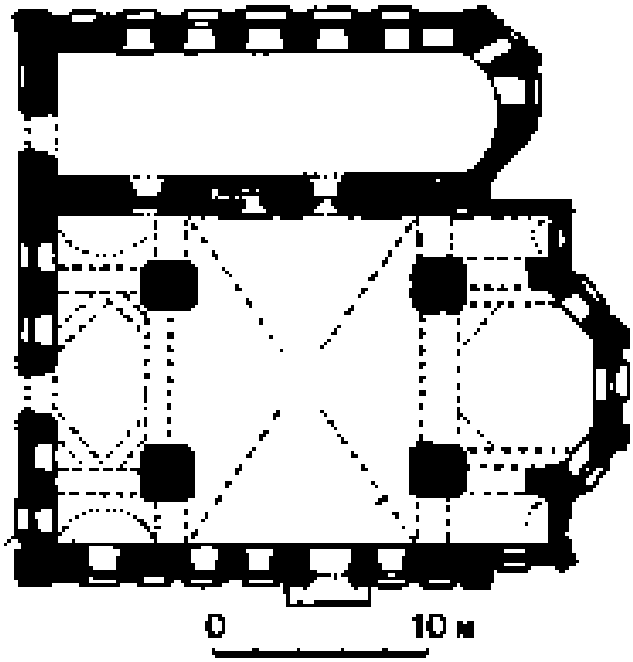
Каменный Троицкий монастырь можно считать детищем Филофея Лещинского. Вряд ли монастырь получил бы столь величественные архитектурные формы, если бы не энергия этого умного, деятельного человека, одного из первых просветителей Сибири. Малоросс по происхождению, Лещинский закончил Киевскую духовную академию и через некоторое время был назначен экономом Киево-Печерской Лавры. В 1702 году его назначили митрополитом Тобольским и Сибирским, а в конце следующего года он уже сообщал государю о необходимости завести в Сибири школы (хотя с конца 1701 года в Тобольске уже работала первая в Сибири — и одна из первых в России — общеобразовательная светская школа), учредить казенное пособие для учеников, организовать типографию. В открытых им школах ученики «для развития и увеселения» представляли трагедии, комедии, драмы, написанные часто самим митрополитом.

В 1711 году Филофей принял схиму и удалился в тюменский Троицкий монастырь, где и прожил (с пятилетним перерывом, когда он снова возвращался в Тобольск митрополитом) до самой смерти в 1727 году. После него остался не только каменный монастырь в Тюмени и тобольские постройки, но также несколько славяно-русских духовных школ и почти триста церквей по всей Сибири. Однако главной своей постройкой Лещинский считал Троицкий собор монастыря. Он и похоронить себя велел перед входом в этот собор.

Строительная деятельность Лещинского протекала в очень сложное время, когда завершался длительный период перехода от средневековья к новой эпохе. В культовой архитектуре того времени все еще продолжалась борьба двух тенденций — традиционной, идущей от древности, и новой, использующей некоторые формы западного зодчества. Проникновение западных форм началось давно, но явно проявилось после знакомства с европейской культурой царя Алексея Михайловича во время войны 1654—1656 годов, а особенно после воссоединения Украины с Россией в 1654 году. Декоративные формы украинского барокко, рождавшиеся в первой половине XVII века под влиянием западного зодчества, активно стали вторгаться в русскую архитектуру, не затрагивая, однако, композиционных ее основ. Еще в середине XVII века русские зодчие могли близко познакомиться с работами украинских и белорусских мастеров, работавших по приглашению патриарха Никона на строительстве Иверского монастыря в Валдае. В конце XVII века достигают высшего расцвета, взаимно обогащая друг друга, барокко московское («нарышкинское») и украинское. Петровская эпоха еще более укрепила позиции западных форм в России: в первую половину XVIII века в Москве было выстроено всего пять пятиглавых церквей, а в Петербурге вообще ни одной. Противоречия эпохи повлияли и на каменное строительство в Тюмени. В 1704 году Лещинский осваивал первую каменную церковь в Тюмени — Благовещенскую, выстроенную в соответствии с новыми принципами «кораблем» с пятиглавием, почти нечитаемым из-за малости угловых глав. А через несколько лет тот же Лещинский строит в монастыре Троицкий собор по древнему образцу — в виде громадного куба, увенчанного мощным пятиглавием. Объяснить этот факт отчасти можно общей консервативностью монастырского строительства. Формы допетровской архитектуры преобладали в строительстве монастырей всю первую четверть XVIII века. Но переходное время накладывало свой отпечаток даже на монастыр-

ские постройки, в результате чего их традиционные объемные формы часто приобретали новый декор. Тюменский Троицкий собор тоже получил более живописную трактовку, чем этого требовали древние каноны и «Правила» патриарха Никона, введенные им для борьбы с «обмирщением» церковного зодчества в середине XVII века. «Избыточная» живописность Троицкого собора создана не только двухэтажным северным приделом и двумя одноэтажными пристройками к двусветной апсиде, но также и двумя одноэтажными «щипцовыми» стенками, венчающими торцы придела. Этот несвойственный старому русскому зодчеству прием стен-декораций пришел на берега Туры из западноевропейского барокко.

Благодаря главному заказчику — Филофею Лещинскому — в Сибирь проникли и формы украинского барокко. Влияние украинского зодчества определило прорисовку глав Троицкого собора и даже саму постановку их на четверике по странам света, а не по углам четверика. Очень интересно распределение венчающих глав: продольная ось собора выделена тремя большими главами (одна из них поставлена на апсиду), поперечная — двумя малыми. Это напоминает прием венчания вытянутых в длину базиликальных церквей, распространенных в католическом зодчестве. В русской архитектуре храмы с подчеркнуто осевой композицией куполов стали распространяться с конца XVII века как результат развивающейся тенденции к торжественности и представительности архитектурных форм. Наиболее наглядно осевая направленность проявила себя в трехчастных трехглавых храмах. В пятиглавых храмах, как это произошло в Троицком соборе, прием «развертывания» северного и южного фасадов осуществлен при помощи соответствующего расположения и разновысотности глав. Строивший этот собор «каменный мастер» Матвей Максимов (присланный из Тобольска) создал произведение оригинальное, но в то же время характерное для периода активного усвоения форм, рожденных за пределами России. В соответствии с духом времени в архитектуре собора борются два начала — новое, барочное, и традиционное. Древнерусское начало проявило себя здесь сильнее. Барочные детали как бы наложены на плоскость стены, не трансформируя ее. Кроме того, по традиции наличники окон на каждой стене имеют свой характер. На западной и южной стенах преобладает мотив полуколонок с полуциркульным или трехлепестковым профилированным очельем (завершением); на трапециевидной апсиде и северной стене придела полуколонки уже составлены из кубышек, а очелье приобретает сложную многолю-




*Троицкий собор Троицкого монастыря. 1715*
←

*План Троицкого собора*

пастную форму. Но зато порталы собора выполнены не в романских формах, характерных для древнерусских храмов, а по-новому, «на итальянский манир» — в виде полуколонн и стилизованного архитрава. Влияние нового времени проявилось и в том, что на фасадах четверика нет членений, соответствующих конструктивной структуре четырехстолпного храма. Но в то же время угловые пилястры имеют мощные бочкообразные утолщения. Троицкий собор — дитя переходного времени.

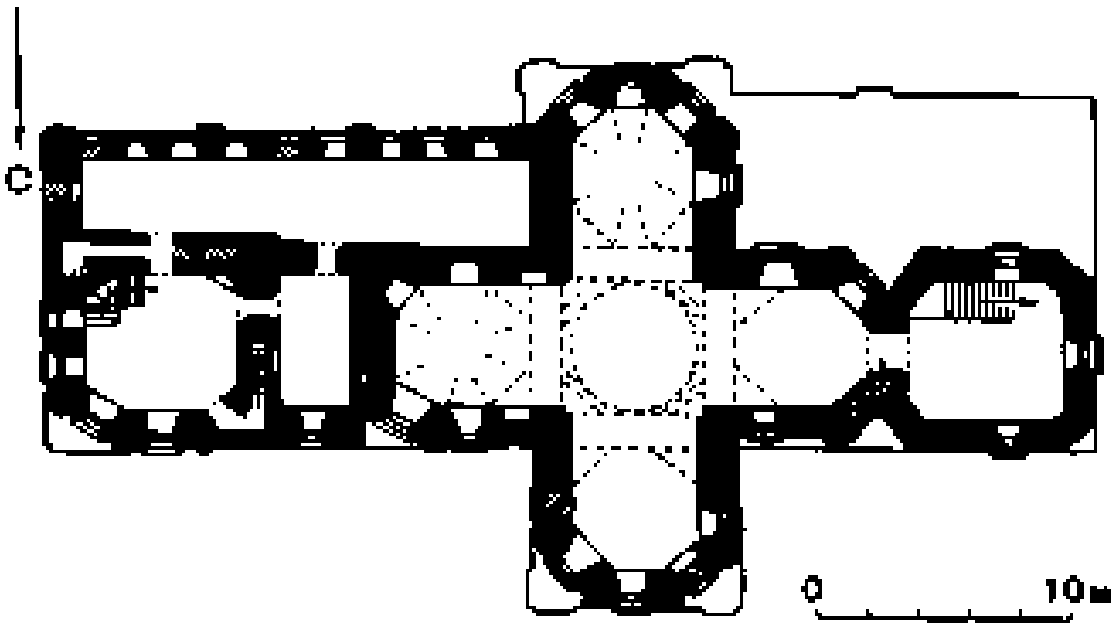
В интерьере храма сразу отмечаешь хорошую освещенность, столь несвойственную древним церковным интерьерам, обычно погруженным в полумрак даже в яркие солнечные дни. Второй ярус окон Троицкого собора обеспечивает настолько хорошее освещение, что центральный барабан сделан глухим и поставлен в таком виде на сомкнутый четырехлотковый свод. А чтобы давление на свод было меньше, барабан сооружен деревянным. Все эти особенности (сомкнутый, а не крестчатый свод, глухая глава) соответ-

*Церковь Петра и Павла в Тюмени. 1755*

ствуют особенностям русского культового зодчества первой четверти XVIII века.

Находясь внутри храма, особенно хорошо ощущаешь его внушительность и монументальность. И в то же время не покидает чувство какой-то пустоты. Понять это чувство нетрудно. В русских храмах внутреннее пространство всегда оживлялось живописью и прикладным искусством. Троицкий собор сейчас почти пуст. Иконы, написанные в 1720-х годах, вероятно, киево-печерскими иконописцами по заказу Филофея Лещинского, не сохранились, очень потемнели и росписи внутренних стен, сделанные в 1850-х годах художником Винокуровым.

Вторая сохранившаяся церковь монастыря — Петропавловская — тоже чрезвычайно интересна. Это единственная в Тюменской области церковь с крестообразным планом. Подобного рода храмы наряду с четырех- и многолепестковыми стали распространяться в России с конца XVII века. В. И. Кочедамов называет прототипом церкви Георгиевский




*План церкви Петра и Павла*

храм киевского Выдубецкого монастыря (1696—1700), но это лишь предположение. С постройкой Петропавловской церкви Троицкий монастырь превратился в своеобразный архитектурный заповедник, вместивший в себя основные типы церквей того времени: традиционный кубический (Троицкий собор), «трапезный» (церковь Сорока мучеников), крестообразный (Петропавловская церковь). Шатровые колокольня и надвратная колоколенка дополняют эту «экспозицию».

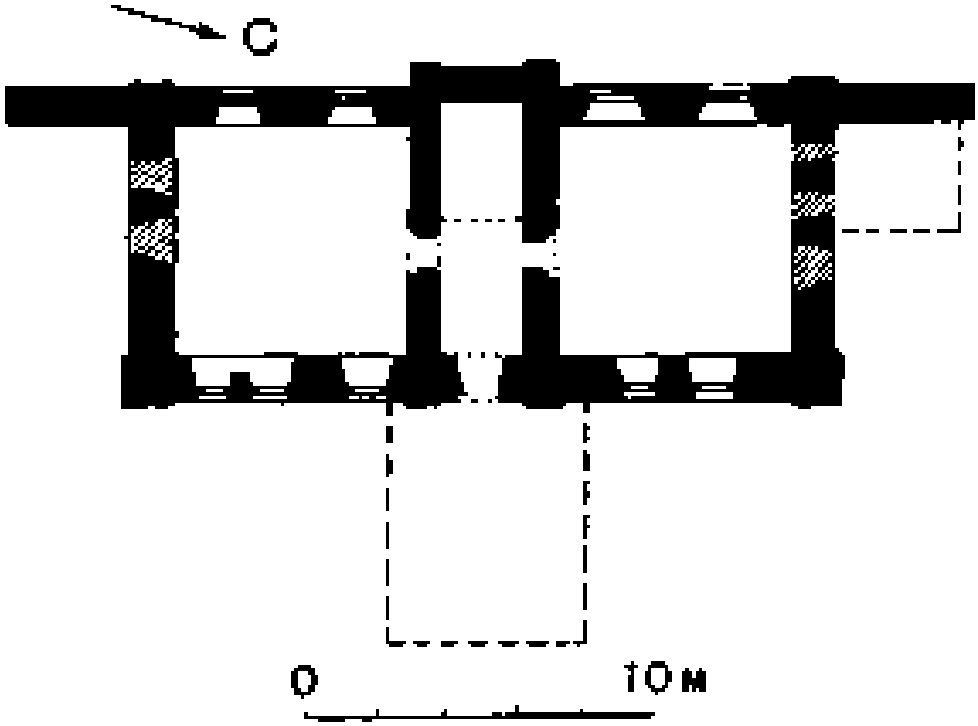
Петропавловскую церковь Филофей Лещинский заложил последней, уже перед самой своей смертью. Тридцать лет строилась церковь, но, как это часто бывает, вначале была сооружена колокольня. Увенчанная невысоким шатром, колокольня (двухъярусный восьмерик на четверике) встала необычно — не у западного, а у восточного фасада церкви. В 1760-х годах, уже после освящения, храм был объединен с колокольней корпусом ризницы и духовного правления. В результате центричность крестообразной церкви, и без того

нарушенная двухэтажным объемом притвора-трапезной, окончательно потерялa свое самостоятельное архитектурное значение. Зато возникла новая композиция, построенная по древнему «хоромному» принципу (по этому принципу был сооружен знаменитый коломенский дворец Алексея Михайловича — семь деревянных «хоромин», приставленных друг к другу). Сама же церковь сооружена по схеме украинских пятикамерных деревянных церквей второй половины XVII века и производных от них тоже украинских крестообразных каменных церквей. В далеких зауральских землях время текло «медленнее», дух перемен лишь едва затрагивал основы жизни и культуры, поэтому и принципы древней архитектуры еще долго использовались в постройках, рождая формы самобытные и могучие. Вот и Петропавловская церковь, как и многие сибирские здания того времени, сочетает в себе суровость и монументальность с удивительной пластичностью форм и деталей. Церковь-башня, поднятая на высокий подклет, несмотря на это, не стремится вверх, не «отрывается» от земли, а прочно стоит на ней. Можно предположить, что до пожара 1842 года, когда здание серьезно пострадало, на месте луковичных глав были украинские, подобные главам Троицкого собора, больше отвечавшие тектоническому и образному строю церкви. Тогда же, после пожара, сводчатые перекрытия апсид были заменены плоскими, а проемы святых ворот заложены. Церковь перестала быть надвратной, потеряв, таким образом, своеобразие (надвратные крестчатые церкви — большая редкость на Руси). Своеобразна и колокольня. Отсутствие закомар, «звона» (характерных для каменной шатровой архитектуры), широкая полица и невысокий шатер придают колокольне сходство с ее деревянными предками на севере России.

Декор фасадов Петропавловской церкви прост и, что очень важно, полностью подчинен пластике основных объемов. Поскольку в сооружении преобладают граненые формы, то ведущим элементом декора являются угловые лопатки-пилястры. Они придают граненым формам большую определенность и четкость, особенно там, где градации полутеней недостаточны для выявления плоскостей. Интересно, что окна в церкви расположены только на первом ярусе. Во втором ярусе — лишь «слепые» окна. Это зрительно делает его более устойчивым. Подчеркнутая статичность и устойчивость вообще являются характерными чертами сибирского зодчества.

Четвертой каменной постройкой монастыря стали двухэтажные настоятельские покои, сооруженные в 1739 году «в одной с оградою связи, с кладовыми под ними двумя

палатами»[19]. Несмотря на перестройки и утраты, первоначальный план здания прочитывается отчетливо — две «палаты» на каждом этаже, разделенные «сенями». Подобная трехкамерная плановая схема, идущая от древнего типа дома «изба со связью», возникла и очень широко распространялась в каменном строительстве XVII века. Неудивительно поэтому, что первый каменный жилой дом в Тюмени получил подобное плановое решение. По оси главного входа настоятельского корпуса разместилось крытое деревянное крыльцо с внутренней лестницей на второй этаж. Со стороны противоположного фасада — тоже пристрой, но уже с «сенцами» и ретирадами на первом этаже и жилым помещением на втором. «Палаты» имеют деревянное перекрытие; сени первого этажа перекрыты коробовым сводом. Трехчастная схема композиции выражена на фасадах лопатками. Под карнизом — поясок, выложенный валиком. Больше никаких украшений нет. Представительность дома обеспечивалась уже тем, что он был каменным (как и все сооружения монастыря, настоятельские покои выстроены из большемерного кирпича размером 30×15×8 см). Скромность архитектуры вполне соответствует назначению этого здания как жилого дома настоятеля рядового монастыря. Так же скромно решен и интерьер, весь декор которого составляют карнизные тяги. Но зато из окон дома открывались великолепные виды — с одной стороны на всегда оживленную Ямскую слободу, с другой — на монастырский двор с тремя громадными церквами в нем. Этот двор, а вернее сказать, интерьер монастыря, очень выигрывает в своей цельности от простоты архитектуры настоятельских покоев, так как все три столь разные церкви входными (западными) порталами обращены к той стене, в которую «встроен» этот корпус. Между настоятельскими покоями и церквами возникла большая площадь. От дома настоятеля можно было увидеть сразу все постройки монастыря — обе церкви, Троицкий собор, деревянные здания служб и келий, ограду. Ограде принадлежит особая роль в монастырском ансамбле. Она оправдывает концентрацию культовых зданий на небольшой территории, она же придает завершенность многим видовым перспективам внутри монастыря. Если мысленно убрать ограду, возникнет ощущение случайности и даже какой-то неуютности всей композиции. Сразу разрушится архитектурная связь между зданиями. Высокая, почти крепостная, с массивными пилястрами и контрфорсами на внешних углах, ограда сомасштабна мощным формам церквей и тесно с ними связана. Два здания — Петропавловская церковь и настоятельские покои — встроены не-




*План настоятельских покоев Троицкого монастыря в Тюмени. 1799*

посредственно в ограду. В юго-западной части ограды имеются углубления до половины толщины стен. Полагают, что они были сделаны для защиты монастыря от ожидаемых войск Пугачева.

Южное прясло монастырских стен, упирающееся в береговой обрыв Туры, прорезано воротами (вторые ворота находились на северной стене). Над южными воротами до 1930-х годов возвышалась восьмиугольная каменная башня-часовня под деревянным шатром. С ее исчезновением утрачена необходимейшая деталь ансамбля, которая связывала укрупненный масштаб монастырской архитектуры с камерным масштабом прилегающей городской застройки. Без этой башенки монастырь — величественный, за высокими стенами — кажется замкнутым в себе. И вообще, внимательно знакомясь с монастырем, приходишь к выводу, что его композиция была рассчитана скорее на дальние точки зрения, чем на ближние: дома Ямской слободы почти вплотную подходили к монастырским стенам, прямоугольная сеть

улиц слободы тоже никак не учитывала влияние монастыря, но зато издалека, особенно с прибрежной зоны, раскрывается логика архитектурного построения ансамбля. Все три монастырских храма поставлены по диагонали таким образом, чтобы при взгляде из города они не перекрывали друг друга, а компоновались в сложную, панорамного типа композицию. В центре этой композиции всегда оказывается самый статичный и массивный Троицкий собор — главная ось и центр тяжести всего ансамбля. Более легкая и пластичная Петропавловская церковь фланкирует панораму слева. Вытянутая «кораблем» одноэтажная церковь Сорока мучеников была отодвинута в дальний правый угол территории и выполняла роль своеобразного фона, обогащая ансамбль своими главами, но в то же время подчеркивая ведущую роль двух других храмов. Мысленно реконструируя эту панораму (ведь церкви сейчас нет), можно понять, почему колокольня встала именно к востоку от Петропавловской церкви. При всяком другом положении активная вертикаль колокольни неизбежно оказалась бы фланкирующим элементом всей группы, что могло ослабить значение Троицкого собора, а тем самым — разрушить целостность этой важной для города панорамной композиции. Здесь, далеко за Уралом, русское зодчество продолжало сохранять все свои важнейшие традиции и черты, особенно такие, как связь с ландшафтом, ансамблевость, панорамность. Сооружение тюменского Троицкого монастыря показало это весьма наглядно.

Повернув от Троицкого монастыря на юго-восток, Сибирский тракт огибает тем самым одну из ключевых для города точек — вершину Затюменского мыса. Поворот тракта закреплен мягко изогнутым в плане зданием бывшего частного коммерческого училища, а на вершине мыса поставлена Крестовоздвиженская церковь. Еще в начале века на месте училища стоял построенный в 1850-х годах большой двухэтажный дом-гостиница купца Железнова. Гостиница встречала всех, приезжавших со стороны Урала. В 1908 году богатейший в Тюмени род предпринимателей Колокольниковых, откупив это чрезвычайно привлекательное место и приобретя у столичного архитектора Олтаржевского один из его проектов, что подороже (удостоенный золотой медали на Парижской выставке), начал строить на месте гостиницы частное коммерческое училище. Трехэтажное здание с большим дворовым участком, окруженным каменной оградой, было сооружено за четыре года. Почти одновременно в Тюмени строилось еще несколько общественных и производственных зданий, и все они были выполнены в формах модерна, захлестнувшего в то время города Западной Сибири. Но на

такое ответственное место, как вершина Затюменского мыса, требовалось здание величественной и спокойной архитектуры. Очевидно, это условие, вытекающее из градостроительной ситуации, было достаточно ясно понято заказчиками и городскими властями. Поэтому для коммерческого училища и был выбран проект, выполненный в неоклассицистических формах. Здание получилось красивым и почти свободным от той сухости, которая нередко сопровождала произведения неоклассики. Эта удача — не только результат мастерства известного архитектора, но и, несомненно, следствие очень выигрышного местоположения, позволившего зданию широко и вольно раскинуть два своих громадных крыла. Центральный ионический портик-лоджия дает на главном фасаде сочную тень, столь необходимую зданиям, видимым издалека. Нейтральность обоих крыльев подчеркивает значение главной оси. Все как будто сделано по правилам классицизма, но вот увенчанные вазонами узкие башни-ризалиты, «сдавившие» лоджию, активно раскрепо-

*Затюменский мыс со зданием бывш. коммерческого училища в Тюмени. 1914. На заднем плане — Троицкий монастырь*
→

ванный карниз, несколько мелковатые полукруглые угловые вставки и ряд других деталей говорят о том, что перед нами произведение неоклассики — течения, родившегося от «ностальгии» по спокойной, уравновешенной гармонии в эпоху нарождающегося машинизма и социальных взрывов. Отрицавшие классицизм эклектика и модерн родили великое многообразие форм, но не создали ни одного величественного, завершенного в себе ансамбля, способного внести хотя бы видимость порядка в новое градостроительство, в то время практически стихийное. В этих условиях закономерным было не только само появление неоклассики, но и ее быстрое распространение из Петербурга по всей России, вплоть до Сибири. На гребне этой волны и возникло в Тюмени распластанное, даже несколько прижатое к земле здание коммерческого училища. Эта приземистость и явно выраженная фасадность, а не глубинность композиции говорят о том, что здание появилось почти через век после того, как классицизм сошел с арены русской культуры.

Интерьер училища рождает ощущение спокойной торжественности. Кругом светло и просторно: широкие коридоры-рекреации, большие аудитории, громадный актовый зал со сценическим порталом на ионических колоннах. Очертания арки портала явно соответствуют эстетике модерна — деталь, весьма характерная для эпохи свободного выбора архитектурных форм. Даже неоклассицизм, декларировавший возрождение строгой ордерной нормативности, не мог противостоять этой «свободе» и был, по сути, еще одной стилизаторской разновидностью той же эклектики. Это не значит, что неоклассику нельзя рассматривать как самостоятельное течение, как не значит, что эклектика является синонимом беспринципности и подражательности в архитектуре. Вся архитектура второй половины XIX — начала XX века есть сплошной и очень активный поиск возможностей выражения новых общественных идеалов — уже не сословной государственности и гражданственности, а национальности и народности. Сооружения этой эпохи, соседствуя друг с другом, часто теряли индивидуальность, хотя и формировали неповторимые по своему облику улицы и кварталы. Но, будучи поставлены изолированно, они неожиданно обретали пространственную силу, почти не уступающую лучшим образцам зодчества прошедших эпох. Так произошло и со зданием коммерческого училища, которое не только сформировало площадь на стрелке прибрежного мыса, но и явилось очень важным элементом прибрежной панорамы. Ощущение торжественности, возникающее внутри здания, получает новое звучание при выходе из него, когда взору вдруг открываются не по-городскому далекие перспективы, крутая излучина, уходящий в бесконечность низкий левый берег. Но громадность пространства не была бы столь наглядной, если бы не своеобразный «измеритель масштаба» — Крестовоздвиженская церковь, как кулиса, стоящая на переднем плане этой развернутой в глубину картины.

Крестовоздвиженская церковь построена по типу трапезных с северным приделом и освящена в 1791 году. Ее основной объем — массивный двухъярусный четверик — был увенчан декоративным пятиглавием. В соответствии с традициями барокко каждый фасад церкви получил свою ось симметрии, созданную профилированными «полуглавиями» (другое их название — «круглые фронтоны»). Почти век понадобился, чтобы эта возникшая на московской почве архитектурная деталь появилась в тюменском зодчестве.

В конце XIX века Крестовоздвиженская церковь изменила свой облик. К колокольне была пристроена паперть, и одно-

временно уничтожен первоначальный барочный декор. В новой трактовке декор выполнили штукатурными тягами измельченного профиля. В 1930-х годах были разобраны барабаны с главами собственно храма и апсиды, восьмерик и ярус звона колокольни, изменены несколько проемов. В результате церковь почти потеряла значение связующего звена между ансамблем Троицкого монастыря и церквами остальной части города.

Крестовоздвиженская церковь и здание бывшего коммерческого училища сформировали очень интересную площадь — свободную, открытую, плавно ниспадающую к реке Тюменке. С восточной стороны площадь ограничена остатками сползшего в Туру прибрежного сада. Это бывший «Дунькин сад» — любимое место отдыха народа. Без этой зеленой полоски площадь казалась бы пустынной и неуютной. Единственная сохранившаяся аллея сада сейчас проходит уже почти по бровке обрыва, и это придает ей романтичность. Внизу, под двадцатиметровым обрывом, — бесшумная Тура, разноцветные лодки в затоне и деревянные ледоломы, навсегда спрятанные в тень моста, который они охраняют. А этот деревянный мост через Туру стоит того, чтобы его охранять — он очень красив, красив своей простотой, логичной тектонической конструктивностью и той особой легкостью, которая присуща лишь старым бревенчатым мостам.

С высоты Затюменского мыса левобережье как на ладони. Слева, выше по течению, Тура делает крутой поворот. На образовавшемся мысу раньше стояли ветряные мельницы, открытые всем ветрам. Почти вся береговая полоса в пределах города была занята причалами и небольшими предприятиями, в основном лесными. Левобережье до сих пор застроено малоэтажными зданиями, и эта равномерная «ковровая» застройка по контрасту подчеркивает высоту и значительность правобережья. Но контраст — не единственное, что связывает оба берега. Невдалеке от моста стоит каменная Вознесенская (Георгиевская) церковь — единственная вертикаль левобережья, важнейший элемент в перекличке архитектурных акцентов обеих частей города. Подобная ситуация типична для прибрежных русских городов: без церкви на низком берегу не мыслилось полноценное городское пространство. Но в Тюмени постройкой левобережной церкви была решена еще одна архитектурная задача. Вставшие почти напротив друг друга, но на разных берегах Благовещенская и Вознесенская церкви образовывали своеобразные речные ворота, чрезвычайно важные для Тю-

мерн, учитывая то значение, которое играла Тура в жизни города. Эта дополнительная «архитектурная нагрузка», очевидно, повлияла и на объемное построение обоих храмов: в Вознесенской церкви самым высоким элементом стала обращенная к реке колокольня, а в Благовещенской — стоящий у самого обрыва объем собственно храма.

Судьба Вознесенской церкви напоминает судьбу Крестовоздвиженской: построена в 1789 году, в 1870 году возведены два придела, в 1930-х годах разобраны верх «звона», главка на апсиде, барабан и глава храма. Вознесенская церковь трапезного типа с колокольней в форме восьмерика на четверике. Апсида, храм и трапезная имели по одной главе на высоких барабанах. В интерьере очень выразителен контраст низкого, полутемного под коробовыми сводами первого этажа (зимняя церковь) и подчеркнуто высокого, светлого под сомкнутым восьмигранным сводом второго этажа (летняя церковь). Квадратный в плане сводчатый зал трапезной слева и справа открывается большими арочными проемами в приделы, а прямо по ходу огромная, от стены до стены, арка связывает трапезную с храмом. Сокращающийся в перспективе алтарный объем усиливает сложность интерьера так же, как и круглящиеся, видимые в разных ракурсах линии арок, сводов, распалубок.

Декор фасадов Вознесенской церкви прост, но он интенсивно насыщает поверхность стен. Основные элементы декора — одиночные и спаренные лопатки-пилястры, профилированные карнизы, фигурные сандрики над окнами первого этажа, неглубокие прямоугольные нишки над остальными окнами. По осям основного объема храма — круглые фронтоны с глухими декоративными люкарнами. Кстати сказать, Вознесенская церковь явилась первой тюменской постройкой, в которой применены круглые фронтоны. Строителя церкви ввели в практику тюменского зодчества еще один архитектурный прием — выпуск углов между пилястрами (прием, характерный, скорее, для зданий с крестообразным планом).

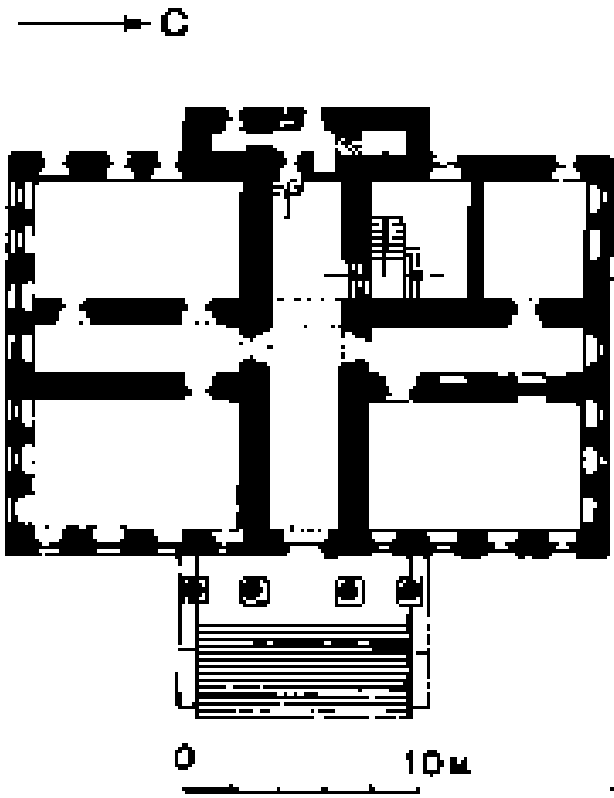
С вершины Затюменского мыса Сибирский тракт круто ниспадает в овраг — русло Тюменки, затем так же круто поднимается наверх и вливается в площадь. Как бы перекликающиеся через овраг две большие городские площади — явление нечастое в русском зодчестве. Поэтому красота и своеобразие «тюменского варианта» должны быть оценены по достоинству. Расстояние между площадями солидно — почти полкилометра. Разделяющий их овраг дает начало целой системе оврагов, пронизывающих всю восточную часть города. А сами площади принадлежат одновременно Туре —

ее левому берегу, Сибирскому тракту, Затюменке и центру города. Здесь, на стрелке Тюменского мыса, древняя история приобретает зримые формы реальности — настолько реальна сохранившаяся топография местности, настолько точно застройка соответствует этой топографии. Следуя ландшафтным условиям, одна площадь по своему характеру является как бы зеркальным отражением другой. Обе площади имеют треугольную форму, открыты в сторону реки, и плоское левобережье как бы сливается с ними, привнося масштаб заречных просторов. Зданию бывшего коммерческого училища соответствует на другой стороне оврага здание бывшего гостиного двора, Крестовоздвиженской церкви — здание бывшей городской управы, силуэту Троицкого монастыря отвечал силуэт Благовещенской церкви (церковь давно разобрана в связи с аварийным состоянием). Благовещенская церковь и стоящее напротив нее здание городской управы (теперь в здании — Краеведческий музей) обеспечивали открытой с трех сторон площади столь необходимую ей определенность границ и, кроме того, образовывали своеобразные пропилеи, торжественный въезд в центр города. Оставшись в одиночестве, здание Краеведческого музея уже не может справиться с этими задачами, хотя после исчезновения церкви именно к нему перешла роль главного архитектурного акцента стрелки Тюменского мыса.

Несмотря на небольшие размеры, Краеведческий музей выглядит очень значительным. Очевидно, сказывается его островное расположение, спокойные пропорции объема, большая высота цокольного этажа, а главное, четырехколонный портик со ступенчатым аттиком вместо фронтона и широкой свободной лестницей. Здание построено в первой четверти XIX века, после того как в 1795 году была образована тюменская Городская дума. В конце прошлого века над зданием поднялась пожарная каланча (этот прием часто применялся в русском зодчестве), что несколько снизило торжественность главного здания города, но в то же время придало пространству площади оттенок непосредственности и наивного рационализма. Такой же непосредственностью отличается и архитектурное решение фасадов — равномерный ритм простых, без наличников, окон, прямые сандрики на кронштейнах над окнами второго этажа, незатейливые замковые декоративные элементы над окнами первого этажа, несложные по профилю междуэтажные тяги, продольный («дощатый») руст стен первого этажа, ступенчатый аттик портика. Все вместе составило типичное произведение провинциального классицизма — все очень мило, просто, не-

*Здание бывш. городской управы (ныне Краеведческий музей) в Тюмени. Первая четверть XIX в.*

сколько робко даже, без той мощи и пропорциональной «сколоченности», которыми отличались столичные классицистические постройки. Но одно качество — пространственность — сразу возводит здание музея в ранг типичного произведения русского классицизма — стиля, который, в отличие от западноевропейского классицизма, неизменно и подчеркнуто трактовал ордерную систему как пространственную, а не плоскую. Ордерной разработке стенной плоскости зодчие русского классицизма предпочитали выдвинутые перед стеной портик или колоннаду. Поэтому наибольшее влияние на формирование отечественного классицизма оказали те архитекторы итальянского Возрождения, для которых главным был объем, а не фасад здания. В этом убеждаешься даже здесь, в бесконечно далекой от Италии Сибири. Портик здания тюменского музея и особенно лестница напоминают элементы знаменитой виллы Ротонды, построенной великим итальянцем А. Палладио в 1551 году. Но это не помешало применить в тюменской




*План быв. городской управы*

постройке исконно русскую четырехкамерную планировку с сенями-коридором посредине — планировочный тип, восходящий к многокомнатным посадским домам XVII века и широко распространившийся в «каменном варианте» в XVIII и XIX веках.

Очень важен для здания музея фон — силуэт заозерных городищ, над которыми оно возвышается. С площади городища представляются взору вытянутыми вдоль горизонта по бровке оврагов рядами деревьев и деревянных изб. Контраст классицистического городского здания и сельского пейзажа неожиданно оборачивается сложной гармонией природы и архитектуры.

Городища — достопримечательность Тюмени. Три городища — Большое, Малое и Царево — расположены на трех своеобразных островах между оврагами. На ближайшем к зданию музея островке когда-то размещалась столица татарского княжества Чинги-Тура. Отсюда и название городища — Царево. В городище лишь две небольшие улицы,

застроенные деревянными домами начала века. Городища сохранили свой облик до наших дней; бродить по ним — истинное наслаждение. Береговые улицы изгибаются вдоль бровки оврагов, открывая перспективы, чрезвычайно заманчивые своими неожиданными контрастами замкнутых и открытых пространств, мгновенными «прорывами» в глубину города, почти до самого его центра, и возвращением к совсем близким палисадникам, калиткам, скамеечкам. Крутые глубокие овраги придают еще большее своеобразие «интерьеру» городищ. Поэтому вся эта зона объявлена сейчас охранной, с обязательным регулированием высоты новой застройки, с сохранением при реконструкции общей композиции. Многоэтажная застройка городищ изменила бы и масштаб исторического центра, с которым городища так тесно связаны. Сейчас со стрелки Тюменского мыса городища кажутся очень далекими и потому невысокие здания старого центра выглядят значительными.

Стрелку Тюменского мыса замыкает здание бывшего гостиного двора. Местоположение обеспечивает этому зданию ответственную роль своеобразного «указателя» центральной оси всего массива городского центра. Если прибегнуть к аналогии, то можно сказать, что градостроительное значение гостиного двора для Тюмени подобно значению Биржи (на стрелке Васильевского острова) для Ленинграда.

От гостиного двора начинаются две магистрали — улица Ленина (бывш. Спасская) и улица Республики (бывш. Царская), которая есть не что иное, как опять превратившийся в городскую улицу Сибирский тракт. Эти две параллельные улицы до сих пор сохранили роль главных в городе.

Решение построить в Тюмени каменный гостиный двор было принято в 1820-х годах. Это время, когда во многих городах Сибири возникали большие торговые площади с гостиными дворами на них. Тюменский гостиный двор начал строиться в 1835 году по проекту тобольского архитектора Суворова на месте деревянных торговых рядов. К 1838 году была закончена северо-восточная часть каменного гостиного двора, вместившая в себя 272 лавки. Вторая половина так и не была построена. Долгое время там существовали деревянные лавки, где и торговали мещане да приезжие купцы во время Васильевской ярмарки, учрежденной в 1845 году. Каждую субботу на площади был большой торг, зимой собиравший до двух тысяч человек.

По традиции тюменский гостиный двор строился с открытой галереей по периметру. Но, как это часто бывает, со временем (в конце XIX века) галерею заложили, увеличив, таким образом, площадь торговых помещений. Сейчас

*Здание бывш.*
*Военного присутствия*
*в Тюмени.*
*Начало XIX в.*

на фасадах ритм чуть видимых пилястр, на которые опираются профилированные арочные обрамления окон, лишь отдаленно напоминает мощный ритм былой аркады, которая своей сочной светотенью когда-то помогала зданию гостиного двора удерживать «архитектурный порядок» на больших прибрежных просторах. Выразительность аркады как ведущего архитектурного мотива делала ненужным применение большого числа декоративных деталей. Рустованное закрепление углов и профилированные архивольты неоштукатуренных стен — вот и весь набор декоративных средств на фасадах гостиного двора.

Полуторакилометровый отрезок Сибирского тракта от гостиного двора до современной улицы Дзержинского — это центр старой Тюмени, главная городская улица. Ее регулярная структура с почти равными по протяженности кварталами и квадратной площадью посредине была определена планом 1766 года. Но свой конкретный архитектурный облик улица приобретала постепенно, в течение двух

веков, по мере замены деревянных зданий каменными. Несколько современных многоэтажных зданий, уже возникших на улице Республики, укрупнили ее архитектурный масштаб. Изменилась центральная площадь. Исчезли ее замкнутость и компактность, эспланадой вытянулась она до самой реки. В своем современном виде площадь со стороны реки частично замыкается двумя зданиями — каменным и деревянным, чрезвычайно интересными в архитектурном отношении. Каменное здание строилось в конце XVIII — начале XIX века как дом градоначальника, но разместилось в нем Военное присутствие и жандармерия, поэтому почти одновременно во дворе было выстроено длинное одноэтажное здание с толстыми стенами и сводчатыми перекрытиями — гауптвахта. Эти два здания — наиболее ранние образцы классицизма не только в Тюмени, но и во всей Западной Сибири. Классицизм проникал в Сибирь только через казенное строительство. Здание Военного присутствия построено двухэтажным, на высоком цоколе-полуподвале. Ось главного фасада отмечена чуть заметным выступом (ризалитом), но симметрия была нарушена во второй половине XIX века перестройкой в камне деревянного пристроя лестничной клетки. Все сооружение в целом очень выразительно точным соответствием своего архитектурного решения образу официального («казенного») здания. Этому служит не только объем здания — плотный, четкий, но и равномерный ритм окон, скупость фасадного декора (междуэтажный и подоконный пояса да неглубокие прямоугольные ниши), большой вынос венчающего карниза, как бы останавливающий движение наверх, которое порождается удлиненными пропорциями окон второго этажа. Спокойная деловитость, созданная, казалось бы, простейшими средствами, даже без применения ордера, — отличительная черта этого здания.

Воздействие здания Военного присутствия объясняется не только его архитектурой, но и местоположением — не в ряду строчной застройки, а на краю большой площади, перед излучиной реки, через которую хорошо видны ансамбли Затюменского и Тюменского мысов. Небольшое, в общем-то, сооружение, «стягивая» к себе большие пространства, становится значительным. И в то же время оно сохраняет необходимую долю человеческого масштаба. Определенную роль в этом играет, по-видимому, и близкое соседство деревянного особняка (улица Володарского, 7), высокого, на каменном цокольном этаже, с фигурным фронтоном и угловыми башенками на крыше, с ажурным подкарнизным фризом в виде свисающей «бахромы» пропильной резьбы.

Оставленные необшитыми бревенчатые стены мощью своей фактуры подчеркивают легкость всех архитектурных украшений. Таким образом, создана архитектонически очень ясная система — тяжелые несущие стены и откровенно «беззаботные» украшения. В современной Тюмени осталось несколько подобных зданий. На фоне характерных для города деревянных домов с объемной скульптурной резьбой наличников и с массивными ставнями эти здания составляют самостоятельную группу, где архитектура основана на сочетании средне- и северорусских традиций пропильной резьбы с приемами каменного зодчества. Пропильная резьба пришла в Тюмень в конце XIX века вместе с капиталистической рационализацией, когда стала особенно цениться быстрота и дешевизна работы.

Но в Тюмени есть и еще один — третий — тип деревянного дома. Здесь уже приемы каменного зодчества сочетаются с приемами самобытной тюменской объемной резьбы по дереву. Великолепный образец такого рода можно увидеть здесь же, на площади, в другом ее углу (улица Республики, 18). Построен дом в начале века Колокольниковым. Поднятый на цокольный деревянный этаж, прямоугольный в плане, он имеет сильно выдвинутый вперед угловой ризалит. Уже одно это говорит о стремлении авторов-строителей подражать формам каменных особняков. Кроме того, стены сплошь обшиты горизонтальными рейками для имитации узкого «дощатого» руста, ось бокового фасада отмечена фигурным фронтоном и двумя колоннами на постаментах, а характер резьбы на этом фронтоне и на ризалите откровенно следует образцам декора барокко и даже Возрождения (резная «раковина» в полукруглой нише). Но при всем том очельях большинства оконных наличников выполнены вполне в духе тюменской объемной домовой резьбы. В результате возникла архитектура, эклектичная в своей основе, но без оттенка ущербности, который неизбежно сопровождает результаты формального комплектерства в архитектуре. В данном случае, скорее, можно говорить об удачной попытке осуществить характерный для того времени поиск новой гармонии на основе многообразия и свободного выбора форм. Очень важно, что единство материала и влияние местной художественной школы обеспечили и единство всего декоративного решения дома, несмотря даже на то, что в полном соответствии с эстетикой эклектизма оба уличных фасада равнозначны, хотя решены по-разному. Цельностью отличается и архитектура интерьеров, тоже построенных по принципам решения каменных особняков с их печами-каминами, анфиладами комнат, гостиными со

*Деревянный особняк в Тюмени (ул. Володарского, 7)*

*Фрагмент деревянного особняка (ул. Володарского, 7)*

→

скругленными углами, лепными плафонами. Не сохранился, к сожалению, приусадебный участок с садом, и это оборвало какие-то очень важные связи здания с окружающим пространством, красивый дом «замкнулся» сам в себе.

Дом Колокольникова сейчас известен в Тюмени как штабквартира В. К. Блюхера. В июле 1919 года Василию Константиновичу приказом Реввоенсовета было поручено формирование 51-й стрелковой дивизии (впоследствии Перекопской) и командование ею. После того как весной 1919 года южная группа войск Восточного фронта под командованием М. Фрунзе и В. Куйбышева сумела остановить рвущуюся на запад колчаковскую армию (по существу, заново созданную массовой мобилизацией после поражения под Вяткой) и отбросить ее за Урал, перед 51-й дивизией встала задача окончательного изгнания Колчака из Сибири.

В Тюмень дивизия Блюхера, еще не вполне даже сформированная, с боем ворвалась в августе. Здесь же, в городе, к 15 августа и завершилось создание дивизии воссоединени-

*«Дом Блюхера» в Тюмени. Начало XX в.*

ем частей Особой бригады, Особого Северного экспедиционного отряда, Первого Вятского крепостного полка и других полков, тоже прошедших с боями от Урала до Тюмени. Штаб-квартиру Блюхер разместил в бывшем купеческом доме. В гостиных были организованы оперативная и рабочая комнаты полководца, в других помещениях разместились его спальня, кухня, небольшая комнатка секретаря Г. П. Покровской.

Из своей штаб-квартиры Блюхер руководил первыми боевыми операциями только что рожденной дивизии. Но когда одна из бригад его, освободив 4 сентября Тобольск, оказалась под угрозой окружения, Блюхер применяет испытанный прием — рейд по тылам белых. Он сам возглавляет рейд и, покинув штаб-квартиру, в осеннюю непогоду выступает в поход, оставив вместо себя начальника штаба Мацука. Несмотря на то, что в Тобольск для оперативного руководства приезжает сам Колчак, а отряд Блюхера остался почти без боеприпасов и продовольствия, всем частям Крас-

*Деревянный дом в Тюмени (ул. Перекопская, 5). 1913*

ной Армии удается вырваться из, казалось бы, неизбежного окружения. 17 октября Блюхер возвращается в свою тюменскую штаб-квартиру.

В конце октября 1919 года штаб-квартира в Тюмени опустела. 51-я дивизия, получив подкрепление, перешла в наступление, выбила Колчака из Тобольска и с боями дошла до Ново-Николаевска (Новосибирска). В августе 1920 года дивизия была переброшена на юг для борьбы с Врангелем. К тому времени Сибирь была уже полностью освобождена от колчаковцев.

В Тюмени можно познакомиться с еще одним типом деревянных домов. Недалеко от «дома Блюхера», на улице Перекопской, стоит большой двухэтажный дом с двумя ризалитами, увенчанными фронтонами. Здесь тоже можно увидеть прямые аналогии с каменным зодчеством: ось главного фасада выделена балконом и венчающим «барочным» картушем, углы обработаны «под пилястры». Но при всем этом мощные бревенчатые стены остались необшитыми,

*Здание бывш. почтамта в Тюмени 1810-е гг. — последняя четверть XIX в.*

кариз и фронтоны украшены пропильной деревянной «бахромой». Лаконичные крупные наличники контрастируют с угловыми пилястрами, поверхности которых покрыты тонкой выемчатой резьбой классицистического характера. Своей массивностью, темным цветом и сложным силуэтом дом выделяется из окружения. В первом десятилетии XIX века было построено второе в Тюмени здание в стиле классицизма — почтовая контора. Первоначально оно имело небольшие размеры — всего лишь девять окон по главному фасаду. Позже, во второй трети века, здание было удлинено почти в три раза, внутри появился большой операционный зал, который и сейчас хорошо служит городскому телеграфу. Вынесенное на главную улицу, здание почтовой конторы получило декор, значительно более насыщенный, чем здание Военного присутствия. Основу декора первоначального объема составляют размещенные в каждом простенке плоские пилястры стилизованного дорического ордера и простые профилированные наличники окон, в первом этаже увенчан-

ные трехчастными клинчатыми замками, а во втором — лучковыми сандриками. Лепные розетки, помещенные между кронштейнами, придают зданию камерность. Фасад пристроенного объема имеет уже иной характер, хотя ясно видно, что автор ставил себе задачу увязать архитектуру нового здания с уже существующим. Это обстоятельство дает возможность современному зрителю составить наглядное представление о перерождении классицизма в те полвека, которые разделяют эти постройки. «Подогнав» под существующее здание размеры нового фасада, ритм окон и пилястр, зодчий второй половины века тем не менее создал произведение вполне в духе своего времени. Узкие прямоугольные окна старого фасада уже казались недостаточно импозантными, поэтому на первом этаже нового здания появились арочные проемы, а на втором над квадратными окнами были устроены архивольты, зрительно превращающие эти окна тоже в арочные. Вместо простых пилястр появились каннелированные, а на втором этаже пилястры превратились в тонкие рамки. Фриз и карниз слились в один широкий, но почти без выноса, мелкопрофилированный пояс. Такой же пояс протянулся и между этажами. Весь поздний декор, откровенно накладной, отличается подчеркнутой графичностью. Здесь уже нет простых или массивных деталей, столь характерных для классицизма. Все декоративные элементы словно расчерчены множеством тонких линий — настолько мелкими стали профили. Исчезла сочная светотень классицистических зданий, как будто раздробилась она на множество изящных «рафинированных» полосок. Со всем этим исчезла и «грубая материя» — конструктивная масса здания. Сопоставляя оба примкнувших друг к другу фасада, видишь, насколько декор первоначального здания, хотя, по существу, тоже иллюзорный, наложенный, органичнее связан со своей основой — массивной стеной, прорезанной окнами. «Рисованный» фасад пристроенного объема — результат новой эстетики, рожденной сложным временем пересмотра многих ценностей.

Напротив почтамта, закрепляя четвертый (северный) угол площади, стоит здание бывшего Александровского реального училища (ныне сельскохозяйственный институт). Построенное в 1878 году по проекту архитектора Петербургского университета Воротилова, громадное здание встало как памятник формальной, не одухотворенной искренним чувством эклектики. Набор декоративных средств случаен, не увязан в единую систему, и потому здание, и без того сильно изрезанное в плане, кажется еще более дробным. Однако постройка такого большого здания несомненно повысила

градостроительный престиж центральной городской площади. Здание имеет сейчас и мемориальное значение — здесь учились писатель М. И. Пришвин, известный советский дипломат Л. Б. Красин, легендарный разведчик Н. И. Кузнецов.

Постройке реального училища предшествовало возведение на площади в 1859 году другого учебного заведения — женской школы, позднее перестроенной и реорганизованной последовательно в училище, прогимназию, гимназию. По сравнению с реальным училищем это здание выигрывает цельностью архитектурного решения. Характерной чертой фасадов является суховатость декора добротных краснокирпичных стен, геометризм декоративных форм — стилизованных «сухариков» и лучковых надоконных арок. Здание является также памятником истории: с 1931 по 1941 год здесь учился Герой Советского Союза В. Л. Худяков.

Постепенная застройка площади привела к тому, что она оказалась сформированной разновременными и разностильными зданиями. Но, как ни странно, это обстоятельство не повлекло за собой архитектурной раздробленности и несобранности пространства. Объяснение этому обстоятельству, очевидно, следует искать в больших размерах и «разомкнутости» площади в сторону реки, что придает ей характер скорее ландшафтный, чем сугубо городской. Эта площадь несет на главную улицу свежесть речных просторов. Здесь Тура еще является частью городского центра. Дальше, вниз по течению, берег круто поворачивает на восток и черты прибрежного города исчезают.

Человеку, идущему по улице Республики, Знаменский кафедральный собор является неожиданно. Собор стоит в глубине застройки, отодвинувшись на целый квартал от шумной главной улицы. По-средневековому плотно окружили его здания. Бело-зеленая громада собора показывает себя частями, возникая то высоко над окружающей застройкой, то в узких просветах между домами. Ни одному сооружению в Тюмени не свойственна такая стремительная, почти готическая устремленность вверх, как Знаменскому собору. Поэтому так необычно и привлекательно городское пространство вокруг него. Это пространство никогда не было постоянным, а все время видоизменялось с ростом и развитием города. И только местоположение церкви оставалось неизменным, несмотря на то, что каменная Знаменская церковь, заложенная в 1768 году, — это уже третья по счету церковь на этом месте (первая — деревянная, построенная в первой четверти XVII века, сгорела в 1697 году, вторая, тоже деревянная, сгорела в 1766 году). Сооружали ка-

*Знаменский собор*
*в Тюмени. 1768—1801*

менный храм долго — свыше тридцати лет — и освятили его в 1801 году. В то время Знаменская церковь представляла собой высокий, вытянутый в длину «корабль» с небольшим зимним северным приделом (сама церковь в то время была «холодной»). Во время капитального ремонта в 1851—1862 годах северный придел был разобран, построен южный, открывшийся в трапезную широкой, вновь пробитой аркой. Этот придел позже сгорел и в 1901 году отстроен вновь. В 1904 году был построен новый северный придел. Архитектура приделов полностью соответствует архитектуре первоначального объема, поэтому сейчас Знаменская церковь представляет хотя и сложное, но целостное сооружение, очень интересный образец русского барокко в Сибири. Причем говорить о барокко в данном случае можно без всяких скидок на то, что здание было закончено на рубеже XIX века, а расширено в начале XX века. Ведь в культовом зодчестве Центральной России барокко сохранялось до начала XIX века, а в глубине Сибири — и того дольше.

Чем же создается почти фантастическая нарядность и праздничность собора? «Секрет» этих качеств не в каких-то отдельных архитектурных деталях, а в той оптимистической позиции народных мастеров, которая заставляла их превращать каждый фрагмент здания и все здание в целом в буйно «цветущий» чудо-камень. Перед Знаменским собором, этим самым ярким произведением барокко в Тюмени, начинаешь не соглашаться с теми, кто в провинциальной архитектуре видит лишь упрощенный слепок столичных образцов. Нет, не наивное подражание, а бесконечное творческое развитие форм и принципов русской архитектуры нужно видеть в произведениях провинциального зодчества. Влияние местных условий и особенностей — это то, что обогащает стиль эпохи и в то же время проверяет его жизнеспособность, истинность. Трудно найти прототип Знаменского собора. Скорее всего его нет. Перед нами — вдохновенная фантазия на темы русского барокко.

Среди исследователей о русском барокко до сих пор ведутся споры. Одни относят к этому стилю только период «елизаветинского» барокко (1730—1760-е годы), другие — громадный полуторавековой отрезок времени начиная с «узорочья», то есть с 1620-х годов. Вторая точка зрения, очевидно, более уязвима, ибо главным ее аргументом является лишь богатство декора в русской архитектуре 1620—1760-х годов. Но ведь для настоящего барокко совершенно недостаточно просто украсить — пусть даже богато — статичную стену. Нужно еще «преодолеть» статику, превратить стену в пластически пульсирующую массу. Соответственно должно решаться и пространство.

В Западной Европе такая архитектура сложилась после эпохи Возрождения, в России — через полтора века, в послепетровскую эпоху. Но даже такое значительное «запаздывание» не привело к тому, что русское барокко стало слепком с западного. Тюменский Знаменский собор — наглядней-шее тому подтверждение. Множество декоративных главок, буквально «усеявших» собор, как звонкое эхо, усиливают свободную пространственность объемов. Композиция настолько пластична и живописна, что в ней нельзя даже выделить какое-либо постоянное ядро. Каждый фасад кажется главным, но никакой из них не предстает «статичным»: фигурные фронтоны, венчающие каждую стену, «играючи» превращают тяжелую массу в разнообразную стихию. Это движение сложно изогнутых форм могло бы показаться хаотичным, если бы не организующее влияние восьмерика над трапезной. Трудно объяснить, каким образом этот невысокий, но широкий восьмерик, «едва втиснув-

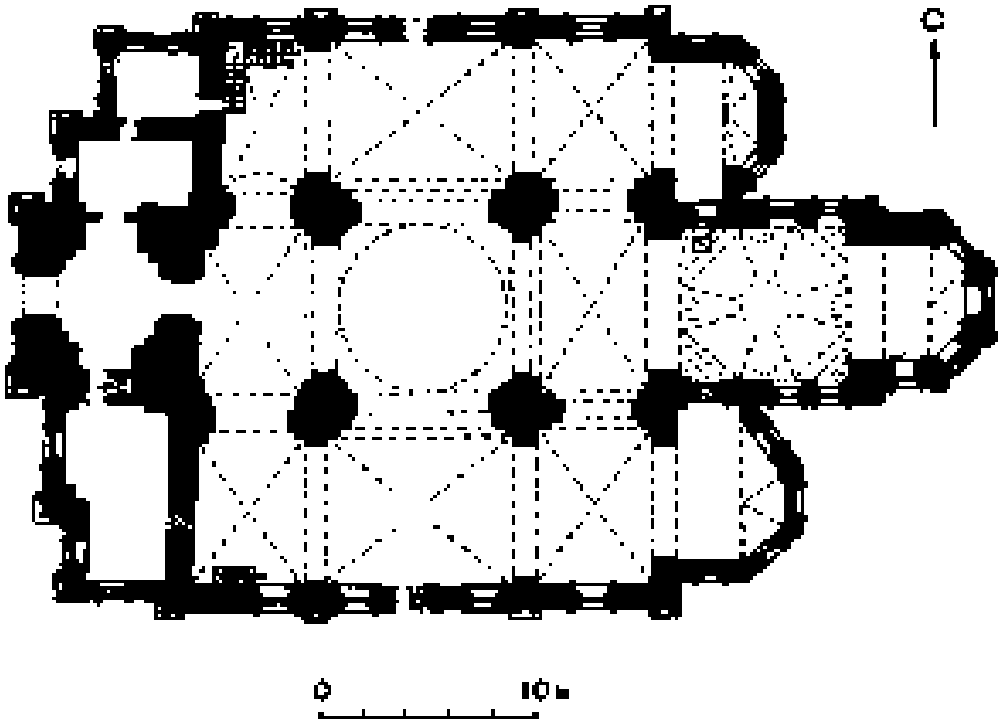
шийся между храмом и колокольней, вносит ощутимый ритмический порядок в композицию, им же самим усложненную.

Можно долго стоять перед Знаменским собором, рассматривая каждую его деталь, наслаждаясь буйным цветением его форм и пытаясь понять тайны сотворенной гармонии.

Шпили Знаменского собора еще несколько раз мелькнут вслед идущему по улице Республики и исчезнут где-то в глубине. А через два квартала, но уже с другой стороны улицы, тоже в глубине, показывает себя другая барочная церковь — Спасская, законченная строительством в 1794 году. Как и Знаменский собор, Спасская церковь вначале была выстроена в виде вытянутого «корабля», но двухэтажного, с небольшой, почти квадратной трапезной. Поэтому и характер объемного построения получился иной: Знаменский собор свободно вытянулся вдоль продольной оси, Спасская же церковь очень компактна, колокольня и четверик храма почти прижаты друг к другу. Эта компактность и вертикализм объемов, казалось, должны бы рождать впечатление устремленности ввысь, однако этого не происходит. Очевидно, здесь имеет значение некоторая грузность восьмерика колокольни, массивность щипцовых фронтонов стен храма, статичность башнеобразных угловых пилястр, трехгранных, увенчанных глухими декоративными фонариками. Дополнительную приземистость сообщила зданию пристройка в начале XX века с северной стороны храма, в плане почти идентичного первоначальному, но без венчающих элементов. А выстроенный несколько позже двухэтажный объем западного притвора своими измельченными псевдорусскими формами лишил церковь внушительности. Но если отбросить мысленно поздние пристройки, сооружение предстанет очень цельным по декоративному решению и распределению масс.

Церковь практически одноглава: на пятиглавие намекают лишь декоративные фонарики по углам четверика. Статичность архитектуры подчеркивается и стенным декором, в котором определенно выделяются треугольные элементы — более жесткие по рисунку, чем плавные кривые Знаменского собора. Продолжая сравнение двух церквей, можно отметить также различную роль венчающих элементов в создании архитектурного образа: в Знаменском соборе барабаны, фонарики, шпили, главки являются ведущими элементами, в Спасской церкви — подчиненными общей системе распределения масс.

Для главной улицы города здание Спасской церкви очень важно, так как обогащает ее пространство далеким и архи-




*План Знаменского собора в Тюмени*

*Спасская церковь в Тюмени. 1794*

тектурно привлекательным «прорывом». Совсем иное, не менее важное значение имеет она для улицы, на которой стоит (улица Ленина). Спасская церковь теперь единственная вертикаль на ней. Видимая с далеких точек, церковь «держит» всю улицу, придает ей законченность и определенность. Обилие зелени усиливает лиричность этой улицы — одной из старейших в Тюмени.

Улица Ленина в своей старой части не имеет площадей и застроена в основном жилыми домами — деревянными и каменными. Почти каждый дом здесь своеобразен. Выделяются несколько каменных особняков, построенных в конце XIX — начале XX века.

Невдалеке от Спасской церкви стоит двухэтажный дом (№ 47), известный как «дом Яши Шайчика», сооруженный в неоклассицистических формах. Симметричный, с колоннами на два этажа, особняк выглядел бы чопорно-торжественным, если бы не некоторая перегруженность декором да полукруглый эркер в центре здания, внесший уютно-

*«Дом Яши Шайчика» в Тюмени. 1914*

лирическую ноту в композицию главного фасада. Совсем неторжественна и планировка здания — ряд комнат и залов вдоль изогнутого коридора.

Это несоответствие фасада и плана — одно из проявлений неорганичности неоклассики, тем более в провинциальной трактовке.

Другой особняк (дом № 24) совсем невелик, одноэтажен, но чрезвычайно привлекателен своей неназойливой нарядностью. Это здание нельзя отнести к какому-либо стилю. Элементы классицизма (профилированный карниз, рустованные углы, декоративные подкарнизные кронштейны) естественно и гармонично сочетаются со сложными лепными наличниками окон, «народными» орнаментированными водосточными трубами, ажурным, пышным кружевом кронштейнов под козырьком входа. Главный фасад, совсем не претендующий на торжественность, асимметричен — угол, где размещен главный вход, раскрепован. Дворовые фасады скромнее, но тоже нарядны.

Центром всего внутреннего пространства особняка является большой светлый зал-вестибюль, вокруг которого расположены другие залы и комнаты. Такое решение непривычно для жилого дома и очень напоминает планировку общественного здания. «Парадность» интерьеров усилена большими лепными плафонами, широкими многопрофильными карнизами и наряцовыми каминными печами. Ощущение открытости, просторности в этом доме усиливается высокими арочными проемами, из которых видны сад и каменные дворовые постройки. Эти виды и украшают центральный зал и видоизменяют внутреннее пространство. Строителям этого особняка (имен их, к сожалению, установить не удалось) нельзя отказать в архитектурном мастерстве и вкусе.

Последние три квартала старой части улицы Республики застраивались в камне на рубеже XIX—XX веков. Характерный для того времени стилистический разнобой тем не менее не создает хаоса, так как все постройки имеют единый, очень приближенный к человеческому масштаб. Обилие и разнообразие деталей как будто специально рассчитаны на заинтересованное разглядывание их неспешной праздной толпой. Эта «простодушность» архитектуры очень привлекательна.

Из всех зданий на этом участке улицы наибольшим «благородством» и крупностью членений отличается одноэтажное здание бывшего банка (теперь в нем сберкасса), построенное в стиле неоклассики, но с использованием элементов модерна. Смешение стилей в данном случае породило очень интересное художественное единство. Характерные для стиля модерн женские скульптурные головки в окружении классицистических форм «освежили» традиционный архитектурный образ.

Заслуживает внимания двухэтажное здание бывшей картинной галереи (улица Республики, 31). Фасад его сплошь наивно и откровенно покрыт разнообразным декором. Здесь можно увидеть и псевдорусские кокошники, и «итальянские» разорванные сандрики в виде полукруглых фронтонов, и геометрические фигуры, явно использующие мотивы местной резьбы по дереву. Но интерьеры строже, торжественнее, хотя в плафонах и карнизах классицистические детали тоже соседствуют с деталями явно народного происхождения.

Когда-то на углу нынешней улицы Первомайской была городская застава. Дальше главная улица города опять превращалась в тракт — дорога шла на Ялуторовск и дальше через Омск — в Восточную Сибирь. Лежавшее на тракте загородное Текутьевское кладбище теперь оказалось чуть ли не в центре города, леса и болота исчезли, на их месте

*Дом в Тюмени (ул. Ленина, 24). Вторая половина XIX в.*

*Лепной плафон в доме по улице Ленина, 24*

за последние пятнадцать лет вырос современный город, носящий ясно видимые следы неожиданно быстрого роста, но все же своеобразный своей линейной структурой, отдельными удачными видами и даже самой своей незаконченностью, почти физически ощутимой перспективностью развития.

ПО ОБЕИМ СТОРОНАМ ТРАКТА. Разрезанный трактом надвое обширный массив деревянной застройки между оврагами и берегом Туры довольно хорошо сохранился. Прогулка по улицам этой части старой Тюмени доставляет наслаждение не только своеобразием зданий, но и возможностью полного погружения в мир ушедшей эпохи. В некоторых местах на улицах сохранилось булыжное мощение. Дома здесь стоят не «сплошною фасадою», как на главных улицах, а на степенном расстоянии друг от друга, соприкасаясь лишь заборами. Но эта ритмическая однотипность не вызывает ощущения монотонности или однообра-

*Здание бывш. банка в Тюмени. Конец XIX в.*

зия. Бесчисленные нюансы размеров, декора, постановки зданий, озеленения участков, рисунка оград, заборов, ворот и калиток делают каждый участок улицы и улицу в целом неповторимыми по архитектуре. Этот старый жилой район, застроенный в основном зданиями состоятельных и средних слоев населения, нужно исходить вдоль и поперек, не спеша пройти по каждой улице. Наградой будет множество открытий, негромких, но в совокупности своей способных дать ощущение индивидуальной культуры города. Каждый город, каким бы рядовым он ни был, единствен только ему присущими ландшафтом, архитектурой, образом жизни и характером горожан. В середине прошлого века было отмечено, что «жители Тюмени красивейшее племя в целой Сибири. Они вообще крепкого сложения, белы, с выразительными черными глазами, стройным станом и ярким румянцем, характера живого, щеголеваты, трудолюбивы, смышлены и расторопны»[19]. Своеобразная архитектура Тюмени сложилась не без влияния определенного образа

*Здание Картинной галереи в Тюмени. Конец XIX в.*

жизни, в котором переплелись однообразие существования с простодушным естественным стремлением одеть эту жизнь в красивый наряд. Проходя сейчас по улицам старой Тюмени, отмечаешь прежде всего монументальность домов конца XIX века. Каждый дом монументален по-своему. Одноэтажные здания, как правило, низки, как будто распластаны по земле, но с мощными венцами, громадным выносом карниза и тяжеленными ставнями, настолько громоздкими, что, почти упираясь в землю, они прикрывают самый верхний ряд бревен. Таким зданиям не нужны витиеватые резные наличники. Их красота в другом — в благородной простоте, основательности, весомости.

Двухэтажные рубленые дома в Тюмени имеют свои особенности. Обойдя несколько кварталов, можно составить представление об этих особенностях. Характер каждого такого дома формируется не только декором наличников, но и количеством окон на главном фасаде. Самые миниатюрные дома (с тремя окнами на каждом этаже) никогда

не ставились на углу улиц (очевидно, из-за неспособности их прочно закреплять эти ответственные участки) и потому имеют ярко выраженное однофасадное решение. Чуть вытянутый в высоту уличный фасад таких домов придает им изящество. Очень органичны здесь четырехскатные крыши. Они подчеркивают легкий вертикализм дома и в то же время надежно, но мягко «закрепляют» его на земле. Чтобы не нарушать гармонии общей формы, тюменские мастера никогда не украшали такие дома тяжелым объемным декором. Все делалось здесь легко, тонко. Вместо распространенного растительного узора на подоконных досках таких домов часто применялись простые полоски или барельефные изображения балясин. Характерный пример — дом № 15 по улице Дзержинского.

Все другие типы двухэтажных рубленых домов имеют главные фасады, вытянутые по горизонтали. При достаточно внимательном знакомстве с деревянной застройкой можно заметить, что с увеличением числа окон на главном фаса-

*Жилой дом в Тюмени*
*ул. Дзержинского, 15.*
*Начало XX в.*

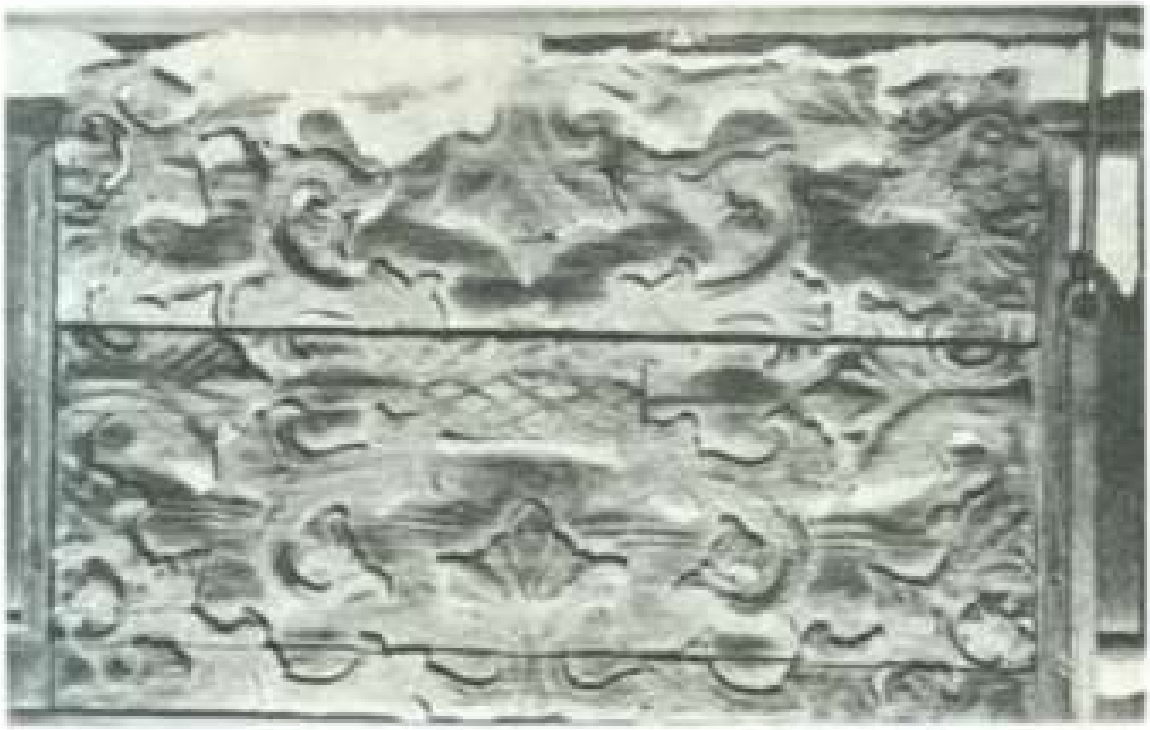
де сочность и «весомость» декора возрастают. Стены больших домов, как правило, обшиваются (иногда «под руст»), а в наличниках окон растительный орнамент сочетается с классицистическими мотивами — колонками, кронштейнами, каннелированными пилястрами, профилированными карнизами. В некоторых случаях, несмотря на такое смешение форм, наличники все же получались суховато-геометрическими, но чаще всего подобный синтез давал результаты совершенно удивительные по своей пластической выразительности. Например, в наличниках и очельях окон дома № 19 по улице Осипенко смело и органично соседствуют стилизованные ионические капители, упруго закрученные свитки, миниатюрные вазоны, круглые розетки на больших встречных волютах и декоративные формы растительного мира, в том числе рожденные в Тюмени изображения кедровых шишек. Все это феерическое богатство мастера сумели организовать в завершенные, логичные композиции, не разрушающие, а, напротив, выявляющие архитектонику и

*Наличник купеческого дома в Тюмени. Начало XX в.*

*Фрагмент карниза надворотной балки жилого дома в Тюмени (ул. Осипенко, 19). Последняя четверть XIX в.*

масштаб большого деревянного дома. Творческий, самостоятельный сплав знакомых, ранее появившихся элементов — это основа любого народного искусства. Безусловно прав был исследователь народного искусства Д. А. Болдырев-Казарин, когда утверждал: «Заслуга не в том, чтобы создать свое искусство только из своих элементов, а в том, чтобы суметь в полном окружении других художественных культур сохранить его и, просочившееся извне, впитать в порядке своеобразной художественной диффузии и сделать своим»[20].

Тюменская домовая резьба XIX века, действительно, очень удачно и своеобразно использует мотивы, родившиеся в разных местах и в разное время. Здесь можно встретить и виноградные лозы с цветами, пришедшие с Украины, и «разорванные сандрики» над окнами, появившиеся во времена «нарышкинского» барокко в каменном зодчестве Москвы конца XVII века, и древние «солярные» знаки —



*Наличник окна купеческого дома в Тюмени. Последняя четверть XIX в.*

*Подоконная доска дома в Тюмени (ул. Сакко, 5)*

многообразные «лучистые» круги, древнеязыческие символы солнца как источника жизни и хранителя («оберега») добра. «Солнышки» украшают не только наличники, но часто и ворота, на просторных полотнах которых лучи-лепестки приобретают размах почти метровый. Надворотные балки иногда получали изгиб и превращались в мощное, распластанное «коромысло» с плавно загибающимися кверху концами (такие вытесанные из одного бревна балки распространены лишь в Тюмени и вдоль Тобольского тракта). Верхние части устоев ворот нередко украшались архаичной трехгранно-выемчатой резьбой, не нарушающей конструктивной логики опорных столбов.

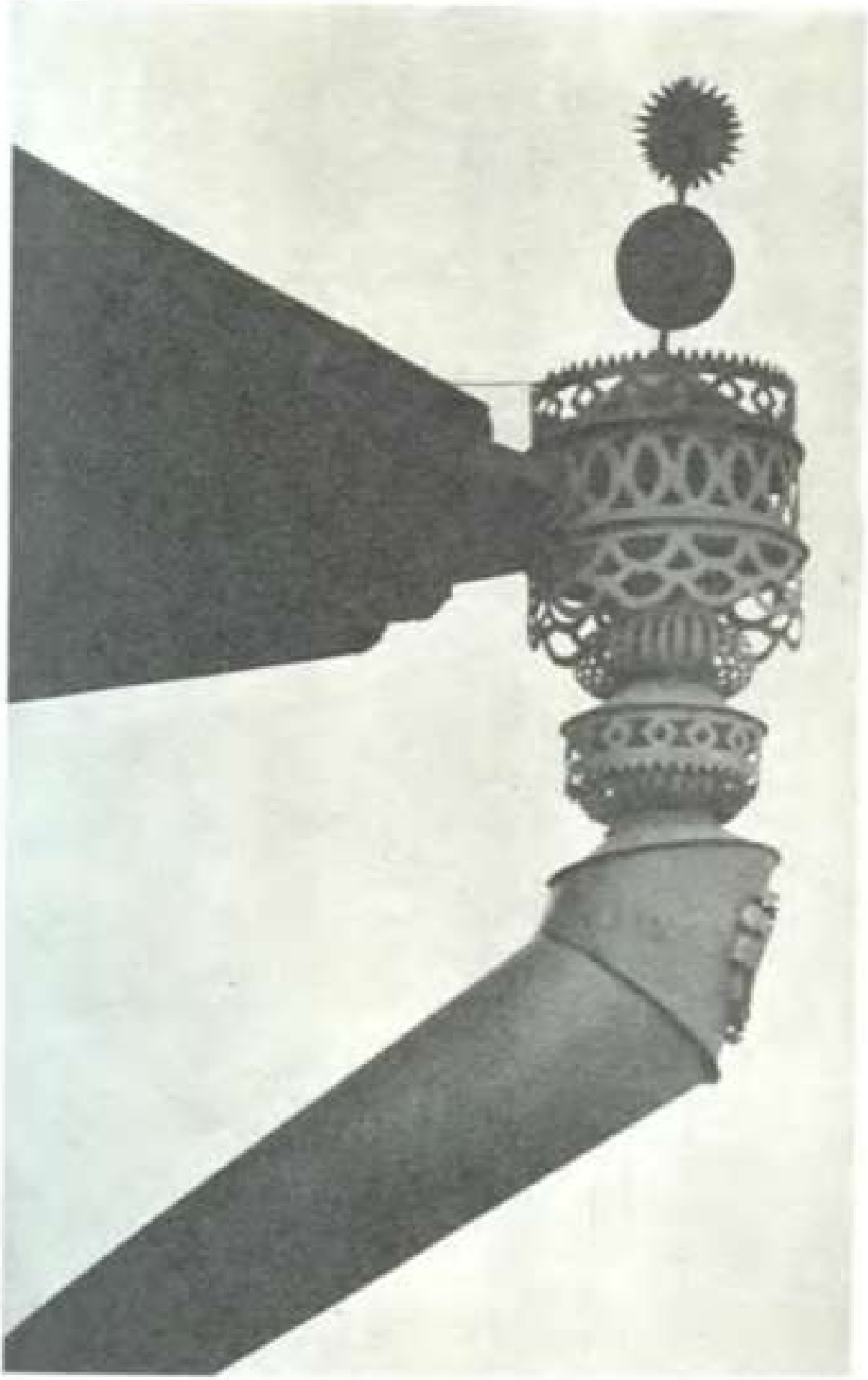
Встречаются удивительные по раскованности сочетания древних и новых мотивов в тюменской деревянной резьбе. На улице Челюскинцев сохранился дом середины XIX века (№ 13) с оконными наличниками и воротами, украшенными выемчатой и объемной «барельефной» резьбой. Воротные столбы здесь канелированы и увенчаны тонко прорисован-

*Фрагмент водосточной трубы жилого дома в Тюмени*

*Фрагмент водосточной трубы жилого дома в Тюмени*

ными «солнышками». На широкой надворотной балке занавески, кисти, гирлянды, бусы, круги и прочее образуют затейливую, но четкую композицию. На очельях окон — растительный орнамент, со всех подоконных досок глядят овальные «солнышки». Гостеприимством и приветливостью веет от этого дома.

В декоративном убранстве тюменских деревянных домов важную роль играют подоконные доски. Большие, массивные, они, как правило, использовались в тех случаях, когда наличники окон были просты, не имели собственной декоративной «силы». Изготовлялись подоконные доски чаще всего в технике глухой резьбы; многие из них по своим художественным достоинствам достигали силы законченных самостоятельных произведений народного искусства. Кроме весьма распространенного мотива «занавесок» на фасадных плоскостях досок использовались и другие, обычно орнаментальные растительные. Круто изогнутые листы и стебли образуют плотный узор, неотделимый от фона —



поверхности доски, которая никогда не бывает гладкой, но обязательно подчеркнуто слоистой. Орнамент всегда имеет симметричную и даже центричную композицию, что подчеркивает откровенно декоративную сущность подоконных досок. Действительно, этими досками всегда украшали дом, даже не пытаясь придать несвойственные им качества конструктивности или тектонической значимости.

Украшение тюменских домов — дело рук не только резчиков по дереву, но и мастеров «железных дел». Ни один дом не обходится без водосточных труб, и эти необходимые и всегда находящиеся на виду элементы жилья закономерно приобрели качества декоративно-художественные. Расположенные на некотором расстоянии от углов дома, водосточные трубы придают неожиданную легкость массивным бревенчатым срубам. Наиболее ответственные и почти всегда видимые на фоне неба верхние колена круто, по-лебединому, изогнуты и декорированы штампованным либо накладным узором. В первом случае верхнее колено делалось квадрат-

*Дымники жилого дома в Тюмени*

—

ного сечения, что влекло за собой и соответствующее оформление водоприемной воронки; во втором случае колено круглое, а воронка превращалась в кружевную венчающую корону. Нарядные водосточные трубы придают праздничность потемневшим от времени, немолодым уже домам.

Начиная с середины прошлого века на фоне общего расцвета русского железопрокатного искусства в Тюмени зародился новый декоративный элемент — дымник. Изготовлением их занимались, как правило, кровельщики, экипажники, иногда печники. Развились дымники из примитивных щитков, защищавших трубу от дождя и снега, а крышу — от искр. Со временем этим щиткам в Тюмени стали придавать форму своеобразных беседок с оградкой или короной, увенчанных сложным узором, миниатюрным «пятиглавием», флажками либо фигурками всадников, птиц и т. п. Если над избой возвышалось несколько труб — все они украшались дымниками. Кроме того, подобное дымникам венчание иногда получали и опорные столбы ворот. В ре-

*Фрагмент «дома Буркова» в Тюмени. Конец XIX в.*

*Фрагмент стены «дома Буркова»*

←

зультате возникало богатое ансамблевое решение, менявшее привычные представления о суровости сибирских изб.

Дымники широко распространились в европейской России (особенно в Вологде, Галиче, Костроме, Переславле-Залесском), но по многообразию форм дымников Тюмень не знает себе равных. Даже в современной Тюмени их насчитывается около пятидесяти типов. В отличие от дымников европейской части России, по большей части округлых, сплошь кружевных, тюменские дымники более сдержанны, конструктивны. В их декоре ощущается влияние восточных мотивов (своеобразные «облака», рога баранов, побеги с листьями). Эти мотивы как будто сошли с восточных ковров, тканей, посуды, потеряв при этом свое символическое значение и превратившись в мотивы чисто декоративные.

Больше всего дымников в Тюмени можно увидеть в жилом массиве восточнее тракта (между улицей Ленина и оврагами) и в городищах. По другую сторону тракта, ближе к реке,

*Деревянный особняк в Тюмени (ул. Дзержинского, 26). Конец XIX в.*

*Деревянный особняк в Тюмени (ул. Дзержинского, 12)* →

селились люди высокого достатка, которые могли позволить себе украшать свои дома дорогостоящей резьбой. Сочная объемная резьба наличников делала ненужным применение украшений на трубах — небольшие дымники уже ничего не могли добавить к богатому декору таких домов.

В деревянной Тюмени дома наиболее зажиточных людей ставились обычно на угловых, самых выигрышных участках улиц. Одноэтажные, на каменных полуподвалах, эти дома обильно украшались резьбой. Наиболее интересным из них является, пожалуй, дом № 30 по улице Дзержинского. Он известен тем, что с октября 1905 по январь 1906 года в нем размещался клуб Союза рабочих. Дом имеет П-образную форму плана и раскрывается в сад красивой верандой. Оба уличных фасада не только нарядны, но и торжественны. Эта торжественность создана удлиненными пропорциями окон, геометричностью наличников, парапетной балюстрадой и фигурными резными фронтонами по осям фасадов. Три центральных окна главного фасада имеют свои,

*Деревянный дом в Тюмени (ул. Челюскинцев, 3)*

особые наличники с более изящной резьбой растительного характера, а вход выделен не только фронтоном, но и резным навесом. Потемневший от времени плотный «литой» деревянный декор делает дом похожим на небольшой дворец, неизвестно откуда появившийся на тихой улице сибирского города.

Улица эта не только тихая, но и очень интересная, так как на ней можно увидеть почти все типы деревянных тюменских зданий, даже оштукатуренные «под камень». В одном из таких домов (№ 26) подделка выдает себя мелкомасштабностью штукатурного декора и большим выносом балкона, поддерживаемого лишь двумя кронштейнами и несущего, кроме того, колонны, антаблемент и крышу над собой. Очень «странное» тектоническое решение, которое порождает «игрушечность» всего облика дома.

Последний участок улицы Дзержинского, там, где она, плавно изогнувшись, открывается на Туру, застраивался в начале века зданиями в стиле модерн.

*Бывш. литейная мастерская ремесленного училища Текутьева в Тюмени. 1914*

«Деревянный модерн», быстро распространившийся с конца XIX века по всем крупнейшим сибирским городам, стоящим вдоль железной дороги, явился последним этапом в развитии деревянного городского зодчества и уже по одной этой причине (не говоря о других) заслуживает внимательного к себе отношения. Одно из таких зданий стоит в начале улицы Дзержинского (дом № 12). Это двухэтажный особняк с полуовальными окнами и открытым эркером, огражденным красивой металлической решеткой. Рядом — интересные ворота, увенчанные переплетениями форм и линий, типичными для модерна.

В Тюмени сохранилось несколько очень интересных образцов «деревянного модерна». Например, в начале улицы Челюскинцев стоит деревянный двухэтажный дом (№ 3) с необшитыми бревенчатыми стенами и мощным «сталактитовым» карнизом из толстых брусков. Закругленность кровли и сочная фактурность всех наружных поверхностей позволяет отнести это здание к «скандинавскому», или

*Бывш. Народный дом в Тюмени. Первая четверть XIX в.*

*Всехсвятская церковь в Тюмени. 1833* →

«северному», модерну, которым в начале века увлекались русские архитекторы, особенно те, которые принадлежали к петербургской школе.

Каменные здания стиля модерн тоже успели появиться в Тюмени. В начале улицы Дзержинского стоит здание бывшего частного ремесленного училища Текутьева. Новый для Тюмени тип декора, примененный в этом здании, отличался подчеркнутой плоскостностью. На лицевую кирпичную кладку были откровенно наложены штукатурные элементы в виде надоконных лучковых арок и тонкопрофилированного линейного орнамента. Еще более оригинально решен фасад стоящей во дворе литейной мастерской, где кроме линейного орнамента использованы три пилона, с оригинальным завершением типа «ласточкин хвост».

Интерьеры решены сугубо рационально (что в принципе свойственно позднему модерну), без каких-либо попыток стилистически объединить интерьер и экстерьер.

Перспективу улицы Дзержинского замыкает стоящее на самом берегу Туры красивое двухэтажное каменное здание с мезонином. Построено здание в первой четверти XIX века как дом Благородного собрания. В 1860-х годах в нем разместился переведенный из Тобольска Приказ о ссыльных — единственный в России[2]. В конце XIX века здание стало Народным домом, то есть местом встреч и отдыха среднего сословия. На очень ответственном месте поставлено здание: вместе с Ильинской церковью оно замыкало прибрежную панораму старой Тюмени. Дальний круговой обзор, очевидно, и заставил применить здесь раннеклассицистическую схему дома со сквозным мезонином. Этот прием позволил не только подчеркнуть геометрическую четкость кубического объема здания, но и создать сильные пластические светотеневые акценты в виде четырехколонных портиков композитного ордера на аркадах. Для усиления контраста фасады получили плоскостный декор — небольшой вынос карниза, мелкопрофильный междуэтажный пояс, неглубокие ниши под окнами, заполненные тонким лепным орнаментом, простые, без наличников и сандриков, окна. Бескоридорная планировка, характерная для общественных зданий классицизма, создает крупномасштабные интерьеры. Когда-то это было единственное каменное здание среди большого прибрежного массива деревянной застройки. Теперь рядом с ним появилась шумная транспортная площадь с громадой Дома техники и новый стальной мост через Туру. От всего этого внушительное когда-то здание Народного дома превратилось в своего рода музейный экспонат. И только когда оказываешься рядом с домом, ощущаешь его былую значительность.

К востоку от Народного дома простирается большой массив старой, но хорошо сохранившейся деревянной застройки. Заканчивался этот массив когда-то городским кладбищем (место для него было определено еще генпланом Тюмени 1808 года). На кладбище в 1833 году было закончено строительство единственного в этом районе каменного здания — Всехсвятской церкви-часовни (прежнее ее название — церковь Сорока мучеников). Эта окраинная церквушка невелика по размерам, но стояла она в окружении зелени, перед ней было большое открытое пространство, ограниченное одноэтажной усадебной застройкой. Среди такого ландшафта церковь выглядела значительной, тем более что и форма ее необычна для Сибири — круглая.

Всехсвятская церковь — не только единственная в области церковь-ротонда, но и единственный пример «чистого» (без элементов барокко) классицизма в культовом зодчестве

Тобольской губернии. Ее цилиндрический объем по четырем осям «закреплен» двухколонными портиками и увенчан пологим куполом. Кольцевой карниз и фронтоны портиков украшены зубцами (другое их название — дантикулы, или сухарики).

Сейчас церковь с трех сторон окружена каменными зданиями, но, как ни странно, не потерялась среди них и по-прежнему является архитектурным центром значительного пространства. В этом, очевидно, проявляется сила большой, геометрически чистой цилиндрической формы, не загруженной деталями и членениями. Даже здесь, в глухой когда-то Тюмени, классицизм сумел оставить свой благородный след.

Не хочется ставить точку в конце путешествия. Но автор надеется, что его книга в какой-то степени поможет читателям открыть для себя красоту архитектуры Западной Сибири, а через архитектуру — интереснейшие страницы истории этого края. Сделанный в этой книге упор на градостроительство, тесную связь ландшафта и зодчества должен был, по мысли автора, продемонстрировать глубокие народные корни русской культуры в Сибири. Ведь русскому зодчеству всегда были присущи удивительная композиционная точность, умение мастерски ставить сооружения на местности, умение украшать ландшафт архитектурой и обогащать архитектуру видовыми перспективами.

Современное бурное развитие Сибири делает близкое знакомство с ней еще более насущным. На повестку дня сейчас официально ставятся вопросы широкого развития в Сибири туризма. На фоне все более растущего интереса к культуре Сибири предложенный в этой книге маршрут можно рассматривать как первый этап знакомства с красотой западносибирского зодчества.

## ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по кн.: Азиатская Россия. т. 1, Спб., 1914, с. 16.
[2] Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. 8. М., 1946, с. 166.
[3] Цит. по кн.: Памятники Сибири. Кн. 4. Западная Сибирь и Красноярский край. М., 1974, с. 4.
[4] Цит. по кн.: Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 94.
[5] Текст надписи см.: Поляков В. П. Прошлое и настоящее города Верхотурья. — «Ист. вестн.», 1896, май, с. 587.
[6] Цит. по кн.: Ильин М. А. Зодчий Яков Бухвостов. М., 1959, с. 14.
[7] Словцов П. А. Письма из Сибири 1826 года. М., 1828, с. 86.
[8] Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 140.
[9] Туринск. Тюрьма без решеток. — Туринская газета «Заря», 1975, 15 марта.
[10] Словцов П. А. Письма из Сибири 1826 года. М., 1828, с. 86, 87.
[11] Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству. Изд. 2-е. Спб., 1804, ч. 3, отд. 3, § 180.
[12] Цит. по кн.: Гернштейн Я. Л., Смирных А. И. Ирбит. Свердловск, 1977, с. 6.
[13] В одной из летописей утверждается, что Ермак «воевавша все лето, и августа в 1 день взяша град Тюмень <...> и ту зимоваша» (Сибирские летописи. Спб., 1907, с. 316). Но большинство исследователей считает, что Ермак не зимовал в Тюмени, а сразу направился в столицу Кучума.
[14] Словцов П. А. Письма из Сибири 1826 года, с. 82.
[15] Цит. по кн.: Кочедамов В. И. Строительство Тюмени в XVI—XVIII вв. — «Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея 1961—1962». Вып. 3. Тюмень, 1963, с. 106.
[16] Живописная Россия, т. 2. Западная Сибирь. Спб., 1884, с. 75—76.
[17] Завалишин И. Путевые заметки. Тобольская губерния. — «Тобольские губернские ведомости». 1863, № 43.
[18] Копылова С. В. К датировке каменного строительства в тюменском Троицком монастыре. — В кн.: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск, 1975, с. 106.

[19] Завалишин И. Описание Западной Сибири. Ч. 1. М., 1862, с. 220.

[20] Болдырев-Казарин Д. А. Народное искусство в Сибири. Иркутск, 1924, с. 7—8.

[21] Разбойный приказ был учрежден в Тобольске еще в конце XVI в. (см.: Вильчко Я. и др. 375 лет Тюмени. Тюмень, 1961). С самого начала ссылка в Сибирь использовалась правительством в колонизационных целях. Например, в 1662 г. ссыльные составляли 8 из 70 тысяч населения края. Но, несмотря на это, «процент преступности» в Сибири был несравненно ниже, чем в центральных областях России. С 1807 по 1823 г. в Тюмени существовало Общее по колодничьей части присутствие. В 1823 г. оно было переведено в Тобольск и переименовано в Приказ о ссыльных.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА


Абрамов Н. Город Тюмень. — «Вестн. Имп. Рус. географ. об-ва», Спб., 1858. Вып. 23, кн. 5—8.

Ащепков Е. А. Русское народное творчество в Западной Сибири. М., 1950.

Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977.

Громыко М. М. Развитие Тюмени как ремесленно-торгового центра. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 397—410.

Дмитриев А. Верхотурский кремль и подчиненные ему крепости по описям конца XVII — начала XVIII в. — «Пермские губернские ведомости», 1885, № 10, с. 60.

Заварихин С. П. Проблемы градостроительного развития Тюмени. — «Архитектура СССР», 1979, № 6, с. 6—7.

Иофа Л. Е. Города Урала. Ч. 1. М., 1951.

История Сибири, т. 1—3. Л., 1968.

Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1974.

Копылов Д. И. Ермак. Свердловск, 1974.

Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII—XVIII в. Новосибирск, 1979.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978.

Кочедамов В. И. Строительство Тюмени в XVI—XVIII вв. — «Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1961—1962». Вып. 3. Тюмень, 1963.

Ляпцев Н. Н. Планировка и застройка города-крепости Верхотурья. — В кн.: Вопросы архитектуры и градостроительства. Свердловск, 1970, с. 15—16.

Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск, 1975.

Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1—2. М.— Л., 1937.

Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск, 1978.

Пермская старина, вып. IV—VI. Пермь, 1889—1895.

Письма из Тюмени претендента на должность городского головы. Тобольск, 1894.

Поляков В. П. Прошлое и настоящее города Верхотурья. — «Ист. вестн.», май, 1896, т. 14, с. 587—604.

Прибыткова А. М. Заметки о памятниках архитектуры Тюмени. — «Архитектурное наследство», 1962, № 14, с. 193—202.

Рощевский П. И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск, 1975.

Словцов П. Письма из Сибири 1826 года. М., 1828.
Сибирские летописи. Спб., 1907.
Списки населенных мест Российской империи, т. 60. Тобольская губерния. Спб., 1871.
Тельтерский П. А. Троицкий собор в Верхотурье. — «Архитектурное наследство», 1960, № 12, с. 169—178.
Торопов П. Трехсотлетие города Верхотурья. Изд. 2-е. Пермь, 1897.
Туринский Николаевский женский монастырь. — «Тобольские губернские ведомости», 1859, № 21—22.
Тюменские дымники. Тюмень, 1975.
Тюмень. Путеводитель-справочник. Изд. 2-е. Свердловск, 1974.
Тюмень в XVII столетии. М., 1903.
Улицы Тюмени рассказывают. Свердловск, 1979.
Шайхутдинова Н. Сохранить тюменскую домовую резьбу. — «Декоративное искусство», 1972, № 3, с. 51.

Фотографии на с. 35, 39, 84 отпечатаны с негативов Государственного Исторического музея. Остальные фотографии, а также рисунки и чертежи выполнены автором.
Обмеры архитектурных памятников Тюмени производились автором совместно с архитектором В. А. Жучковым.

СВЯТОЗАР ПАВЛОВИЧ ЗАВАРИХИН

ВОРОТА В СИБИРЬ

Редактор
Г. П. ПЕРЕПЕЛКИНА

Художник серии
Ю. К. КУРБАТОВ

Рисунки и карта
Ю. И. РАППОПОРТА

Художественные редакторы
Е. Е. СМИРНОВ, Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор
А. Н. ХАНИНА

Корректоры
Н. А. МЕДВЕДЕВА, Е. А. МЕЩЕРСКАЯ

И.Б. № 1396

Сдано в набор 23.03.81. Подписано к печати 17.07.81. А09413. Формат издания 70×90¹/32. Бумага типографская. Гарнитура школьная. Глубокая печать. Усл. п. л. 5,85. Уч.-изд. л. 7,553. Изд. № 1318. Тираж 75 000. Заказ 2854. Цена 55 коп. Издательство «Искусство». 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

АВТОР ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЮ

СОВЕРШИТЬ ПУТЕШЕСТВИЕ

ПО ЗАПАДНОСИБИРСКИМ ГОРОДАМ

ВЕРХОТУРЬЮ, ТУРИНСКУ, ТЮМЕНИ И СЕЛАМ,

РАСПОЛОЖЕННЫМ НА ПУТИ,

КОГДА-ТО СЛУЖИВШЕМ ВОРОТАМИ

В СИБИРЬ.

АВТОР РАССКАЗЫВАЕТ

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЭТИХ СЕЛ И ГОРОДОВ,

ИХ ПЛАНИРОВКЕ И ЗАСТРОЙКЕ,

О ПАМЯТНИКАХ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО,

ТАК И НАРОДНОГО, ДЕРЕВЯННОГО, ЗОДЧЕСТВА.